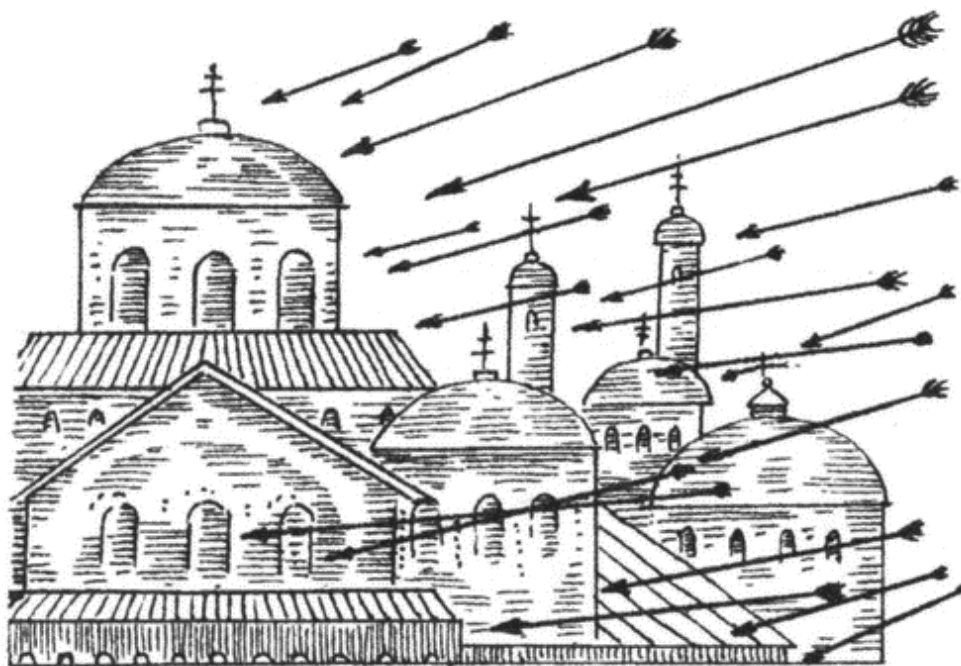

Печенеги

Annotation

В конце IX века в восточноевропейские степи из-за Волги нагрянул кочевой народ, доселе в тех краях неизвестный. Кочевники дошли до Крыма, оттеснили за Дунай венгров и по-хозяйски распространились на огромной территории между Русью на севере и Византией на юге. Около двух веков наводили они страх на придунайские народы, разоряли русские города и заставляли трепетать византийцев. Но 29 апреля 1091 года весь этот народ, как написала византийская принцесса Анна Комнина, «превышавший всякое число, с женами и детьми погиб в один день». Сведения об этих кочевниках сохранились в византийских, арабских и западноевропейских источниках, где они носят разные имена; русские называли их печенегами. Об истории печенегов, их появлении на мировой арене и страшной гибели рассказывает эта книга. В нее включены работа академика В.Г.Васильевского «Византия и печенеги» и

главы из книги П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар».

- [В.Г. Васильевский](#)
 -
 - [Василий Васильевский](#)
 -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [Петр Голубовский](#)
 -
 - [Племенное родство и происхождение кочевников](#)
 - [Русь и кочевники](#)
 - [Кочевники у себя](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
 - [144](#)
 - [145](#)
 - [146](#)
 - [147](#)
 - [148](#)
 - [149](#)
 - [150](#)
 - [151](#)
 - [152](#)
-

**В.Г. Васильевский
П.В. Голубовский
ПЕЧЕНЕГИ**

Василий Васильевский Византия и печенеги

*Посвящается Константину Николаевичу
Бестужеву-Рюмину*

Император Василий II, знаменитый Болгаробойца, умирая (в 1025 году), оставил Византийскую империю на верху внешнего величия и силы. В кровавой борьбе низвергнута была в прах славянская держава Самуила^[1], и Византийская империя снова простиралась до берегов Дуная, как это было во время Юстиниана I. На востоке константинопольские хоругви снова доходили до берегов Евфрата, греческая власть была восстановлена в Сирии; властители Грузии и Армении, напуганные успехами турецкого оружия, добровольно передали в руки византийского императора свою власть и свои столицы (Ани^[2], Васпуракан^[3]). Усмирив восстание в Южной Италии, Василий II хотел увенчать свои успехи великим подвигом на пользу христианства; пред своей смертью он занят был приготовлениями к большому походу для изгнания сарацинов с острова Сицилия; разноплеменная византийская армия — турки и болгары, валахи и русские — уже стояла в Реджио и ожидала прибытия императора. Начатые переговоры с

Римом указывали на существование еще более широких планов, чем завоевание Сицилии.

Все, что было сделано Василием II и его двумя достойными предшественниками — Фокой^[4] и Цимисхием^[5], все великие замыслы Василия, все это быстро рушилось при его преемниках. Как это уже не раз бывало в византийской истории, за эпоху могущества и блеска последовало с удивительной быстротой самое глубокое падение.

Ряд грубых политических ошибок был, несомненно, сделан византийскими правителями, следовавшими за Болгаробойцей. Благоприятное время для смелых и великих предприятий в Сицилии и в Италии было пропущено. К планам Василия воротились только тогда, как обаяние греческой победы при Каннах^[6], где русские помогли византийцам разбить апулийских инсургентов и первых норманнов, пришедших к ним на помощь, уже давно исчезло. Попытка завоевания Сицилии в 1040 году, сначала все-таки успешная, рушилась позорным образом благодаря византийскому корыстолюбию, которое никогда не любило делиться добычей с союзниками и помощниками, и той утонченной жестокости, соединенной с глубоким презрением к человеческому достоинству, которые допускала образованная Византия в отношении и к своим, и к чужим. Тот искатель приключений^[7], которому греческий катапан^[8] велел выщипать бороду, предварительно избив его раздетое донага тело ременною плетью, возжег в жителях Мельфи «пламя неудовольствия, таившееся под пеплом» и привел норманнов в этот важный город, чем и положено было начало норманнскому завоеванию греческих владений в Южной Италии. В результате братья Готвили, и самый знаменитый из них Роберт (Гвискар)^[9], начали свое поприще, ознаменованное такими чудесными успехами,

что через сорок лет они уже грозили самому Константинополю. Распутное мотовство Константина IX^[10] и его набожное благочестие выражавшееся в постройке великолепных храмов и щедрых дотациях софийскому клиру, одинаково и совокупно помогали завоевательному движению сельджуков на азиатском Востоке. В то самое время, когда это движение начинало принимать грозные размеры, он, ради нужд своего истощенного казначейства, переложил военную повинность пограничных зависимых армянских и грузинских провинций на денежную. Пятидесяти тысяч превосходного ополчения, которое стало бы защищать свою родину со всем упорством патриотического одушевления, не существовало по вине византийского правительства. Совершенно справедливо находят в этом непосредственную причину быстрых успехов турецкого нашествия в Азии.

Даже завоевание Болгарии оказалось, в сущности, большой ошибкой и принесло громадный вред при той неспособности привязать к себе славянское население, которою отличалось как греческое чиновничество, так и греческое духовенство. Завоевание Болгарии только нарушило систему византийского равновесия на севере. Центром этого равновесия были печенеги, господствовавшие в X веке между Днестром и Дунаем. Если Византия находится в дружбе с Печенежской ордой, то, объясняет Константин Порфирогенет^[11] своему сыну, никто из ее врагов не осмелится даже пошевелиться. Русские совсем не могут предпринять никакого похода вне своих границ, если они не находятся в мире с печенегами; без позволения печенегов они не могут приходить в Константинополь ни для торговли, ни с войною. Мадыяры, столько раз испытывавшие поражение от печенегов, продолжают питать к ним самую почтительную боязнь. Итак, если византийский император будет находиться в мире с

печенегами, то ни русские, ни мадьяры не страшны для него, — они даже не посмеют тогда просить слишком больших подарков от греков за свое мирное поведение. Иначе им можно погрозить печенегами. То же самое и в отношении Болгарского царства. Если византийский император хочет быть страшным для болгар, он легко достигнет этого посредством печенегов.

Все это было так, пока печенеги сами не были соседями империи, пока свободная Болгария заслоняла византийскую державу от напора из Азии варварского мира. Когда отношения изменились, когда плотина была не только прорвана, но совсем разрушена, Византия оказалась так же малоспособна удерживать волны турецкого наводнения в Европе, как и в Азии. Правда, придунайская и черноморская Болгария как будто истощилась и омертвела еще ранее борьбы Василия и Самуила; центр тяжести болгарской державы Самуила был перенесен от Балкан и Дуная на берега Охридского озера в Македонию и Албанию. Но города Дерстр (Силистрия), Бдын (Видин), Месемврия все-таки сохраняли свое прежнее значение, они не сделались бы такой легкой добычей печенегов и сбродной дунайской вольницы, если бы за ними оставалась живая народная сила, окончательно убитая только Болгаробойцей и византийским управлением. Если бы поля Болгарии не обезлюдели после византийского погрома, то не было бы необходимости делать опыты неудачной колонизации с дикими кочевниками.

В пустоту, которая образовалась после разрушения Болгарского царства, устремились сначала печенеги, потом узы^[12] и куманы (половцы), теснившие их с тыла. Те и другие были одинаково страшными врагами для византийской монархии XI и XII веков, не менее страшными, чем их собратья турки-сельджуки в Азии. Вот как описывает печенежские набеги на византийские провинции знаменитый церковный писатель XI века,

Феофилакт Болгарский: «Их набег — удар молнии, их отступление тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко — от быстроты бегства. Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют; если бы кто был смелее Дария Истаспа, если бы он навел мост на Истре и стал искать скифов — все одно, он безумно погнался бы за недостижимым. Они спрячутся в скалах, прикроются густотою леса, а он будет блуждать по горам и рощам, которых дикая суровость уступает только дикой натуре преследуемых; он будет зрителем той великой скифской пустыни, которая не осталась неизвестной и для пословицы. Если, вопреки природе вещей, он будет упорствовать, то и сам погибнет, не столько заслужив сожаление своим несчастием, сколько осуждение своим безрассудством; а скифы успеют доказать, что они дети скал и дубов, будут наносить удары, сами им не подвергаясь, так что, по-моему, если можно верить мифам, тот Гигес^[13], который метал стрелы из мрака, сам недоступный им, был не кто другой, как скиф. Жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Половцы, или куманы, наследовали в XII веке имя скифов, которое в XI веке исключительно принадлежало печенегам. Все то, что Феофилакт Болгарский говорил о скифах XI столетия, все это Евстафий Солунский^[14] мог сказать о скифах XII века: «Это народ, не имеющий прочного постоянного пребывания, не знающий оседлой жизни и потому не гражданственный. Всякою землею он стремится завладеть, но ни одной не может заселить, и

поэтому — это народ многоблуждающий. Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство. Не таковы даже коршуны, плотоядный род и всем ненавистный; таковы разве грифы, которых благодетельная природа удалила в места необитаемые, точно так, как и скифов.

Волчи обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый, волк легко обращается в бегство, когда появится что-нибудь страшное. Точно таков и народ скифский; если он встретит мужественное сопротивление, он озирается назад и обращается в бегство. В одно и то же время он близок и уже далеко отступил. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз»^[15].

В обеих характеристиках, в сущности, конечно, правдивых, немало византийской риторики. Не лишнее поэтому познакомиться с более точными замечаниями о быте этих народов менее притязательного в литературном отношении еврейского путешественника. Рабби Петахия видел половцев во время своего путешествия из Регенсбурга в Азию через Польшу, Киевскую Русь, Крым и т.д. около 1170 года. То, что он говорит о половцах (жителях страны Кедар), во многом относится и к печенегам, единоплеменным с ними: «Они (половцы) не имеют кораблей, но сшивают вместе десять растянутых лошадиных кож и веревку, которая прикрепляется по краям кругом; они садятся на кожи, помещая тут же свои телеги и весь багаж. Потом они привязывают веревку на краю кож к хвостам своих лошадей, которых пускают вплавь, и таким образом переправляются на другой берег». Византийский писатель^[16], который также говорит об этом способе скифской переправы, замечает, что кожаные мешки, наполненные соломой, были всегда так хорошо сшиты, что в них не проникала ни малейшая капля воды.

«Хлеба не употребляют в пищу в земле Кедар, но едят рис и просо, сваренное в молоке, а также молоко и сыр. Они кладут, сверх того, куски мяса под седло лошади, на которой едут, и потом гонят ее, пока она не вспотеет. Мясо делается теплым, и они едят его... Печенеги и куманы — это народ нечистый, который употребляет почти сырое мясо вместо пищи и кобылье молоко вместо питья, который ест кошек и всякую нечистоту, — говорят западные источники почти с таким же чувством безгливости и отвращения, какое выражается на страницах нашей первоначальной летописи... — В земле Кедар можно путешествовать только под охраною. Вот способ, которым сыны Кедара заключают взаимное обязательство верности. Путешественник прокалывает иглой свой палец и приглашает предполагаемого спутника сосать кровь из раненого пальца. Он делается таким образом как бы одной плоти и крови со своим спутником. Есть еще другой способ брать клятву. Медный сосуд, имеющий форму человеческого лица, наполняется молоком; путешественник и его спутник пьют из него, и после этого никогда не бывает измены.

Куманы не имеют общего властителя, но только князей и благородные фамилии. Они живут в палатках, чрезвычайно дальнозорки, обладая прекрасными глазами, потому что они не едят соли и употребляют известные растения. Они — отличные стрелки из лука и убивают птиц на лету. Они замечают и узнают предметы более чем на один день расстояния»^[17].

Таковы были те страшные и свирепые враги, с которыми пришлось бороться Византийской империи, сокрушившей Болгарское царство.

Около половины XI столетия печенеги перешли за Дунай. Это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях, имело громадное значение в истории человечества. По своим

последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готов, которым начинается так называемое переселение народов. Большая ошибка, особенно неуместная в византийской и русской истории, состоит в том, что обыкновенно упускают из виду близкую родственную связь различных турецких племен, именуя одних турками, а других, как бы в отличие, тюрками. Между тем печенеги и узы, или половцы, совершенно такие же турки, как и турки-сельджуки. Известный куманский словарь^[18], в подлинности которого не сомневаются новые исследователи, служит убедительным и наглядным доказательством совершенного сходства языка половцев с наречием турецко-татарским.

Что касается печенегов, то о них византийские источники прямо говорят, что они говорили одним языком с куманами, или половцами. Если бы не упускалась из виду единоплеменность печенегов и сельджуков, то без сомнения история скорее заметила бы связь между переходом печенегов за Дунай в пределы Византийской империи и успехами сельджуков в Малой Азии. Мы увидим, что европейское и азиатское нашествие стремятся в конце XI столетия подать руку одно другому. Непосредственной причиной великого движения с запада на восток, то есть Первого крестового похода, насколько эта причина заключалась в положении Восточной империи, были не столько завоевания сельджуков в Азии, сколько грозные и страшные массы Печенежской орды, угрожавшей самому Константинополю.

Вообще эти движения Печенежской орды после перехода за Дунай необходимо проследить шаг за шагом, во всей подробности, которая нам доступна при существующих источниках. Несмотря на утомительное однообразие описаний печенежского грабительства и разбоя, здесь можно найти некоторые довольно важные

указания и намеки для истории Восточной Европы. Византийская политика перед Первым крестовым походом и в самом Первом крестовом походе не может быть ясно понята без постоянного внимания к печенежскому вопросу. Отношения Византии к князьям русским, вероятно, получают новый свет от более подробного изучения истории печенегов и половцев.

В XI столетии печенеги, разделенные на тринадцать колен, кочевали на пространстве от берегов Днепра до реки Дуная. Узы, одно из более сильных племен той орды, которая потом в Европе получила название Куманской, или Половецкой, надвигаясь с востока, начинали теснить своих единоплеменников. В этой борьбе некоторые печенежские улусы уже принуждены были откочевать к самому Дунаю, искать убежища в низменных, болотистых областях при устьях этой реки. Внутренние раздоры среди Печенежской орды, находившиеся в связи с внешними отношениями к соседям, ослабили силу некогда грозных кочевников. Тирах, сын Килдаря, главный из печенежских князей, ради своего знатного происхождения пользовавшийся уважением и некоторой властью во всей орде, потерял свой авторитет; его обвиняли в слабости и трусости. В лице Кегена явился ему опасный соперник; не отличаясь знатностью рода, Кеген приобрел славу именно в удачных схватках с узями.

Тирах питал в себе глубокую злобу и несколько раз пытался погубить своего врага в тайной засаде. Раздраженный неудачами, он обратился к открытой

силе. Отправлена была вооруженная толпа с поручением схватить и убить Кегена. Тот узнал вовремя о грозящей ему опасности и, скрывшись где-то в низовьях Днепра, избежал верной гибели. Из своего убежища Кеген завязал потом сношения со своими «родичами», с тем «коленом», к которому он принадлежал по своему происхождению. Улус Белемарнидов отпал, по его приглашению, от общего союза печенежских племен, во главе которого стоял Тирах. Этому примеру последовал и другой улус — Пагуманиды. Кеген располагал теперь достаточными силами, чтобы начать открытую междоусобную войну с Тирахом, своим гонителем, под властью которого оставалось, однако, одиннадцать колен. Борьба оказалась неравной; Кеген был разбит и долго блуждал со своими улусами на пространстве между устьями Днепра и Дуная, нигде не находя безопасного и спокойного кочевья. Жажда мести томила между тем его варварскую душу.

Он решился искать убежища за Дунаем и предложить свои услуги византийскому императору. С двумя улусами, которые к нему пристали, Кеген явился близ Дерстра (Силистрии); численность пришедшей орды простиралась, говорит Кедрин^[19], до 20 тысяч, так что печенежские палатки совершенно покрыли один из дунайских островов. Правитель придунайских городов, по имени Михаил, сын Анастасия, в ответ на свой запрос получил от императора Константина Мономаха приказание открыть печенегам свободный вход в пределы империи, снабдить их съестными припасами, а самого Кегена, их предводителя, отправить с почетом в столицу. Печенежский князь был принят благосклонно при пышном и церемониальном дворе Мономаха. Обласканный императором, грубый и неопрятный обитатель степных войлочных кибиток получил благородный и славный некогда титул римского патриция, так же мало идущий к нему, как мало шло

название римлян народу, в число друзей и союзников которого, по старой формуле, он был вписан. Новый патриций дал обещание отказаться от привольной кочевой жизни, принять христианскую веру и склонить к тому же своих спутников, подвластных ему. Печенегам между тем были отведены земли в Придунайской Болгарии; поселенные здесь, они должны были оберегать и защищать границы империи от нападений своих соплеменников и не всегда дружных с Византией князей русских. Три крепости на берегах Дуная, не названные в источниках, отданы были в руки печенежских поселенцев.

Принятые с таким доверием, степные дикари не отказались исполнить благочестивое желание византийского императора и с большой готовностью последовали примеру своего хана. Греческий монах Евфимий, прибывший на Дунай вместе с Кегеном, без труда обратил в христианство, или, по крайней мере, окрестил в дунайской воде целые тысячи печенегов. Чтоб оценить этот успех, припомним, что сорок лет тому назад католический миссионер Бруно называл печенегов самыми упорными и жестокими из всех язычников и в продолжение пятимесячной проповеди в степях Приднепровья, с большими опасностями для своей жизни, успел обратить в христианскую веру не более тридцати человек. Малое семя не дало плода; вместе с тремя десятками новообращенных, а может быть, и ранее умерла среди печенегов всякая память о ревностном миссионере, скоро нашедшем мученическую смерть у других варваров. Мы увидим, насколько действительно было новое обращение.

Христианское крещение, во всяком случае, не смягчило свирепой души того варвара, который подал другим пример обращения. Кровная месть своему врагу оставалась главной целью Кегена. Его набеги на улусы печенегов, оставшихся под властью Тираха, были

столько же непрерывны, сколько жестоки и кровавы. Убивая взрослых без пощады, Кеген уводил в плен женщин и детей, которых потом продавал в рабство. Византия их покупала.

Тирах, утомленный набегами Кегена, обратился к императору. Ссылаясь на мирный договор, когда-то заключенный византийцами с Печенежской ордой, хан требовал, чтобы Мономах отказал в покровительстве перебежчику Кегену или по крайней мере запретил ему переходить на другую сторону Дуная и вредить печенежским кочевникам, до сих пор уважавшим границы империи. Если этого не будет исполнено, то варвар грозил разрывом союзного договора и внесением тяжкой войны в пределы империи.

Константин Мономах, довольный раздором, который укреплялся при его содействии среди опасной турецкой орды печенегов, громко засмеялся в лицо послам печенежского хана и гордо отверг их требование. Правитель придунайских городов Михаил и перебежчик Кеген получили приказание внимательно наблюдать за переправами на Дунае. Сто морских судов были отправлены Черным морем в устья Дуная, чтобы вместе с конными разъездами поселенных печенегов сторожить движения Тираха и, в случае нужды, препятствовать его переходу на болгарский берег реки. Тирах, глубоко раздраженный, с нетерпением ожидал удобного времени.

Зима 1048 года наступила ранее обыкновенного и была очень сурова. Дунай покрылся толстым слоем льда; сторожевые посты византийские, страдая от холода, ослабили свою бдительность. Тирах воспользовался открытыми путями и со всей ордой, в числе, говорят, 800000 человек, перебрался в пределы империи.

Начались страшные сцены грабежа и разбоя. Вместе с известиями о вступлении в Болгарию всей орды Печенежской Константин Мономах получил донесение

от Михаила и Кегена о невозможности противостоять нашествию с теми силами, какие у них были. Необходимо было отправить подкрепление. Воевода (стратиг) Адрианопольский Константин Арианит и правитель Болгарии Василий Монах получили приказание спешить на помощь к Михаилу и Кегену с военными силами своих провинций. Кеген управлял военными движениями византийской армии, зная приемы и привычки своих соплеменников и недавних сокочевников, и сделал им много вреда. Но лучшим союзником Византии была дикая, грубая и невоздержная натура ее врагов. Молодое вино и славянские национальные медовые напитки, приготовленные болгарами, понравились печенегам и, употребляемые в несоразмерном количестве, произвели губительное действие. Открылись поварьные болезни. Эпидемическая дизентерия производила ежедневно страшные опустошения в печенежских массах.

Кеген узнал о бедственном положении соплеменников и склонил своих теперешних товарищей, греческих воевод, ввиду вражеского многолюдства соблюдавших робкую осторожность, к решительному удару. Византийские силы двинулись вперед; печенеги, упавшие духом, не в силах были противопоставить какое-либо сопротивление. Они побросали оружие; Тирах с прочими князьями, а затем и вся остальная масса отдались в плен византийцам.

Кеген советовал перерезать всех пленников, прикрывая дикую жажду мести заботами об интересах усыновившей его империи. Он говорил: змею всего лучше убьешь зимою, когда она не может пошевелить своим хвостом, а когда она отогреется на солнце, то это будет хлопотливо и трудно. Византийский историк ^[20] считает не лишним отдать честь глубокому смыслу варварского аполога. Но воеводы Константина Мономаха последовали более утонченным и более

мягким внушениям византийской государственной мудрости. Болгария, которая еще не оправилась после ужасного погрома при Василии II, представляла много пустых, незаселенных земель. Византийская казна сильно нуждалась в исправных плательщиках поземельного налога, а византийская армия — в хорошей коннице. Последняя потребность была особенно настоятельна в настоящий момент, когда турки-сельджуки уже начинали свои завоевания в восточных провинциях империи. Голоса византийских воевод взяли верх над кровожадными требованиями мстительного печенега. Кеген мог располагать судьбою только тех из своих соплеменников, которые попали в плен к нему самому. Он перерезал всех тех, которых не успел продать в рабство. Но большинство пленников, целые десятки тысяч печенегов были поселены Василием Мономахом в Болгарии, состоявшей под его управлением, главным образом около Средца (Сардики), Ниша и Евцапела, но также и в других местах. Оружие было, разумеется, отобрано. Тирах и сто сорок знатных печенегов отведены в столицу. Константин Мономах велел их окрестить и потом дал им надлежащие чины и титулы византийской табели о рангах.

Служба печенегов скоро понадобилась. Сельджукский султан Тогрильбей (Тогрул-бек)^[21] грозил новым нападением византийским владениям в Азии. По этому поводу пятнадцать тысяч печенежских конников были отправлены к греческой армии, стоявшей на армянской границе. Отпуская печенегов, Константин Мономах наделил их щедрыми подарками, богатым оружием и статными конями. Четверо печенежских князей, находившихся в Константинополе, были поставлены во главе отряда. История сохранила имена их: это были Сульчу, Селтё, Карам и Кйтали. Некоторые из этих имен прямо напоминают о родстве печенегов с тем турецким племенем, против которого их

посылали. Но ошибка византийского правительства состояла не только в том, что оно посылало против турок близкое и родственное им войско. С совершенно близорукой неосмотрительностью печенеги были отправлены в поход целой массой, без всякой греческой силы, способной наблюдать за ними и обуздывать их.

В Скутари (Хрисополе) печенеги сели на лошадей и вспомнили свою привольную жизнь в степях Черноморья. Конь, открытое пространство, война и грабеж — все это они опять имели перед собою. Но ощущение приволья смущалось мыслью о необходимости подчиняться чужим приказам, воспоминанием о братьях, оставшихся в далекой Болгарии. Недоверие к византийским властям и провожатым, смутные опасения о дальнем пути в неизвестные страны усилили пробудившуюся тревогу. Она разрешилась в неожиданном, произвольном, инстинктивном порыве. Около города Даматри, на расстоянии нескольких миль от Скутари, в печенежском отряде произошло волнение, последовала остановка, вслед за тем сам собою составилс^[22] комент (вече). Совещание было бурное, и голоса разделились. Одни кричали, что нужно идти далее, что необходимо слушаться царя, во владениях которого они находятся; отделенные от всяких сообщений со своими единоплеменниками, печенеги не так многочисленны, чтоб устоять против греческих сил, которые преградят им обратный путь. Другие ничего не хотели слышать о дальнейшем походе в Грузию; нужно остаться в этой самой стране, где уже они находились, овладеть ей и защищаться здесь от нападений византийского императора. Если бы принято было последнее мнение, то, быть может, мы имели бы в истории одним любопытным явлением более: Печенежское государство в Вифинии, в виду Константинополя.

К счастью, не было принято ни то, ни другое мнение, а восторжествовало третье. Один из печенежских предводителей, присланных из Константинополя, Каталим, предложил воротиться назад, к единоплеменникам, оставшимся в Болгарии, и увлек за собою разгоряченную толпу, которая под его предводительством направилась обратно к морскому берегу. Кораблей, на которых были перевезены печенеги, здесь более не нашлось. Но Каталим не смутился и закричал своим спутникам, что кто хочет спасения себе и печенегам, тот пусть следует его примеру: вслед за тем, пришпорив коня, подаренного Константином Мономахом, бросился в воду Босфора. Отчаянный поступок привел было в недоумение толпу наездников, остановившихся на берегу пролива. Но сейчас же нашлось несколько отважных дикарей, которые, очертя голову, поплыли на лошадях за своим вождем, за ними последовали другие и, наконец, вся толпа. Босфор вовсе не представляет такого широкого водного пространства (в узких местах не более 500 метров), которого не могла бы переплыть хорошая лошадь. Импровизированная переправа совершилась благополучно. На другом берегу Босфора, у Св. Тарасия — церковь в предместьях Константинополя — печенеги выплыли на берег. Дальнейший путь они направили к Средцу, туда, где поселены были их единоплеменники, принужденные теперь заниматься земледелием. Никакого сопротивления они не встретили на своем походе: до такой степени неожиданно было их появление на европейском берегу и так быстро было их движение.

После прибытия в Болгарию Каталим и его товарищи без труда подняли там печенежских поселенцев, еще не привыкших к оседлой жизни. Косы и серпы, розданные правительством либо купленные у соседей болгар приучавшимися к деревенскому хозяйству печенегами,

заменяли теперь отобранное оружие. Вслед за тем окрестности Средца и Ниша снова опустели. Печенеги направились мимо Филиппополя к Балканам, прошли горными проходами (клизурами) и остановились в придунайских областях, близ устьев реки Осмы. Только один Селте основался было со своим улусом ближе к Балканам, близ теперешней Ловчи, на той же реке Осме; но Арианит, двинувшийся со своим македонским корпусом вслед за ушедшими печенегами, принудил его отступить далее на север, к товарищам. Все вместе печенежские князья отыскиали потом удобную для кочевья равнину между Балканами и Дунаем; она открывалась к морю и была богата лесом, водой и пастбищами. Туземцы называли эту местность «Сто Холмов».

Подданные Константина Мономаха, и прежде всего жители придунайской Болгарии, тяжело поплатились за ошибки своего императора. Степные хищники не остались спокойными на местах своего нового поселения. Все соседние области много терпели от их набегов. Узнав об этом, император искал средств поправить свою ошибку и призвал в столицу для совещания Кегена, который оставался верным византийскому правительству. Печенежский князь прибыл вооруженным со своим улусом и расположился вне городских стен, на равнине, называвшейся Майданом. Но прежде чем Кеген успел явиться во дворец и узнать, зачем он призван, с ним случилось бедственное происшествие, едва не стоившее ему жизни. Ночью пробрались в его палатку три печенега, подосланные, вероятно, его смертельным врагом Тирахом. Замеченные телохранителями князя, они все-таки успели нанести несколько ударов спящему Кегену, к счастью оказавшихся не смертельными. В печенежском лагере поднялось смятение; убийцы, которые спешили спастись бегством, были пойманы и

приведены к сыну Кегена, Балтчару. Балтчар не решился произвести с ними немедленную расправу согласно с обычаями кровной мести, так как убийцы требовали себе суда перед императором.

Утром следующего дня по улицам Константинополя потянулась необычайная процессия. Впереди ехала четырехколесная телега, в которой лежал раненый Кеген; к ней были привязаны злодеи, покусившиеся на его жизнь; позади шли пешком двое братьев, сыновья Кегена, их сопровождали на конях тысячи печенегов. Процессия остановилась у дворца императорского. Константин Мономах, предуведомленный о причине уличного шума, велел ввести к себе старшего сына Кегенова и, зная обычай кровной мести у варваров, спросил его, почему он не умертвил тотчас же злодеев, покусившихся на жизнь его отца. Балтчар ответил, что этого не сделано из уважения к имени императора, которое было произнесено преступниками. Мономах велел привести к себе узников и сам допрашивал их о побуждениях к убийству «римского патриция». Варвары отвечали, что они хотели сделать это из преданности к императору; они узнали, что Кеген замышлял зло против его особы, что он хотел утром этого дня войти в столицу, перебить всех ее жителей, ограбить ее сокровища и бежать за Балканы к взбунтовавшимся улусам.

Грубая выдумка печенежских варваров встретила с утонченной подозрительностью хитрой Византии и нашла себе благосклонный прием. Преступники были взяты из рук печенегов и после тайком отпущены на волю; Кеген, под предлогом излечения его ран, заперт в одном из императорских дворцов и разлучен со своими сыновьями, которые, в свою очередь, также содержались под арестом в разных местах. Печенеги не верили византийскому врачебному искусству, чувствовали себя неловко и тесно вблизи столиц и тосковали по своим степям. Напрасно Мономах старался

усыпить их подозрительность вином, которое отпускали им в щедром количестве, и примирить их с собою роскошными яствами, которыми кормили их в изобилии. Когда, по его приказанию, сделана была попытка потихоньку отобрать у печенегов оружие и коней, вся орда Кегенова ночью снялась со своего лагеря и ускакала по направлению на север.

На третий день она уже была за Балканами, где соединилась с прочими ее соплеменниками.

По дороге, теперь уже хорошо знакомой, печенеги скоро воротились и, раскинув свои кочевья при подошве Балкан, ближе к Адрианополю, начали опустошительные набеги на города и села Фракийского округа. Константин Арианит, адрианопольский воевода, пошел на них со своим ополчением, но был разбит на голову при крепости Диамполе близ балканских проходов. Константин Мономах принужден был вызвать свои военные силы из Азии, где турки-сельджуки оставили на короткое время в покое византийские владения, чтоб овладеть столицею халифата Багдадом. В ожидании, когда соберется вся его армия, Мономах сделал еще раз попытку склонить печенегов к покорности или, по крайней мере, к дружелюбному соглашению. В Константинополе оставались еще Тирах и несколько князей печенежских, задержанных здесь с 1048 года. Осыпанные богатыми дарами, обнадеженные еще большими милостями в будущем, они были отправлены в печенежские кочевья с поручением уговаривать своих соплеменников к примирению с византийским императором и с клятвенным обязательством, во всяком случае, воротиться назад.

Но в родных вежах печенеги забыли свои обещания, отреклись от христианского креста, на котором клялись, и от самого крещения. Византийцы увидели Тираха во главе печенежской конницы, когда их полки собрались и дело дошло до борьбы в открытом поле. Ополчения

«восточных» округов под главным начальством евнуха Никифора, который был некогда домашним священником у Мономаха, потом покинул служение алтарю ради мирского славолюбия и носил теперь звание ректора и стратопедарха, и сверх того отряды наемных франков с их предводителем Ерве прибыли из Азии. Через так называемый Железный запор византийцы перешли за Балканы и расположились в местности, носившей название Диакене неподалеку от Ста Холмов, где были главные становища печенегов. Воинственный евнух Никифор был уверен в победе и боялся только одного: как бы печенеги не разбежались преждевременно; ему хотелось захватить их всех разом. Такие надежды разделяла вся византийская армия, которая даже запаслась веревками и ремнями, чтобы вязать пленных печенегов. Византийская кичливость была наказана самым чувствительным образом: печенеги, оградившись кругом своими телегами, отбили два нападения византийцев, осыпая их сверху градом стрел, метко пускаемых, а затем сами перешли в наступление.

Византийская армия не устояла, ее вожди первые показали пример бегства. Поражение было страшное, множество убитых осталось на месте битвы, остатки разбитой армии Никифора едва нашли себе спасение в лесах и ущельях Балканских гор. После этого никто не мешал печенегам грабить и разорять Македонскую провинцию; два или три раза они возвращались в свои палатки, отягченные богатой добычей. Так прошло время от осени 1049 года до наступления следующего лета. 8 июня 1050 года печенеги явились под Адрианополем, где в укрепленном лагере снова собрались значительные силы под начальством Константина Ариа-нита. Наученный опытом, адрианопольский воевода хотел соблюдать самую большую осторожность. Он не выходил из-за рвов и

окопов, которыми огражден был его укрепленный лагерь, и располагал напасть на печенегов только тогда, как их пыл остынет и силы утомятся в напрасных попытках против неприступной позиции. Это был, нужно думать, самый благоразумный образ действия против нетерпеливых варваров.

Но план был разрушен своевольною и неуместною отвагой одного из второстепенных начальников. Не дожидаясь позволения главного вождя, он вышел из окопов и завязал сражение. Печенежская конница, как вихрь, накинулась на византийскую пехоту и смяла ее. Константин Арианит, чтобы спасти стесненный отряд от несомненной гибели, поспешил на помощь подчиненному, нарушившему требования дисциплины. Общее сражение завязалось в адрианопольских предместьях, на вспаханных полях и среди виноградников. Византийцы были обращены в бегство, при чем оставили множество убитых на месте сражения. Сам главный воевода Константин, очевидно, самый способный в среде вождей Мономаха, тяжело раненный, попался в плен печенегам и за покушение на жизнь их князя, сделанное в порыве болезненного раздражения, погиб мучительной смертью. Уцелевшая часть разбитого войска спаслась за окопами, которых не следовало оставлять, и должна была здесь выдержать осаду. Печенеги пытались завалить ров камнями и ветвями порубленных виноградников. Быть может, они и успели бы взять лагерь, но счастливый случай, направивший удар греческой катапульты в Сулчу, одного из печенежских князей, спас греков от этой опасности. Ошеломленные смертью своего предводителя, услышав в то же время о приближении болгарского ополчения, печенеги, сняв осаду, рассеялись.

Зато их разбойнические шайки стали появляться в разных местах Македонии и Фракии, везде оставляя за собою страшные следы. Опустошая поля, сжигая села,

уводя в плен или избивая жителей, печенеги не щадили самых малых детей и зверски умерщвляли их, отнимая от материнской груди. Некоторые дерзкие отряды дошли почти до самых стен Константинополя. Тогда Мономах принял наконец близко к сердцу бедствия своих подданных, что за ним не всегда водилось. Он хотел лично стать во главе своей гвардии, чтоб биться с врагами, и только жестокая подагра, следствие невоздержной жизни, заставила его остаться в креслах, в которых он с некоторого времени сидел неподвижно.

Против печенежских наездников, подошедших к столице, вместо больного императора, отправился один из спальных евнухов императрицы Зои, патриций Иоанн, по прозванию Философ, приняв начальство над императорскими телохранителями и дворцовой прислугой. Евнух нашел печенегов недалеко от Константинополя, напал на врагов, когда они спали непробудным сном, и перерезал всех их. На крестьянских телегах привезены были груды печенежских голов в столицу и представлены императору. Самым лучшим и единственно возможным средством для защиты обеих провинций Македонии и Фракии пока был признан следующий способ ведения войны. Византийская армия засела по крепостям. Когда печенеги рассыпались в окрестностях для грабежа, или еще лучше когда они, обремененные затруднительной тяжестью добычи, возвращались назад, тогда только византийские отряды выходили из своих укреплений и отнимали награбленное богатство, не всегда отдавая его обратно в руки пострадавших жителей.

Еще раз прибег Константин Мономах к средству, которое уже было испытано и оказалось совершенно непригодным. Из всех печенежских князей, принятых в византийское подданство около 1048 года, оставался в Константинополе один Кеген, излечившийся от ран, но содержимый под стражей со времени известного

покушения на его жизнь. Он был выпущен на свободу и отправлен к печенегам, чтоб уговорить их к миру или, по крайней мере, отвлечь от общего печенежского союза Пагуманидов и Белемарнидов, некогда признававших его власть. Заподозренный прежде Мономахом, Кеген, по-видимому, хотел исполнить свое обещание добросовестно. Но у него было много врагов, которые давно искали его гибели. Заманив к себе Кегена обманом, приверженцы Тираха убили его и рассекли труп его на мелкие части.

Необходимы были меры более решительные и более действенные. Вызваны были из Азии последние греческие силы, там остававшиеся, местные ополчения округа Телух, Черной горы и прочие. Это были, по своему вооружению, конные стрелки, следовательно, самое целесообразное войско в борьбе с дикими кочевниками. Всего набралось до 20 тысяч. Приняв главное начальство над этими силами, Никифор Вриенний, будущий претендент на императорский престол, должен был обуздывать дерзость печенежских шаек, не вступая в решительное сражение. Между тем как Вриенний довольно удачно исполнял свою задачу в Адрианопольской области, в то самое время сосредоточены были на юге западные силы, высланы в поле варяги и франки, под начальством патриция Михаила, который носил звание аколужа, то есть главного начальника варяжских дружин. Несмотря на действия Вриенния на севере, все пространство на юго-восток от Адрианополя до реки Ергена (Еркенё) было наполнено печенежскими разъездами; они опустошали окрестности Аркадиополя (теперь Люлебургас) и Халкиды и проникали еще далее. Аколуж Михаил расположился лагерем в Хариуполе, в укреплении, находившемся в суточном расстоянии от приморского города Родосто. Через несколько времени и здесь появились печенеги. Беспечность варваров

простиралась до того, что они спокойно расположились для отдыха вблизи византийских сил, давая знать о начавшемся веселом пире игрою на свирелях и цимбалах. Ночью Михаил напал на них и без труда истребил большую часть шайки. Это навело некоторый страх на печенегов, которые уже привыкали грабить безнаказанно.

В Адрианополе Михаил соединился с Вриеннием, и оба направились к северу, очищая провинцию от печенегов, рассеявшихся повсюду. Им удалось настигнуть две значительные шайки: одну при Топлице, недалеко от Адрианополя, на реке Марице (Гебре), и потом другую при Галое, уже вблизи Балканского хребта, и разбить их наголову^[23]. Печенеги были прогнаны за Балканы, их дерзость была несколько обуздана; хотя они продолжали делать набеги на Адрианопольскую область, но по крайней мере с большей осторожностью, чем прежде. Так прошли 1051 и 1052 годы.

Чтобы прекратить тягостные набеги печенегов и возвратить Византии ее придунайские владения, Константин Мономах велел (в 1053 году) своим воеводам перейти Балканы. Тот же самый аколуп Михаил и знакомый нам Василий Монах, правитель Болгарии, имевший свое местопребывание в Нише, перешли со своим войском горные проходы и при Великом Преславе (близ Шумлы) основали лагерь, укрепленный глубоким рвом и палисадом. Византийская армия скоро была окружена здесь полчищами печенегов и подверглась полной осаде. Недостаток съестных припасов, начинающийся голод заставил воевод решиться на отступление, которое должно было совершиться под покровом ночной темноты. Но движение византийцев было открыто печенегами, и путь был прегражден. В страшном ночном побоище смятые полки византийские почти без сопротивления были истреблены варварами: в

числе убитых находился и правитель Болгарии синкелл^[24] Василий; только небольшая часть успела как-то добраться до Адрианополя. Все плоды прежних побед были потеряны. Огорченный император хотел набирать новую армию, но ему посоветовали отказаться от дальнейшей борьбы с печенегами: Богу, дескать, не угодно, чтобы кем бы то ни было уничтожен был один из языков, существующих в известном числе по его воле. Так в благочестивой гордости утешали себя византийцы, принужденные покупать у варваров мир дорогой ценой. Смягченные щедрыми дарами, печенеги обязались в продолжение тридцати лет спокойно жить в занятых ими областях, не переходя за Балканы без призыва. Их князья приняты были в число чинов константинопольского двора.

С тех пор мы не слышим о печенегах до 1059 года. В этом году они, как выражается византийский историк^[25], выползли из нор, в которых скрывались, и снова начали опустошать греческие области — едва ли не по наущению короля венгерского Андрея (1046—1061), который в то же самое время разорвал мирный договор с Византией и начал враждебные действия. Но Венгрия скоро примирилась с империей. Венгерские послы встретили императора Исаака Комнина^[26] в Средце (Сардике, Софии), куда он прибыл со своей армией. Мир был восстановлен на условиях нам неизвестных. После того Исаак направился к востоку, за Балканы, для усмирения печенегов. На этот раз они почти не противопоставили никакого отпора. Между князьями отдельных печенежских колен не было единодушия и согласия; один за другим они признали над собою власть византийского императора и обещались сохранить верность. Только Селтё, известный нам по знаменитой переправе через Босфор, не хотел покориться, надеясь на неприступное положение своего убежища, которое он нашел себе на берегу Дуная на

какой-то скале. Варвар дошел до такой дерзости, что не побоялся выйти в открытое поле против всех сил императора. Он был скоро наказан за свою смелость. Разбитый наголову высланным против него отрядом, Селтё избежал плена только в густых лесах около Дуная; его укрепление было занято византийским гарнизоном. Император Исаак с торжеством возвратился назад. Но на возвратном пути его армия страшно пострадала от дождей, бурь, града и разлива реки Осмы, через которую близ Ловчи ему пришлось переправиться.

Поход Исаака Комнина имел, по-видимому, более важное значение, чем это можно заключать из кратких и неполных известий, сообщаемых источниками. Следствием его было восстановление византийской власти на Дунае. Магистр Василий Апокап и Никифор Вотаниат, будущий император^[27], оставлены были начальниками придунайских городов. Печенеги, живя среди болгарского населения под управлением своих родовых князей, признавая в то же время верховные права империи, не могли, конечно, сделаться вдруг оседлыми и спокойными подданными. Время от времени их бродячие шайки пускались грабить своих соседей и не церемонились выходить из границ, указанных им для кочевья. Но если бы не было прилива новых сродных элементов из-за Дуная, то хотя бы мало-помалу еще можно было приучить печенегов к некоторой оседлости и внушить им уважение к авторитету константинопольской власти.

Между тем на Дунае теснились уже новые толпы турецких кочевников, двигавшиеся по следам печенегов, ушедших от них в пределы Византийской империи.

В сентябре 1064 года узы явились на Дунае. Это было настоящее переселение; целое племя, в числе 600 тысяч, со всем своим имуществом и скарбом толпилось на левом берегу реки. Все усилия воспрепятствовать их переправе были напрасны. На челноках, выдолбленных из древесных стволов, на кожаных мешках, наполненных соломой, узы переплыли на византийский берег. Болгары и греки, которые хотели удержать их, были разбиты; двое сановников императорских попались в плен. Дунайская равнина оказалась во власти страшной орды. Скоро наводнила она более отдаленные области империи; одна часть узов отделилась от прочей массы и бросилась на юго-запад: Солунская область и самая Эллада испытали все ужасы варварского нашествия.

Император Константин X Дука, услышав о страшном событии, совсем потерял голову; казалось совершенным безумием пытаться противопоставить военную силу империи этим мириадам свирепых хищников, из коих каждый почти родился на лошади и вырос с луком и копьем в руках.

Самые сокровища казны императорской, столько раз спасавшие Византию, казались недостаточными в виду необозримой массы врагов. Только понуждаемый народным ропотом, обвиняющим его в скупости, император отправил посольство к предводителям узов; щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями он старался склонить их к миролюбивым чувствам и убеждал воротиться опять за Дунай. Несколько знатных узов, привлеченных щедростью императора и богатством его казны, явились, по его приглашению, в Константинополь и были здесь приняты с самым благосклонным вниманием. Но все это мало помогло.

В опустошенной еще печенегами Болгарии многочисленные толпы узов не находили себе ни удовлетворительной добычи, ни даже достаточного пропитания. Вместо того чтобы возвращаться назад, они стремились вперед. Македония и Фракия пострадали подобно Солунской области. Набеги кочевников доходили снова почти до стен Константинополя. Горесть и отчаяние жителей столицы достигли последней степени. Они начинали серьезно рассуждать между собою о необходимости выселения из Европы, точно так, как после в Киеве, под влиянием всеобщего брожения, охватившего Восточную Европу вследствие движения турецких племен, собирались двинуться в Греческую землю. В Византии объявлен был всенародный пост и покаяние, чтобы умиловить разгневанное правосудие небесное; крестные ходы в столице повторялись ежедневно, сам император принимал в них участие и плакал в виду сокрушенной толпы.

Несмотря на это сочувствие к народному бедствию, положение Константина Дуки во Влахернском дворце сделалось невыносимым. Византийцы привыкли смотреть на бедствия общественные, как на казнь Божью за грехи правителей: образованный и умный историк этого времени отмечает именно здесь это

воззрение и выражает ему некоторое сочувствие, несмотря на то что его сочинение посвящено также одному из императоров. Константин Дука, непопулярный за суровость во взыскании всех податных недоимок, сделался предметом саркастических насмешек толпы, перешедшей от религиозного умиления к дерзким демонстрациям. Скрываясь от народного негодования, император оставил столицу и с небольшой свитой — с ним было 150 человек — остановился в своем загородном имении около местечка Хировакхи в четырех-пяти часах от Константинополя.

Злоязычные византийцы говорили, что их государь отправился против узов с армией столь же многочисленной и доблестной, как армия Диониса (Бахуса), с которой он совершил поход в Индию^[28]. Но может быть, император лучше знал, что нужно делать. Когда он раскинул палатки в открытой равнине, через несколько времени явились в его лагерь гонцы, которые были посланы на север: они принесли радостные известия. Пленные воеводы — Апокап и Вотаниат — были освобождены из плена и давали знать о совершенной гибели страшной орды. Лучшие люди в среде узов поддались действию византийского золота и, склонясь на убеждения придунайских правителей, ушли обратно за Дунай, покинув своих на произвол судьбы. Между тем — обычное следствие варварской неумеренности и неводержности — в многочисленных улусах уже свирепствовали поварьные болезни. За изобилием, вызвавшим излишества, последовал недостаток в самых необходимых жизненных припасах, затем голод и эпидемия, как уже это было с печенегами. Небозримое число пришельцев быстро сократилось под ударами этих бичей. Остальные были до такой степени истомлены физически и убиты нравственно, что или сделались легкой добычей болгар и печенегов, которые брали их в плен и без милосердия топтали копытами их

же лошадей, давили колесами их же телег, или просили с покорностью милости и пощады у византийских властей.

Император с торжеством воротился в столицу. Избавление от страшного врага справедливо приписывалось одному Богу, потому что храбрость войска или умение его вождей нисколько в том не участвовали. В народе говорили о чуде; рассказывали, что в тот самый день, как в Константинополе совершался крестный ход, отряд узов, расположившийся в Чуруле (Чорлу), был прогнан невидимой силой, воздушным войском, которое метало свои стрелы и не оставило ни одного врага не уязвленным.

Неизвестно, как велико было число узов, уцелевших после видимых и невидимых казней; но, вероятно, оно было довольно значительно. Часть поступила на службу византийского императора, получив в надел казенные земли в Македонии; в греческой армии являются потом отряды узов, при дворе и в высоких званиях встречаются имена, принадлежащие этому племени, там и здесь часто соединяемые и смешиваемые с печенегами под одним общим названием скифов. Другая часть, перебравшись вовремя за Дунай, если избежала болезней, то не спаслась от голода и также принуждена была подчиниться высшим требованиям оседлой жизни среди христианского народа. Византийский писатель^[29] говорит о каком-то князе мирмидонов^[30], который рассеял узов по своим городам. Он понимает под этим странным названием какого-либо из князей русских, у которых узы именовались торками^[31].

«Таким образом, при царе Константине, с одной стороны, обрушились сильные удары на Ромэйскую землю, с другой — последовало избавление от величайшей опасности: враги были поражены неожиданной гибелью, какой никто и никогда не мог надеяться. Поэтому люди, разумно сопоставляющие

обстоятельства, соизмеряли бедственные или благополучные события не достоинством или добродетелью императора. Но не погрешит против истины и тот, кто сочтет бедственные события возмездием вообще за грехи человеческие, а благополучие припишет единственно божественному милосердию, а не царской добродетели. Ибо всякое благо нисходит свыше. Но при этом усердная молитва, подкрепляемая благими делами, также преклоняет на милость. На счет царей ставятся события, потому что на них, по справедливости, падает большее порицание и большее неудовольствие за неразумные действия, равно как им принадлежит большая благодарность за разумные действия, совершенно так, как на тех, кто управляет колесницей, а не на самых лошадей, возлагается ответственность за успех или неудачу в состязании».

Между тем как печенеги и узы тревожили европейские области империи, их восточные соплеменники сельджуки постоянно расширяли круг своей власти и своих завоеваний в Азии. В 1050 году Тогрильбей вошел в Багдад с узами и туркменами, частью приведенными им с берегов Окса (из Бухары и Киргизских степей), частью еще ранее выселившимися во владения халифов. В 1064 году Альп-Арслан^[32], племянник Тогрильбея, напал на Грузию, покорил Нахичевань, Каре, Ани, главный город Армении. В 1067 году турки опустошали Месопотамию, Сирию, Киликию и Каппадокию. Они перерезали жителей Кесарии, ограбили в церкви Василия Великого богатства, составившиеся пожертвованиями многих поколений, и остались зимовать в границах империи. Слабая рука женщины не в силах была управлять государством в такое тяжелое время. Разрешенная патриархом от клятвы, данной умирающему мужу, оставаться до смерти вдовой, императрица Евдокия^[33] посадила на

трон рядом с собою присужденного к казни заговорщика и бунтовщика. 1 января 1068 года был провозглашен императором героический и несчастный Роман IV Диоген^[34], прославившийся прежде того в войнах с мадьярами и печенегами.

Печенеги и узы, поселенные в пределах монархии, очерченных некогда мечом Василия II, принимали деятельное участие в турецких походах Романа IV. Они составляли в византийской армии легкую конницу — род войска, столь важный в борьбе с племенами, также сохранявшими быстроту и смелость кочевых набегов. В передовые отряды и сторожевые разъезды посылались узы и печенеги. Когда утомленное войско греческое останавливалось на привале, не имея, чем подкрепить свои силы, печенеги, не слезая с коней, бросались в окрестности для добывания припасов. Когда нужно было разорить страну, занятую неприятелем, отправляли вперед узов^[35]. Одним словом, услуги бывших степных наездников были весьма полезны. Но было одно неудобство и одна опасность при пользовании этим родом войска. Участники походов Романа, наблюдая вблизи своих новых товарищей в их стычках с турками-сельджуками, поражены были близким родственным сходством тех и других: та же, на взгляд греков, безобразная наружность, те же крики, те же военные ухватки. Когда турецкая конница нападала на узо-печенежский стан, то греки теряли всякую возможность разобрать, кто их союзники и кто неприятель: только привычный глаз мог при близком сходстве отыскать внешние признаки отличия. Язык в этом случае едва ли мог оказать помощь: если и была разница в наречиях сельджукском и печенежском, то не такого рода, чтобы поразить слух не знающих ни того, ни другого языка. Следовало опасаться, что, несмотря на византийское золото и ткани, скифы не останутся глухи к голосу крови, узнают в турках своих братьев и передадутся на

их сторону. Перед самой роковой битвой, которая кончилась пленом Романа, целый отряд узо-печенежский ушел в лагерь врагов. Страх, что все другие последуют этому примеру, едва ли был изглажен возобновленной присягой на верность империи, которую предводители узо-печенегов дали по обычаям своей варварской обрядности. Может быть, это опасение роковым образом повлияло на исход сражения при Манцикерте, хотя печенеги честно сохранили клятву (1071 год).

Византийское государство, в числе немаловажных заслуг которого история должна зачесть его содействие сближению племен и народов, познакомило между собою две разрозненные ветви турецкого племени. Это знакомство не осталось без влияния на ход будущих событий и принесло немалый вред империи.

Помимо всего прочего и сами по себе узо-печенеги представляли в высшей степени неугомонный, крайне беспокойный элемент населения. Всякую минуту они готовы были сесть на своих лошадей, идти за каждым искателем приключений, который обещал им награду и добычу. Кто имел неудовольствие на византийское правительство и думал о мести, кто имел притязания сесть на престол Юстиниана и Василия, тому стоило только перейти за Балканы, чтоб отыскать целую армию готовых помощников. На Дунае образовалась странная смесь бродячего населения, составленного из самых разнообразных элементов. Здесь, по словам византийского историка^[36], можно было встретить людей всякого языка. Вслед за печенегами и узами стремились половцы, и, без сомнения, являлись русские поселенцы.

Мы не знаем, в какой степени заслуживает внимания предположение, что славяне, распространившиеся на почве древней Дакии с VI века, были те самые, которые после получили название русских, и что уже к ним должны быть возводимы следы русского населения,

сохраняющиеся здесь в местных названиях. Быть может, в самом деле нет достаточных оснований отделять славянские поселения, которые сидели на левом берегу Дуная и в области реки Тисы, от той большой славянской массы, которая наполняла Балканский полуостров до прихода восточных народов и которая ассимилировала Болгарскую орду и отсюда получила свое название. Во всяком случае, было ли у них там прямо единокровное население или только родственное славянское, но с X века русских сильно тянуло к Дунаю. В XI веке туда ходила русская вольница, вслед за нею двигались и мирные оседлые колонии. Указания на это можно найти как в наших летописях, так и в источниках византийских.

Очень вероятно, что придунайские города, называемые русскими в летописях, сделались такими именно с того времени, в которое византийцы отмечают наплыв туда нового населения. Нет никакой возможности думать, чтобы печенеги, а потом половцы от кочевого быта могли вдруг переходить к городской жизни и чтобы они без всякого принуждения и необходимости стали заниматься земледелием, что, как мы увидим, делали переселенцы. Византийский писатель^[37] XI века, впрочем, прямо говорит, что смешанное население некоторых больших городов по Дунаю, поражавшее своим разноязычным составом, хотя под влиянием соседства с кочевниками и усвоило печенежский образ жизни и печенежское своеволие, но тем не менее не было печенежским, а, напротив, иногда много терпело от этих соседей. Константинопольское правительство поняло, какую выгоду оно может извлечь из этой противоположности. Чтобы удержать за собою по крайней мере номинальную власть на Дунае, чтобы замкнуть кочевую орду, поселившуюся в Болгарии, в более или менее твердом круге, оно приносило большие жертвы. В то время как Охридская Болгария стонала под

игом византийской финансовой системы, воинственное население придунайских городов ежегодно получало из Константинополя богатые подарки. Нечего говорить о том, что само оно ничего не платило. Эта уступчивость и щедрость притязательной византийской казны объясняется желанием поддержать ослабевающие связи между центром империи и северными ее окраинами, чтобы не выпустить из рук влияния в местностях между Дунаем и Балканами.

Когда на византийском престоле сидел Михаил VII Парасинак^[38], неспособный ученик ученого Пселла^[39], государством правил один из самых безжалостных и суровых представителей финансовой византийской политики, евнух Никифор, любимец императора и его первый министр. В числе других мер, принятых для пользы казначейства, но едва не погубивших государства, этот министр произвел сокращение в тех денежных подарках, которые посылались в придунайские города (около 1074 года). Неуместная бережливость имела самые дурные последствия. Придунайская вольница порвала всякие связи с империей, вошла в тесный союз с кочевниками и замышляла нечто более опасное. В Дерстре (Силистрии), который по своему значению стоял во главе прежних болгарских городов на Дунае, власть захватил какой-то Татуш — печенег, судя по имени. Византийское правительство хотело поправить свою ошибку.

Вестарх Нестор, пользовавшийся личным доверием императора, славянин по происхождению, способный, следовательно, привлечь к себе славянские элементы волновавшихся городов, послан был на северную границу империи в звании катапана. Влиятельные жители Дерстра, прибывшие в Константинополь, уверили императора, что как только Нестор явится, город и крепость, отказавшись от союза с печенегами, признают власть византийского правительства. Но

катапан скоро убедился в том, что полномочия, принесенные из Константинополя, не имеют никакого значения на Дунае. Он очутился в странном положении правителя, не признаваемого своими подчиненными. Он потом действительно успел сблизиться со своими единоплеменниками, но только уступив их стремлениям и разделив их планы, то есть отказавшись от намерения сблизить их с Византией.

Предводители воинственных дружин в Дерстре и других городах взяли с греческого катапана клятву, что он во всем будет заодно с ними, вместе вошли в соглашение с печенегами и решили идти на Константинополь. Говорят, что Нестор был лично раздражен против евнуха Никифора, который, узнав о неуспехе его миссии на Дунае, хотел воротить большие деньги, данные ему в руки, и конфисковал его дом в Константинополе. Союзники перешли Балканы, беспрепятственно грабили в Адрианопольской области и достигли столицы. Осажденный Константинополь скоро был поставлен в тяжелое положение от недостатка в средствах пропитания. Обвиняя во всем ненавистного Никифора, жители волновались и требовали у своего императора, чтобы он выдал любимца с головою смертельному врагу его Нестору, который на этом условии обещал снять осаду. Михаил Парапинак обнаружил упорство, едва ли, впрочем, объяснимое благородной твердостью, а скорее влиянием того же логофета Никифора. «Он не хотел, — говорит с некоторым упреком современник, — пожертвовать одним человеком спасению всего греческого народа». Быть может, Михаил VII надеялся также на содействие Запада, где папа Григорий VII, с которым он завязал сношения, призывал всех христиан на помощь Восточной империи против язычников, дошедших уже до стен Константинополя.

Избавление пришло другим путем, довольно темным. Византийцы говорили о сверхъестественной помощи и заступничестве Богоматери. История же намекает на интриги, произведшие разделение в лагере союзников. Печенеги, отправленные в Константинополь для переговоров, после своего возвращения заподозрены были в замыслах на жизнь Нестора, главного руководителя в походе. Следствием этого было то, что союзники сняли осаду и пошли обратно к Дунаю, довершая разорение Фракии и Македонии.

Через несколько лет, в 1078 году, беспощадное и разорительное хозяйничанье логофета Никифора довело наконец до последней крайности ненависть к существующему правительству подданных Михаила VII. Пользуясь таким настроением, несколько претендентов одновременно заявили свои притязания на императорский престол. В Азии явился Никифор Вотаниат, нанявший к себе на службу турок, в Европе — Вриенний, который нашел поддержку среди населения Адрианопольской области; на заднем плане стоял Никифор Васибеки^[40], управлявший Драчем (Диррахией) и византийскими владениями на Адриатическом море. Печенеги не могли остаться в стороне от движения, которое обещало им хорошую поживу.

Мы видим их сначала в роли защитников законной власти Михаила VII. Они осаждают Вриенния в Адрианополе, грабят и угоняют скот у соседних жителей, не разбирая, конечно, кто признает Михаила и кто Никифора Вриенния. Вриенний принужден был уплатить печенегам громадную сумму в 20 кентинариев, не считая дорогих тканей и серебряных сосудов. Те же самые, а может быть, и другие печенеги ходили с братом Вриенния к Константинополю, вблизи которого он потерпел поражение от франков и варяго-русов, состоявших на службе Михаила VII. За Вриенния бились потом печенеги со своими единоплеменниками турками,

которых привел полководец уже воцарившегося Никифора Вотаниата. Наконец, у них же искал себе помощи и Васибеки.

Печенеги, по-видимому, не успели к решительному сражению, которое произошло при Солуни, но несколько позже еще раз явились под Адрианополем, сожгли его предместья и ушли назад. В этом последнем походе печенегов сопровождали куманы, или, что то же, половцы: первое упоминание этого имени в византийской истории. Какое время могло быть благоприятнее для той вольницы, которая собралась на Дунае, как не этот период борьбы трех претендентов за престол византийский? Но момент, которым воспользовались печенеги, она встретила в праздном спокойствии. Причины тому надобно искать в действиях южнорусских князей Святослава и Всеволода. Еще Михаил VII просил их помощи для обуздания беспокойного населения городов болгарских. Митрополит Киевский Георгий, находившийся в Константинополе в 1073 году, и зодчие, отправленные в следующем году в Киев для построения Печерской церкви, — вот два обстоятельства, которые заставляют угадывать, что отказа не могло быть. Русские корабли были в Мраморном море, русские варяги, на них прибывшие, помогли разбить Вриенния в 1077 году. По другим известиям, Святослав Ярославич перед своей смертью, которая последовала 25 февраля 1076 года, собирался идти «на Болгары»; его преемник Всеволод распустил собранное войско, уже получив известие о воцарении Никифора Вотаниата (март 1078 года). Через несколько времени в Константинополь прибыло посольство из-за Дуная. Источники не говорят определенно, кем оно было отправлено; но послы явились с самыми дружелюбными заявлениями. Они называли тех из своих единоплеменников, которые побратались во вред империи с печенегами и заодно с

ними участвовали в походе Нестора, отступниками. Чтобы доставить полное удовлетворение священной особе греческого императора, послы привели с собою несколько человек, виновных в преступных действиях 1074 года, и подвергли их бесчестному наказанию в присутствии самого Никифора Вотаниата.

На Дунае, однако, все осталось по-прежнему. В 1086 году мы находим города придунайские в том же самом положении, как это было за десять лет пред тем. В Дерстре господствует Татуш, в Виддине — Хал и (Олег?); Всеслав и Сачй захватили другие города. Постоянно новые толпы поселенцев наплывали к Дунаю. Анна^[41] говорит о прибытии «какого-то скифского племени»: оставив свою родину, оно явилось на Дунае и, дружелюбно принятое Татушем и Всеславом, перешло на другой берег реки, потом завладело здесь некоторыми небольшими городами. Видно, что это не были кочевники; несколько прочнее усевшись, переселенцы начинали заниматься земледелием, сеяли пшеницу и овес. Самый способ выражения гордой цесаревны, боявшейся осквернить страницы своего сочинения каким-либо лишним варварским названием, и появление русских посадников на Дунае в начале следующего столетия — все заставляет думать, что эти переселенцы были русские и что их число здесь возрастало постоянно.

IV

Утвердившись между Дунаем и Балканами, печенеги своими набегами сделали немало зла и коренным византийско-греческим владениям в Македонии и Фракии. Несмотря на крещение, совершенное над ними монахом Евфимием, они очень медленно и туго поддавались влиянию Византии — религиозному и политическому. Некоторые признаки сближения мы замечаем только на Дунае. Болгары, составлявшие старое туземное население, и русские бродники, толпившиеся на реке, так хорошо знакомой древней русской песне и древним русским поэтам, одни — увлекаемые глубокой ненавистью к византийскому правительству и национальной враждой к греческому народу, другие — побуждаемые неусидчивостью и удалством, естественными в молодом обществе, вместе с кочевниками ходили за Балканы, подчинялись власти их князей, но и сами подчиняли их своему влиянию.

Если это влияние простиралось и на религиозную область, то едва ли оно было в пользу православия или даже настоящего христианства. С X века в Болгарии сильно распространилась ересь богомильская, родственная с манихейскими дуалистическими сектами,

так широко господствовавшими в Европе и Азии. В богомилстве, несомненно, выражалась также славянская национальная и политическая оппозиция против тяжелого господства греков в церковной и светской области.

С этой точки зрения положение Придунайской Болгарии в XI веке было весьма благоприятно широкому распространению и укреплению ереси. Средоточие церковного управления находилось далеко, в центре Македонской Болгарии, в городе Охриде. После покорения Болгарского царства Василием II настало обычное бесчеловечное и кровопийственное хозяйничанье греческих финансовых чиновников, целая армия которых накинута на Болгарию. Мы знаем эти порядки и этих людей из писем Феофилакта Болгарского: большая часть этих писем наполнена горькими жалобами на греческих писцов, дозорщиков, сборщиков податей и пр. Если они не щадили архиепископа родом грека, человека имевшего важные связи при дворе, то что было и что делалось с простым болгаринцем! Из той же переписки Феофилакта мы видим, с каким глубоким презрением относились даже лучшие из архипастырей-греков к своей славянской пастве, к этим «нечистым варварам, от которых издали несет козлиным запахом их одежды». При таком настроении с одной стороны, легко себе представить то не совсем дружелюбное чувство, которое другая сторона питала к грекам, занимавшим епископские кафедры Виддина, Средца и т.д. Богомилы и армяне, первые распространители манихейства, упоминаемые несколько раз Феофилактом, находили самую удобную почву для своей пропаганды.

Павликианство, одна из главных отраслей манихеизма, принесено было в Европу поселенцами, которых вывели из Армении Константин Копроним^[42] и Иоанн Цимисхий. Центром павликианства в Византии

был Филиппополь. Помещая в окрестностях этого города восточную колонию, победитель нашего Святослава имел в виду двойную цель: во-первых, удалить непокорных и воинственных сектантов от горных замков и ущелий их родины, где с ними было трудно справиться, и, во-вторых, поставить их оплотом против постоянных нашествий и набегов на Фракию со стороны скифского севера, из-за Балкан. Результат оказался противоположный целям византийской политики, всегда любившей размещать подвластных «варваров», как ей вздумается. Филиппопольские павликиане и появившиеся рядом с ними богомилы участвовали, по-видимому, в восстаниях Болгарии против византийского ига. В конце XI века — в период, которым мы занимаемся, — они протягивали руку своим собратьям в Дунайской Болгарии и вместо того, чтоб охранять балканские проходы от печенегов, призвали этих «скифов» против Византии. Мы увидим, какой страшный вред они нанесли этим империи.

Связи филиппопольских манихеев с печенегами и потом куманами, или половцами, так постоянны и прочны, что само собою наводят на некоторые соображения и догадки. Нужно припомнить, что в трансокеанских странах, первоначальной родине турецких племен, манихеизм господствовал с самых первых времен своего появления (с конца III века). Арабские источники рассказывают, что когда в Персии, вслед за казнью самого Мани, начались преследования против его учеников и приверженцев, то большое число их перешло «реку Бальха» (Оке, Амударья) и поселилось во владениях турецкого хана (князя). Впоследствии, когда персидское царство Сасанидов было покорено арабами-мусульманами, часть манихеев воротилась обратно на берега Евфрата и Тигра (провинция Ирак). В X веке, при халифе Муктадире (908—932), манихеи снова подверглись гонению и искали убежища в Хорасане и

Туркестане, находившихся под властью князя из династии Саманидов. В Самарканде собралось пятьсот человек, открыто заявивших свою принадлежность к гонимой халифом секте. Властитель Хорасана также был ревностный мусульманин; когда ему сделалось известно о появлении в его владениях последователей манихейства, он решил всех их убить. Манихеи, однако, имели сильного покровителя в князе турецкого племени тагазгаз, который сам исповедовал манихейское учение. Вследствие его угроз манихеизм был признан терпимым в Хорасане и Туркестане; в первой половине X века, по свидетельству современника, манихеи были в Самарканде, Согде и Нункате. Что касается племени тагазгаз, обитавшего на границах Китая и Кашгара, в самой середине между Хорасаном и Китаем, то о принадлежности его к манихейской ереси есть другие несомненные свидетельства того же X века. Наконец, мы имеем известия о существовании манихеизма на старой турецкой родине в XII столетии.

Нет ничего невозможного в том, что если не печенеги, то куманы или узы, занимавшие в X веке обширные страны на востоке, севере и северо-западе Аральского озера, именно в соседстве с областью турецкого манихеизма, принесли с собою более или менее темные воспоминания и более или менее искаженные обрывки учения Мани. О религии печенегов мы не имеем никаких положительных известий, но о куманах или половцах один арабский писатель^[43] говорит, что они поклоняются звездам, верят в небесные влияния и предаются изучению астрологии. Итак, они сохранили еще предания сабеизма^[44], от которого, как предполагается, манихеизм заимствовал свои основные принципы (не отвергая воздействия других родственных влияний), что, конечно, не исключает возможности и прямой памяти об учении Мани. На эту память, позволяем себе

догадываться, указывает, между прочим, имя Маниаха или Маниака, которое, с одной стороны, носил князь Согда, живший в VI веке^[45], с другой стороны — половецкий хан, с которым мы еще встретимся в нашей истории. Та легкость, с какою заключались родственные связи между христианскими русскими князьями и половецкими ханами, быть может, объясняется присутствием в азиатском манихействе хотя и очень затемненных христианских идей и обрядов. Во всяком случае, нельзя отвергать восприимчивости к манихейским учениям как со стороны половцев, находившихся издавна в близком соседстве с печенегами и с последней четверти XI столетия иногда вместе с ними ходивших за Балканы, так и со стороны самих печенегов. В последнем десятилетии XI века остатки печенегов были поселены в Могленской области, — а в XII здесь господствует манихейско-богомильская ересь. Обращаемся к порядку исторических событий.

В царствование Никифора Вотаниата среди жителей Филиппополя, державшихся павликианской ереси, был какой-то Лека; по происхождению это был грек, но тем не менее он породнился посредством брака с печенегами, которые жили между Дунаем и Балканами. Неизвестно, по каким побуждениям Лека оставил свою родину, ушел к печенегам и стал их возбуждать против греков и византийского правительства. С ним заодно действовал Добромир, по-видимому болгарин, державшийся богомильской ереси, который из приморского города Месимврии (Мисиври), близкого к центру печенежских кочевьев, также завязал сношения с печенегами и куманами (половцами) и подстрекал их выступить против константинопольской власти.

Следствием этой агитации был новый печенежский набег на области, подвластные империи. Печенеги опустошили окрестности Ниша и Средца. В последнем из

двух названных городов Лека убил местного епископа Михаила, который увещевал свою паству оставаться верною греческому правительству и, конечно, сам был грек по происхождению. Но успехи манихейско-печенежского движения были остановлены искусными действиями Алексея Комнина, который зашел в тыл печенегам и принудил их удалиться за Дунай. Комнин воротился в Филиппополь, где павликиане, по-видимому, тоже не были вполне спокойны. Здесь лучший воевода и государственный деятель императора Никифора, скоро свергнувший своего благодетеля с престола, имел первый случай познакомиться с духом и отношениями филиппопольской еретической общины, которая после наделала ему так много хлопот. Благодаря снисходительности и щедрости Никифора Вотаниата Лека, точно так как и Добромир, покорился добровольно и явился с повинною головой; оба были возведены в высокие чины и получили богатые дары. Скоро, однако, нашлись другие люди, которые пошли по следам Леки и Добромира.

В составе разноплеменной армии Алексея Комнина, выведенной им против норманнов, находилось 2800 манихеев (богомилы) под начальством собственных вождей, Ксанты и Кулеона. В самую критическую минуту этот отряд покинул Алексея: манихеи ушли домой. Улучив первый свободный момент, император решился строго наказать изменников. Хитростью, не совсем согласной с императорским достоинством, заманив к себе главных вождей и наиболее видных представителей филиппопольской еретической общины, он запер их всех в тюрьму, конфисковал имущество и потом роздал своим солдатам. Императорский чиновник, которому поручено было исполнить эту меру, взялся за дело с грубой жестокостью. Семейства еретиков, попавшихся в императорскую западню, не были пощажены; их жен вытолкали из домов новые владельцы, а правительство

дало им кров — в филиппопольской крепости под арестом. В числе этих женщин находились четыре сестры домашнего слуги Алексея — Травла.

Травл, уроженец Филиппополя, был взят Алексеем в свой дом еще до восшествия на императорский престол, причем его окрестили, а потом и женили на одной из служанок императрицы. Узнав о бедствии, постигшем его близких, Травл бежал из Константинополя, подговорив к тому своих знакомых и родных. В Филиппополе нашлось немало людей, готовых всюду идти за Травлом, на которого еретическая община привыкла смотреть как на заступника и тайного своего главу. Наподобие какого-нибудь западного рыцаря, Травл со своими приверженцами засел в горной крепости Белятове, неподалеку от Филиппополя, и оттуда повел войну против Византийского государства. Новые поселенцы в старинном центре богомильской ереси жестоко поплатились за пожалованные им поместья и дома. Травл не давал им покою своими набегами.

Византийское правительство, конечно, нашло бы средства укротить смелого сектанта, несмотря на всю воинственность его павликианской дружины. Но Травл нашел себе союзников. Дочь императора Алексея говорит, что сторону Травла приняли уже известные нам властители придунайских городов и что при посредстве их Травл вступил в союз с печенегами, кочевавшими поблизости Дуная. Для скрепления союза Травл, бросивший свою православную жену, в которой он нашел мало сочувствия к бедствиям своих тайных единоверцев, сосватал себе дочь одного из знатных «скифов».

Угрожающие приготовления печенегов сделались известными в византийской столице. Император Алексей хотел предупредить беду переговорами с Травлом, но тот остался глух к обещаниям своего прежнего

господина и не поверил византийской золотой грамоте, подписанной красными императорскими чернилами. Император Алексей принужден был выслать против Белятовы настоящую армию, дав ей в начальники своих лучших воевод. Между тем приверженцы Травла заняли горные проходы и ущелья и пригласили печенегов. Доместик^[46] Запада Пакуриан и его товарищ Врана, прибыв к манихейскому убежищу, против своего ожидания нашли здесь «бесчисленное множество» новых врагов, так что осторожный Пакуриан хотел воротиться назад, и только пылкий и отважный Врана настоял на необходимости дать сражение. Оно было несчастно для греков: сам Врана был убит, Пакуриан смертельно ранен, армия рассеялась во все стороны. Возобновилась прежняя история: печенеги стали грабить окрестности Филиппополя, император Алексей призывал войска из Малой Азии, хотя они и там были весьма нужны — турки уже осаждали Никею.

Из Азии прибыли Татикий, природный турок, мальчиком попавшийся в плен византийцам и выросший вместе с Алексеем, и Константин Гумбертопул (сын Гумберта), один из южноитальянских норманнов, перешедших в византийскую службу. Татикий нашел печенегов недалеко от Филиппополя. Расположившись лагерем на берегу речки, протекающей около местечка Влисна, в двух днях пути от Филиппополя на восток, Татикий увидел толпу печенегов, возвращающихся после набега на окрестные села с большой добычей и множеством полоненного народу. Когда он пошел по следам их, хищники на глазах у него присоединились к главному печенежскому стану, расположенному на реке Марице. Воевода Алексея напал на них и одержал верх в схватке. Печенеги рассеялись, а Татикий вошел победителем в Филиппополь. Но здесь он узнал от посланных вперед лазутчиков что большие печенежские силы собрались около укрепления, недавно занятого

богомилами, то есть около Белятовы, и что окрестности страдают от их грабежа. Через несколько времени какой то варвар принес известие, что печенеги всею ордой идут к Филип-повполю. Несмотря на недостаточность своих сил, Татикий двинулся навстречу и, перейдя реку Марицу, действительно увидел перед собою страшные тучи степных наездников.

Византийская армия со своими пышными знаменами, блестящими кольчугами и наплечьями, на которых отражались солнечные лучи, и печенежские массы, пугающие своей необозримой густотой, изумительной быстротой своих коней, стали друг против друга. Ни та, ни другая сторона не хотела начинать решительного боя. Печенегов пугало византийское вооружение, осторожный Татикий опасался подавляющего многолюдства варваров. Только одни франки с Гумбертопулом горели жаждою битвы: они «точили зубы и железо» и рвались вперед, но были остановлены главным воеводой. Простояв день, обе стороны воротились каждая в свой лагерь. То же повторилось и на следующий день. А на утро третьего дня печенеги, не выдержав утомительной пытки, повернули назад к Балканским проходам. Татикий погнался было за ними — «но пеший конному не товарищ», замечает Анна греческой пословицей, имеющей смысл именно нашей поговорки. Когда византийцы пришли к Железному запору, думая настигнуть здесь врагов, то и след их простыл. Татикий вернулся в Адрианополь и, оставив здесь франков, распустив по домам других ополченцев, с небольшим отрядом прибыл в столицу. Все это было осенью 1086 года.

В начале 1087 года в печенежских кочевьях за Балканами и далее — в половецких вежах около Днепра и Дона собиралась новая гроза для несчастных подданных византийского императора. Венгерский король Шоломон, сын Андрея, лишенный (в 1074 году)

престола своими двоюродными братьями Гезой II (правил до 1077 года) и Лас-ло I (правил с 1077 по 1095 год), отвергнутый своей женою (Юдиф, сестра Генриха IV Германского), после неудачной попытки воротить себе королевский престол при помощи половецкого хана Кутеска задумал — вместе с печенежским князем Челгу — нападение на Византию, может быть, с целью основать новое царство взамен утраченного. Челгу с печенегами, с половцами и Шоломон со своими мадьярскими приверженцами, ушедшими вместе с ним в кочевья дикарей, — целая 80-тысячная орда нахлынула по весне 1087 года на Македонию и, не встречая нигде сопротивления, прошла мимо Адрианополя; страшный поток, наводнив долину реки Марицы, спускался к Мраморному морю. Население сел и деревень в страхе бежало в укрепленные города, думая найти в них безопасное убежище. Напрасная надежда. Города были разоряемы точно так же, как и села. Печенеги взяли уже Хариуполь, в суточном расстоянии от Родосто (при Мраморном море). Только здесь и теперь военные силы империи подали признак своего существования. Двое воевод византийских заняли укрепленное место Памфил, думая в нем защищаться. Но приближение печенегов и половцев, перед которыми все бежало, принудило их спуститься к городку Куле, по дороге от Эноса к Константинополю. Печенеги шли сзади по пятам, как гончие собаки. Николай Маврокатакалон, главный воевода, после нескольких колебаний решился дать отпор врагам, которыми начальствовал сам Челгу. Блестящий, неожиданный успех увенчал его смелое решение. Челгу пал в сражении; здесь же, по-видимому, сложил свою голову и Шоломон^[47]. Печенеги бежали, много из них было убито, да немало потонуло в двух речках, между которыми они очутились. Победоносное войско византийское, вместо того чтобы преследовать врагов, которых, впрочем, нагнать было нелегко,

воротилось в столицу, дабы получить достойную награду за свой подвиг.

Печенеги, оставив Фракию и Македонию, ушли за Балканы, где они уже давно хозяйничали, как у себя дома, на всем пространстве до реки Дуная. Византийское правительство не могло, однако, примириться окончательно с мыслью о потере такой обширной области, и если бы могло, то все-таки невыносимо было оставаться под угрозой постоянных набегов на Филиппополь, Адрианополь, чуть не на самый Константинополь. Все усилия византийской политики посеять раздор в печенежских вежах и привлечь на свою сторону влиятельных ханов до сих пор оказывались тщетными. К удивлению греков, хорошо понимавших силу золота, ни один важный перебежчик не являлся к императору Алексею. Печенеги находили более выгодным дружно делиться добычей и брать огромные суммы с казны императорской за выкуп пленных. Так, за одного из своих вельмож Алексей заплатил 40000 монет^[48]. Частые набег печенегов не прекращались ни осенью, ни даже зимою 1087—1088 годов, и на следующую весну все предвещало повторение прошлогодних событий.

Император Алексей, ободренный успехом, решился предупредить неприятных гостей — перейти за Балканы и, если можно, выгнать печенегов из пределов империи, границей которой считался Дунай. Летом 1088 года он расположился лагерем между Диамполем и Голоей при южной подошве хребта Балканского, неподалеку от Железного запора. Он простоял здесь сорок дней, чтобы дать время собраться всем силам, которыми империя располагала в Европе. В то же время византийская флотилия на Черном море, обыкновенно стоявшая в Анхиале, получила приказание плыть к устьям Дуная и, поднявшись вверх по течению, действовать против

печенегов заодно с сухопутной армией. Начальство над нею было поручено Георгию Евфорвину.

План был задуман хорошо и на широкую ногу, и трудно понять, отчего он нашел себе сочувствие только в пылкой и неопытной молодежи (Георгий Палеолог, Николай Маврокатакалон) и, напротив того, был встречен неодобрительно такими опытными людьми, как бывший претендент на корону, слепой Вриенний, давно примирившийся с Алексеем. Что касается печенегов, то одновременное появление Евфорвина на водах Дуная и сухопутной армии в Балканской Болгарии произвело на них сильное впечатление, и печенежские князья снарядили огромное (в 150 человек) посольство просить мир. Сам император объяснялся с варварской депутацией. Переходя от смиренной покорности к наглой дерзости, печенежские кибитные политики то хотели соблазнить Алексея обещанием верного союза, предлагая поставлять 30000 всадников для всякого похода в Европе или Азии, то начинали сыпать угрозами. Не трудно было догадаться, что мир, заключенный при таких обстоятельствах, то есть ранее, чем была несколько принижена заносчивая смелость грубых кочевников, окажется очень непрочным. Византия должна была восстановить почтительное уважение к себе среди диких орд, уже взявших привычку презирать ее. Поэтому Алексей Комнин поступил весьма разумно, отвергнув мирные предложения печенегов. Но этого было мало; он хотел показать, что само небо покровительствует грекам и дает свои откровения их императору, уполномочивая его на вероломное нарушение общенародных обычаев, охраняющих неприкосновенность посла у самых диких племен. Один из секретарей императора, знаток астрономии, каких в ученой Византии было еще немало, шепнул на ухо своему повелителю во время его объяснений с печенежской депутацией, что в этот день (20 июля 1088

года) должно последовать солнечное затмение. Император понял намек и, обращаясь к послам, объявил, что отдает дело на суд Божий: «Сам Бог покажет, с ложью или правдой вы пришли ко мне: если последует какое знамение на небе, значит — вы обманываете меня; а если не будет никакого знамения, то значит — я подозреваю вас напрасно». Не прошло двух часов, как свет дневной померк и весь круг солнечный закрылся тьмой^[49]. Удивленные небесным знамением, послы еще более изумились, когда их взяли под стражу, как обманщиков, и отправили в Константинополь. Дорогой они, впрочем, нашли возможность освободиться; убив ночью своих стражей, они пробрались горными тропинками, которые им были хорошо известны, за Балканами.

Ожидая общего движения печенегов, император Алексей — принимавший посольство, по-видимому, еще в Голое — перешел, вслед за главной армией, горные проходы и направился к городу Плискову. Печенеги, как голодные волки, рыскали кругом византийского войска и перехватывали мелкие фуражирные отряды, убивая и забирая в плен людей. Двигаясь далее к северу, греки подошли к Дерстру (Силистрии) и остановились лагерем в 24 стадиях от города на речке, впадающей в Дунай. Вдруг со стороны, откуда их не ожидали, толпой налетели со своим обычным криком и ревом отчаянные печенежские наездники, ворвались в лагерь, проскакали до самой императорской палатки и произвели страшную суматоху и беспорядок, среди которых опрокинута была императорская палатка, выхватили несколько пленников и, без особенного вреда для себя, удалились. Император Алексей после этого переменил позицию и, совсем придвинувшись к Дерстру, начал правильную осаду. При помощи стенобитных машин город был взят; но два замка, возвышавшиеся над ним, представляли непреодолимую твердыню; в них засели родичи Татуша,

давно известного нам властителя дунайских берегов. Сам Татуш, узнав о приближении императора с армией и предвидя осаду, ушел за Дунай к половцам. Он хотел убедить их подать руку помощи единоплеменному печенежскому народу.

Несмотря на отсутствие главного вождя, его «родичи» держались упорно, и Алексей счел за лучшее снять осаду. Впрочем, он продолжал держаться дунайского берега, опираясь на флот, который мог всегда оказать существенную услугу, как при нападении, так и при отступлении; византийская армия именно здесь, по мысли Алексея, должна была дать сражение печенегам, приход которых ожидался. Главный печенежский стан, главное средоточие их силы находилось по-прежнему в холмистой местности на юг от Великой Преславы (между Шумлой, Варной и Балканами?); здесь был сооружен их лагерь. Опять, вследствие убеждений со стороны своих молодых советников (Палеолога, Маврокатакалона), император Алексей отказался от своего первоначального плана и решился предпринять экспедицию на юг к прежней столице болгарских царей, находившейся теперь во власти печенегов. Может быть, ожидаемое прибытие половцев осталось не без влияния на такое решение. Очевидно, что греческая армия могла очутиться, оставаясь на Дунае, между печенегами, которые прейдут с юга, и половцами, которых приведет Татуш. Палеолог и Катакалон рассуждали, что, овладев Преславой, византийцы могут стать твердою ногою на севере Балканского хребта и что, постоянно тревожа печенегов, пресекая им все средства к грабежу и, следовательно, пропитанию, можно будет окончательно выжить их из Болгарии.

Утром, с соблюдением всех предосторожностей, в полном боевом порядке двинулась византийская армия от Дерстра к югу; но враги были гораздо ближе, чем о

них думали. Скоро появилась на пути отступления целая орда печенегов. Впереди скакали всадники, которые сейчас же начали задирать греков; сзади тянулись печенежские арбы с женами и детьми. Началась жестокая битва. Сам император стоял в центре своего войска, окруженный родственниками и отрядом франков, которым начальствовал его брат Адриан; сверх того Алексей избрал еще шесть человек, которым специально вверил охрану своей особы; в числе их были два сына покойного императора Диогена и начальник варяжской дружины Нампит. На левом крыле начальствовал кесарь Никифор Мелиссин^[50], зять императора по сестре, на правом, кроме Татикия, стояли Уза и Карачи со своими соплеменниками, то есть, узами, оставшимися на службе византийской. Почти целый день длился бой; с обеих сторон пало немало убитых, в числе их был сын Диогена — Лев, который, увлекшись военным пылом, подскочил слишком быстро к печенежским телегам и был оттуда поражен смертельным ударом; то же самое едва не случилось с братом императора Адрианом.

Исход сражения оставался нерешенным до самого вечера, когда вдруг появились вдали новые толпы печенегов в числе 36 тысяч, спеша на помощь к своим. Тогда византийцы не устояли и обратились в бегство. Напрасно Алексей пытался удержать их; он стал впереди своего отряда, держа в одной руке обнаженный меч, в другой — распущенный в виде знамени омофор Влахернской Богоматери, столько раз спасавший греческую столицу от варваров. Покинутый своей армией, оставаясь только с двадцатью воинами, император подвергался большой опасности. Трое пеших печенегов бросились на него; один схватил его за ногу, двое других держали узду его лошади. Сильные мышцы спасли Алексея: один из врагов потерял руку, другой, пораженный ударом, повалился на землю, третий

обратился в бегство. Протостратор Михаил Дука, оглянувшись кругом и не видя нигде поддержки, призвал императора позаботиться о своей жизни. Алексей с жаром отвечал, что предпочитает смерть постыдному бегству. Но, получив напоминание о долге императора, который не имеет права жертвовать своею жизнью, как простой солдат, и от жизни которого зависит судьба государства и самая возможность поправить беду в будущем, Алексей последовал общему примеру. С большим трудом, с опасностью на каждом шагу, после нескольких встреч с преследующими греков печенегами, причем Алексей снова доказал силу своего плеча и ловкость в обращении с мечом, удалось ему с протостратором Михаилом избежать плена, отделавшись неопасною, хотя оставившею надолго сильную боль контузией^[51]. Он принужден был, для сохранения драгоценной святыни, которая в сражении служила ему знаменем, спрятать омофор Богородицы в густой траве на пути своего бегства. Ночью прибыл император в Голою, по другую сторону Балкан, а через день явился в Верое.

В Верое (Эски-Загра) явился к Алексею один из вернейших его друзей и советников, Георгий Палеолог, отставший во время бегства. Палеолог рассказывал, что он обязан спасением своей жизни только чуду. Его загнанная лошадь пала, печенеги преследовали его по пятам, но в самую критическую минуту какое-то сверхъестественное существо явилось ему в образе епископа Халкидонского и подвело ему коня, на котором Палеолог и успел ускакать от погони. Чудесный конь был потом все-таки убит под беглецом печенежскою стрелой, и Палеолог более десяти дней скрывался в горах у одной бедной вдовы. Анна Комнина, веруя в чудо, искренно недоумевает, как могла небесная сила избрать для своего проявления образ епископа, который не был приятен ее отцу и заподозрен был в

неправильном понимании некоторых богословских вопросов.

Не все были так счастливы, как император Алексей и Георгий Палеолог. Число византийцев, доставшихся в пленники печенегам, было весьма велико; в этом числе были такие знатные лица, как зять императора кесарь Никифор Мелиссин. Печенежские князья, раздраженные нападением Алексея на их улусы, думали о самой варварской мести и хотели перерезать всех пленных греков без исключения. К счастью, первобытные формы печенежского политического устройства требовали в важных делах всенародного согласия на вече. Печенежский комент, в истории св. Бруно являющийся таким свирепым, на этот раз восстал против жестокого решения своих ханов: пусть лучше император выкупит пленных; ради своих родных он, конечно, не откажется дать выкуп богатый. Кесарь Никифор, из опасения за свою жизнь «поощрявший» печенегов к такому решению, написал императору в Верюю об условиях выкупа. Много убыло казны из константинопольского казначейства для удовлетворения корыстолюбивых варваров.

Печенеги умели ценить византийские дукаты с тех самых пор, как греческая монета явилась на свет с этим названием (то есть уже со времен Константина Дуки); они знали также достоинство шелковых тканей с фивских и коринфских фабрик; но на этот раз богатство принесло несчастье печенегам. Едва они успели поделить свои барыши, как явились куманы, приведенные Татушем (который, как сказано было, отправился искать их помощи). Половецкие ханы, которые до сих пор грабили больше небогатые города и села русские, поражены были удивлением и завистью при виде сокровищ, доставшихся их соплеменникам, и потребовали нового дележа в пользу половцев, совершивших такой далекий путь. Нужно признать, что

соображения и мотивы, которые кесаревна Анна влагает в уста опоздавших помощников, весьма согласны с обстоятельствами и характером действующих лиц. «Мы оставили свои вежи, — говорили куманы, — проехали такое пространство, чтобы поспешить на помощь вам. Мы готовы были разделить все опасности, следовательно, имеем право рассчитывать на все выгоды счастливой победы. Мы, со своей стороны, сделали все, что от нас требовалось: нельзя после этого отпустить нас с пустыми руками. Разве мы виноваты, что греческий каган вступил в сражение, не дождавшись нас»? Жадные и неблагодарные печенеги остались глухи пред голосом справедливости и логики и наотрез отказались удовлетворить своих союзников. Что произошло далее, можно вперед угадать. Варвары рассорились, а потом подрались из-за византийского золота. Щадить друг друга они не умели: завязалась обычная кровавая, дикая, неумолимая борьба. Половцы оказались сильнее; печенеги были разбиты и загнаны в болота около низовьев Дуная. Только недостаток в съестных припасах заставил половцев отказаться от желания довершить свою месть над печенегами полным их истреблением. Уходя домой, на берега Днепра и Дона, половецкие ханы возымели, однако, твердое намерение воротиться в скором времени назад.

В то время, как христианский Восток истощал свои силы в утомительной непрерывной и тяжелой борьбе с турецкими ордами в Европе и Азии, более счастливый Запад свободно развивал свою юную мощь и элементы новой гражданственности. Феодалские замки, которыми была покрыта Западная Европа, были переполнены иногда грубыми и жесткими, но бодрыми людьми; гордая независимость личности соединялась у них с беспредельной энергией и беспокойной предприимчивостью. Толпы смельчаков стремились в Южную Италию, где семь почти сказочных героев завоевали целое королевство; шли далее на восток, где поступали на службу византийского императора, сражались под его знаменами в глубине Азии и пытались иногда, не поладив с порядками византийского чиновничества, действовать на свой страх, как знаменитый Норманн Урсель, едва не положивший основание независимому франкскому государству на азиатском берегу Понта.

Массы пилигримов, стремившихся в Палестину, становились все многочисленнее и гуще. Для Западной

Европы исчезла последняя гроза варварских нашествий; воинственная орда номадов, пришедшая на Дунай с Арпадом и долго служившая для Германии, Италии и самой Франции таким же страшным бичом небесного гнева, каким для Восточной Европы продолжали быть печенеги и половцы, — сама превратилась в христианское государство с романо-германскими религиозными и политическими учреждениями, с сохранением цивилизующих отношений к Византии, откуда были получены и первые начатки христианского образования. С тех пор все чаще и чаще толпы благочестивых странников являлись на северных границах Византийской империи, в Дунайской Болгарии. Венгерские короли, преемники Арпада, благосклонно принимали западных богомольцев, покровительствуемых католической церковью, предводимых ревностными епископами и уважаемыми аббатами, и открывали им свободный проход в византийские владения. Подивившись многочисленности и богатству храмов греческой столицы, благочестиво позавидовав ее неоценимым святыням и неисчетному количеству мощей, пилигримы садились на греческие корабли и переезжали в Азию. Вот на этом пути пришлось познакомиться и Западной Европе с наводящими ужас именами печенегов и узов.

В 1053 году, в тот самый год, как воеводы Константина Мономаха потерпели страшное поражение за Балканами от печенегов, пришла в Венфию толпа пилигримов, желавших пробраться в Палестину, но с глубоким огорчением она должна была вернуться назад, искать себе другого, хотя и менее близкого пути — через Италию: путь через византийские владения был прегражден нашествием печенегов. В 1065 году, в год, последовавший за ужасным нашествием узов, караван, состоявший из 12 тысяч пилигримов, предводимый четырьмя епископами (Майнца, Утрехта, Регенсбурга и

Бабенберга), вступив в Византийскую империю и перейдя реку Мораву, скоро наткнулся на хищников и разбойников, имя которым было узы. Успев добраться до Святой земли, испытал в Азии величайшие бедствия, пилигримы не забыли этих страшных людей и в своих письмах на родину говорили о них с отвращением. Двенадцатитысячная толпа, сопровождавшая епископов Утрехта и Майнца, предвещала близость народного движения, во главе которого станут Вальтеры^[52] и Эмиконы^[53] с Петром Амьенским^[54]. Рыцарскую часть Первого крестового похода начал фландрский граф Роберт, по прозвищу Фриз, и его пятьсот всадников, которые явились на помощь Алексею Комнину против печенегов и турок.

Роберт I Фриз, граф Фландрии, Зеландии и Голландии, был одним из самых замечательных воинов и властителей своего времени. Человек с характером сильным и несдержанным, он вращался в непрерывной борьбе и не боялся никаких средств, чтобы восторжествовать над более могущественным противником: изгнанный из отечества оружием герцога Готфрида Горбатого^[55], он погубил своего врага посредством наемного убийцы. Он был в ссоре со своей невесткой Рихильдой Геннегау, вдовствующей графиней Фландрии, и отнял у ее детей, своих племянников, наследство их отца. Дело поступило на суд короля Франции Филиппа I, как верховного сюзерена незаконно захваченных владений; Евстафий Булонский, отец Готфрида, героя Первого крестового похода, склонил дело к приговору против Роберта. Но военное счастье решило иначе: в первой схватке пал Арнульф, законный наследник графства Фландрского, во второй — Евстафий попался в плен, в третьей — Роберт поразил соединенные силы Готфрида Лотарингского, Альберта Намюрского и других. Балдуин, младший племянник, должен был считать себя счастливым, что ему удалось

удержать за собой хотя бы наследие своей матери (Геннегау).

В 1087 году граф Роберт, желая загладить свои грехи, хотя и не думал возвращать племяннику того, что у него было преступным образом отнято, отправился в Святую землю. Ряд чудес сопровождал это путешествие; если мы поверим благочестивым летописцам Фландрии, Иерусалимские ворота заперлись сами собою, когда хотел войти в них граф Роберт. Пустынник, известный своей святостью, к которому граф обратился, потребовал, чтоб он принес покаяние в убийстве своего племянника Арнульфа и дал обещание возвратить Балдуину Фландрию. Ворота открылись сами собою, когда раскаявшийся граф снова перед ними явился. Во время пребывания в Иерусалиме, в доме одного знатного сарацина, Роберт Фриз слышал от сарацинских астрологов предсказание, что Иерусалим будет скоро взят христианами. Далее следуют факты несомненные и очень важные по своим последствиям. На возвратном пути из своего покаянного странствия граф Фландрский зимою 1089 года прибыл в Константинополь [\[56\]](#).

Император Алексей Комнин, еще не оправившийся после поражения около Дерстра, принял его с большим радушием и успел расположить в свою пользу. Нет ничего невероятного в известии, сообщаемом дочерью Алексея, что граф Роберт дал византийскому императору ленную присягу; превосходя силами и значением короля французского, своего законного сюзерена, еще менее уважая отлученного от церкви германского императора Генриха, Фландрский граф тем с большим уважением расположен был смотреть на восточного римского императора. Обещание, данное Робертом Фризом Алексею — прислать по возвращении домой значительную помощь для борьбы с печенегими, было первым проявлением тех прочных связей, которые образовались с этого времени между восточным

императором и феодальным властителем крайнего запада.

Между тем печенеги, оставленные на свободе половцами, опять требовали внимания. Они снова прошли через балканские проходы и расположились лагерем между Голоей и Ямболи (Диамполем), где недавно стоял император Алексей. Расставшись с графом Фландрским, неутомимый византийский венценосец отправился к своей армии, которая собралась в Адрианополе. Здесь он получил известие о планах, созревших в половецких вежах. Половцы намерены были, как уже сказано, преследовать печенегов где бы то ни было и готовились к походу за Дунай и Балканы. Мало хорошего обещали Византии эти известия. Половцы были теперь естественными союзниками империи против печенегов, но неприятно было бы иметь таких союзников слишком близко. Благоразумие требовало не пускать их по крайней мере на юг Балканских гор — в коренные греческие провинция, не давать им случая познакомиться с путями к Адрианополю и столице.

Император Алексей отправил своего посла к печенежским князьям с золотыми грамотами и щедрыми обещаниями, предлагая мир и союз. Печенеги, сами беспокойные насчет своих прежних задунайских друзей, пошли на мир, брали подарки и не отказывались, на словах, дать заложников. Между тем половцы не заставили долго себя ждать. Приблизившись к Балканам и увидев здесь византийские отряды — следствие соглашения с печенегами, — они потребовали себе пропуска и проводников.

Половецкие ханы объясняли, что им необходимо сразиться с печенегами, их смертельными врагами, которые к тому же были всегда врагами греческого императора. Византийцы благодарили половцев за дружеское расположение, но учтиво просили их

воротиться назад. Им было сказано, согласно Анне Комнине: «В настоящее время мы не нуждаемся в вашей помощи; получите дары и возвращайтесь домой». Степные хищники были на этот раз сговорчивы, нашли подарки удовлетворительными и ушли с миром. Такая смиренная покорность заставляет думать, что не без тайного наущения из Константинополя они поспешили из своих степей припугнуть печенегов.

Половцы ушли, а печенеги начали грабить города и села, лежащие поблизости к Балканам. Освобожденные византийским золотом от страшного столкновения с половецкими единоплеменниками, варвары вовсе не думали соблюдать мирного договора с империей. Расточивши множество казны на выкуп пленных и на умиротворение половцев и не имея достаточно военных сил, император очутился в самом затруднительном положении. Он мог противопоставить печенегам частную, так сказать, партизанскую войну — нападать на печенежские отряды в городах, ими занятых, когда они отдыхали после грабежа и попойки. Это не помешало вероломным наездникам занять Филиппополь, куда их уже давно звали богомилы, и рассыпаться мелкими загонами по всей долине реки Марицы. Они захватили Кипселлу и беспокоили самую столицу. Не видя никаких средств остановить этот бедственный разлив диких орд, Алексей принужден был искать мира. Анна Комнина с необычной у нее скромностью пишет, что ее отец просил мира у печенегов. Из другого источника мы узнаем, что, несмотря на всю безысходную опасность положения, византийские приличия были соблюдены и дело было поведено так, как будто сами печенеги, грозившие Константинополю, умоляли о мире.

Недолгий отдых куплен был у печенегов перед наступлением зимы 1089—1090 годов. В январе с обычным придворным церемониалом был отпразднован день Богоявления. Знаменитый в то время оратор, глава

риторической школы Феофилакт, вскоре вступивший на болгарскую кафедру, держал требуемую церемониалом речь к императору. Сильным и красноречивым, хотя несколько риторическим языком описав ужас печенежского нашествия, оратор продолжал: «Тем не менее страх, наведенный на них тобою (Алексеем), заменил десятитысячное войско и принудил их дать отдых своим коням, воткнуть в землю копья и сложить щиты. Но я едва не забыл о хитрой проделке скифа. Он искал мира, но прислал послов, которые не сами просили мира, а готовы были дать мир просящему. Император угадал обман варваров, превзошел Омировых ораторов, то резко и отрывисто обвиняя скифа, то держа речь подобно зимней вьюге (*Iliad.* II, v. 222). Посрамленные, они (послы) признались, что жаждут мира, издали почувствовав силу твоего огня. И те, которые едва знали другое решение, кроме крови, вверились грамоте и договору. О, счастливый день! О, славные руки императора, одержавшие победу, прежде чем началась война... Если бы война была увенчана миром после опасностей труда военного, после потоков крови, то и это было бы великим делом. Теперь же мы видели дело гораздо более достойное удивления: враги не дождались сражения, но, осудив себя, сами произнесли справедливое решение. Только в этом они не были скифами и варварами, что прежде беды приняли благоразумнейшее решение... Другой не принял бы посольства, показал бы большую, чем следует, суровость, поднял бы брови выше надлежащего и не прежде отказался бы от мести, чем насытил бы зверя в своем сердце скифской кровью. Но ты и в том показал небывалый пример, что не захотел попирать ногами лежащих, не оттолкнул просящих милости... Не царское, не божественное дело — находить удовольствие в мести, но злое и дьявольское, свойственное злым натурам и злым силам... Итак, ты дал мир ищущим его и

возвратил Римской империи многие города, как матери пленных дочерей. Теперь земледелец спит и видит безмятежные сны благодаря твоему о нас бдению; ему не снится, что вот его преследуют, настигают, ловят, вот уже связывают, вот заносят меч над ним; но взошло солнце, и он исходит на делание свое даже до вечера. Солнце пошло на запад, и он оставляет работу; устрояет без страха полную трапезу и, наполнив свободную чашу, поздравляет себя с твоей силой, с презрением и отвращением вспоминает о Скифах, шутит с домашними, сладко их обнимает, напоминая, что он видит все это и они его видят — благодаря Великому Алексею».

Странные речи в устах человека глубоко образованного и, как увидим ниже, умеющего говорить языком истины, любви христианской и гуманности. До того прониклась горделивой ложью официальная Византия, что и ее лучшие люди спокойно плавали в ней, как в привычной стихии. Не пришлось совсем несчастному земледельцу Фракии и Македонии увидеть те счастливые дни, о которых бредила придворная риторика.

Оставив Кипселлу, печенеги расположились недалеко от Адрианополя — в Таврокоме и провели здесь зиму. Жители Адрианопольской области своими слезами могли бы свидетельствовать о том, что законы цивилизованных стран не писаны для диких кочевников. Сам император Алексей, серьезно выслушивавший обязательную лесть, не обманывал себя насчет продолжительности мира с печенегами. Всю зиму он занят был приготовлением возможных средств обороны. В ожидании помощи, обещанной графом Фландрским, он составил особый отборный полк так называемых архонтопулов из сыновей убитых воинов, наименованный так (архонтопулы — сыновья архонтов) ради почета и поощрения к военной доблести. Специально приготовленный к борьбе с печенегами и

обученный самим, опытным в военной тактике, императором, этот двухтысячный отряд напоминал классически образованной дочери Алексея «священный отряд лаконцев»^[57].

Едва наступила весна 1090 года, как печенежские шайки появились опять близ Хариуполя, где мы их уже раз видели. Здесь произошла схватка, кончившаяся несчастно для византийцев: архонтопулы должны были сделать первую пробу своей пригодности, и триста юношей положили свои головы перед печенежскими телегами, на которых стояли меткие стрелки зорких кочевников. Император Алексей оплакал лично дорогих ему юношей, проливая горькие слезы и произнося горячие причитания. Удачнее была схватка под Апром (Апри), который Алексей успел занять ранее печенегов. Печенежский отряд, вышедший на добычу, был разбит Татикием с франками: триста буйных голов печенежских попались в плен. Некоторым утешением и ободрением послужило также прибытие рыцарского отряда из далекого запада; граф Роберт блистательно исполнил свои обещания: пятьсот отборных всадников явились для борьбы с печенегами на помощь Алексею; закованные в железо, смелые и гордые рыцари Фландрии были самой страшной грозой для легких печенежских стрелков. Византийский император так нуждался в коннице и конях, что принял с великой благодарностью полтораста лошадей, присланных в подарок ему лично Робертом Фризом; сверх того купил у новоприбывших за деньги их запасных лошадей. К несчастью, Алексей не мог дать рыцарям того назначения, которое предполагалось для них первоначально.

Положение империи было тем более критическое, что турецкие орды (печенеги и сельджуки) наступали одновременно в Европе и Азии и что турки-сельджуки стремились подать через пролив руку своим

единоплеменникам в Европе. Предприимчивый турецкий пират Чаха, когда-то приведенный малолетним пленником в византийскую столицу, воспитанный при дворе Никифора Вотаниата, облеченный титулом протонобилиссима, потом изменивший своему второму отечеству для первого родного, питал широкие замыслы, которые не доступны были до сих пор турецкой ограниченности сельджуков. Он понял, что самый жестокий удар Константинополю можно нанести с моря. Чаха завел при помощи смирнских греков собственный флот, завладел приморскими городами Фокеей и Клазоменами, островами Лесбосом и Хиосом^[58] и завязал сношения с печенегами, которые были ему хорошо известны со времени пребывания в Константинополе. Какие-то печенеги, неизвестно откуда появляющиеся, сообщали ему сведения о движениях и намерениях византийских воевод. Необходимы были решительные меры и надежные силы, чтоб остановить дерзкого пирата. Алексей отправил в Малую Азию фландрских рыцарей, откуда, впрочем, несколько позже они снова были вызваны в Европу.

Себе император предоставил справиться с печенежским погромом. Тяжело прошло для него лето 1090 года. Вследствие лагерной жизни, душевных и физических тревог его мучила жестокая лихорадка. Ему приходилось быть свидетелем сцен потрясающих, унижительных для его достоинства и молча глотать оскорбления, подавлять и скрывать гнев в глубине души. Один значительный печенежский перебежчик на глазах императора заколол человека, который, благодаря своему знанию печенежского наречия, обличил варвара в обмане или даже явной измене. На царском коне, подарок которого должен был свидетельствовать об отсутствии гнева в душе Алексея, сметливый варвар ускакал потом к печенегам, понимая, что дерзкий поступок не пройдет ему даром и что

только минуты отделяют его от неизбежной казни. Другой его товарищ несколько раз переходил с одной стороны на другую и, несмотря на то, не был подвергнут никакому наказанию. Так мало надежны были те элементы, которыми приходилось пользоваться византийскому императору.

Военные действия, если можно называть так печенежские грабеж и разбой, происходили в это лето около города Русия, потом император перенес свою главную квартиру далее на восток в Чурул, где его сейчас же окружили печенеги. Этот город, находящийся на расстоянии восьмидесяти километров от Константинополя, лежал на горе, которая быстрым скатом спускалась к долине. На вершине горы, под стенами крепости, Алексей велел поставить в ряд тяжелые телеги, отобранные у местных жителей; сняв настилку, оставив только оси и колеса, византийцы привязали эти новоизобретенные военные машины кругом к стенам крепости, и как скоро печенежские всадники бросились на приступ и уже были на половине подъема, они обрубили веревки, которыми телеги были удерживаемы; катясь вниз с неудержимой быстротою, массивные колесницы производили расстройство и беспорядок в рядах вражеских. Под прикрытием такой странной артиллерии греки сделали вылазку и нанесли довольно чувствительное поражение варварам.

Этот частный успех, как он ни обрадовал императора, не имел, конечно, никакого влияния на общее положение дел. Печенеги все-таки оставались в близком соседстве к Константинополю. При начале зимы они раскинули свои палатки недалеко на север от Чурула, за рекою Еркене (около Визы и Люле-Бургаса). Алексей со своей стороны воротился в столицу и думал готовиться к военным действиям следующей весной. Печенеги не дали ему отдыха. Не пробыв и недели в своей столице, Алексей узнал, что вслед за ним был

отправлен печенегами значительный отряд к местечку Хировакхи (между Кучук-Чекмедже и Буюк-Чекмедже, ближе к последнему). Вооружив городской гарнизон и новобранцев — всего до 500 человек, — утром 14 февраля (пятница мясопустной недели) император Алексей отправился к Хировакхам и сейчас же приказал запереть ворота, оставив ключи у себя, ибо было основание опасаться, что печенеги найдут себе друзей в самой крепости. С восходом солнца на другой день действительно показались толпы диких наездников и расположились на холме вблизи городских стен; потом от их становища, на глазах греков, отделилась масса в 6000 человек и рассыпалась по окрестностям для грабежа и разбоя.

Алексей опасался за сами стены своей столицы, не вполне полагаясь на бдительность властей в свое отсутствие. С другой стороны, он понимал, что самое лучшее было воспользоваться раздроблением неприятельской силы. Он взшел наверх городской стены, окинул зорким взглядом соседние холмы и долины, чтобы убедиться, не скрываются ли где еще другие толпы печенегов, не поставлено ли где засады. Все кругом было пусто: только вблизи — прибывший утром и ослабленный отделением шести тысяч — отряд печенегов отдыхал после похода: одни спали, другие еще ели. Император решил захватить врага врасплох. Большого труда стоило ему склонить на такое смелое предприятие свою малочисленную дружину: новобранцам и гарнизонной страже, привыкшей сидеть за крепкими и высокими стенами столицы, его замысел казался безумным и дерзким, особенно ввиду явного превосходства сил на стороне печенегов, о которых они слышали всего страшного. «Мы погибли, — убеждал их Алексей, — если тот шеститысячный отряд, который теперь ушел на добычу, соединится с этим, который мы видим перед собой; мы все одно погибли, если,

расположившись под стенами столицы, шесть тысяч ушедших печенегов лишат нас всякой возможности воротиться в столицу. Лучше идти навстречу опасности, чем умереть в постыдном бездействии. Я первый иду впереди всех; кто хочет, пусть следует за мною и не отстает от меня, когда я брошусь в середину печенежского стана; кто не хочет со мною идти, пусть остается здесь и даже пусть не выглядывает из-за стены».

Потихоньку отворились городские ворота, и тайком греки зашли сзади того холма, на котором отдыхали беспечные варвары; император первый бросился в их середину и первый убил попавшегося ему под руку печенегу. Его пример подействовал и пробудил некоторый пыл и военный задор в сподвижниках. Печенеги, не успевшие даже сесть на коней, были отчасти перебиты, отчасти взяты в плен. Победоносные византийцы, по приказанию императора, нарядились в печенежское платье, снятое с пленных и убитых, сели на печенежских лошадей, взяли их знамена и сделались до того похожи на печенегов, что могли бы испугаться самих себя. В этом виде они направились к реке Меласу (Карасу), протекающей вблизи Хировакх, где должен был проходить на возвратном пути печенежский отряд, ушедший к столице. Расчет Алексея вполне оправдался. Печенеги, возвращаясь с награбленным добром, издали приняли переряженных византийцев за своих земляков и, неосторожно приблизившись к ним, понесли чувствительное поражение. Число пленников увеличилось, как и число голов, снятых с печенежских трупов. Это было в субботу вечером, 15 февраля.

В понедельник Масленой недели, 17 февраля, утром, император Алексей Комнин отправился обратно из Хировакх в Константинополь в торжественном и странном шествии: впереди ехали на печенежских конях и в варварском убранстве переодетые византийцы, за

ними шли со связанными на спине руками настоящие печенеги, которых вели крестьяне, собранные из ближайших сел; затем еще следовали греческие всадники, подняв кверху окровавленные копья с воткнутыми на них отрубленными головами убитых печенегов. Классически образованная дочь Алексея с видимым удовольствием описывает этот отвратительный маскарад, которым ее отец праздновал наступление Масленицы; она с наслаждением припоминает рассказы участников маскарада о разных забавных случаях, которые сопровождали его шествие. Что, в самом деле, могло быть комичнее той сцены, когда попадавшиеся навстречу вооруженные греки трусили пред мнимыми печенегами, пока не узнавали в них подлинных византийцев?

В этом шествии вступил император в свою столицу. Население встретило его с восторгом, радуясь минутному избавлению от опасности и сочувственно удивляясь забавной выдумке. Но среди толпы, помешавшейся от масленичного веселья, нашелся один благоразумный человек, который напомнил о том, что для особенного торжества нет соответствующего повода. «Много радости, да мало пользы, много печали, да мало вреда», — сказал кесарь Никифор Мелиссин, определяя значение победы, одержанной Алексеем при Хировакхах, для победителей и побежденных. Его замечание не замедлило оправдаться самым горьким образом. Потеря нескольких тысяч человек не много ослабила грозную массу Печенежской орды, но зато сильно возбудила в ней желание скорейшей мести и побудила сняться с зимних кочевьев ранее обыкновенной поры. Не прошло двух недель, как печенеги снова разоряли города и села в окрестностях Константинополя. В первое воскресенье поста, 2 марта 1091 года, греко-восточная церковь празднует память мученика Феодора Тирона, который во время отступника

Юлиана чудесным образом спас христиан от осквернения пищей, тайно окропленной кровью языческих жертв. В этот день благочестивые жители греческой столицы в особенном множестве посещали храм мученика Феодора в предместьях за городской стеной. Теперь они должны были отказаться от своего обычая: подле самого храма стояли печенеги, городские ворота были заперты, из города никого не выпускали.

С моря грозила не меньшая опасность. Предприимчивый Чаха, увеличив свой флот купеческими кораблями завоеванных приморских городов, замышлял нечто ужасное: хотел напомнить гордой Византии времена давно забытые, когда сарацины с моря, авары и болгары на суше держали ее в крепкой осаде недалеко от конечной гибели. В Константинополе сделалось известно, что эмиссары смелого пирата, породнившегося с никейским султаном^[59], появлялись среди палаток печенежских. Турецкая орда сельджуков и турецкая орда печенегов, давно разлученные в своих странствованиях, затем снова встретившиеся на полях Малой Азии в двух враждебных лагерях и уже тогда пришедшие к сознанию своего родства, готовились соединить свои усилия, чтоб основать на развалинах Восточной империи турецкое Сельджуко-Печенежское царство. Чаха требовал, чтобы к следующей весне печенеги заняли Херсонес Фракийский (полуостров Галлиполи), то есть хотел открыть с ними прямые и постоянные сообщения через Дарданеллы, заставить их действовать по общему плану, отрезать совершенно Константинополь от всяких связей с провинциями в Европе и в то же время запереть его с моря. Сделалось известно также, что Чаха был в тайных сношениях с теми из своих азиатских соплеменников-турок, которые в известном количестве находились на службе в виде наемников у греческого императора, и склонял их щедрыми обещаниями на свою сторону, назначая

удобный момент для измены, когда он сам займет южную оконечность полуострова Галлиполи. Чаха так был уверен в успехе, что заранее называл себя византийским императором.

Давно Византийская империя не бывала в таком критическом положении. В самой природе совершались явления, которые поселяли на веселых берегах Босфора печаль и уныние, которые на несколько времени нарушили обычный строй городской жизни и сделали затруднительными общественные отношения. На улицах Константинополя выпал снег в таком количестве, какого никто не помнил, как будто уже заранее начиналось превращение Византии в жилище людей, пришедших с севера. Несколько времени, говорит Анна, положительно невозможно было отворить дверей в доме от глубокого снега.

Что же предпринял император Алексей Комнин, чтоб отвратить грозящую беду, чтобы спасти себя, столицу, наконец, империю? Византийская гордость, очевидно, не любила вспоминать об этой тяжелой зиме 1091 года. Царственная дочь императора Алексея, которая взяла на себя задачу описать подвиги своего отца, выражается о его действиях за это время как будто с рассчитанной краткостью и намеренной темнотой: «Император с возможной поспешностью отправил во все стороны послания, призывающие наемное войско».

Можно подумать, что речь идет о совершенно обычных хлопотах византийской дипломатии и казначейства нанять побольше охочих людей в свою армию, так как Византия, считавшая во многих из своих бесчисленных монастырей по пяти и семи сот монахов, постоянно чувствовала недостаток в воинах.

Но совершенно напротив, речь идет о таких решениях, которые, с одной стороны, могли быть внушены только отчаянием, с другой — давали совершенно новое направление всей византийской

политике и которые определили на долгие годы судьбу династии Комнинов и самой империи.

Испытано было, правда, и старое средство византийской политики, которое часто удавалось прежде, но в настоящем случае именно и могло привести к совершенной гибели, не говоря о том, что оно, во всяком случае, соединено было с глубоким унижением. Византийский ум, искусившийся в политических комбинациях, до сих пор верил в себя крепко и, с высоты своего превосходства относясь к грубой недалёковидности варваров, окружающих империю, не затруднялся пользоваться их услугами. Ученый император Константин с некоторым педантическим добродушием раскрыл в наставление сыну тайны византийского макиавеллизма, подробно объясняя, как один варварский народ может быть обуздываем при помощи другого.

Появление на сцене новых племен и народов нисколько не смущало хладнокровную расчетливость босфорских политиков. Они скоро соображали место, которое будет принадлежать новому народу в кровавой игре самоистребления всех этих дикарей, окружающих империю. Во Влахернском дворце не особенно дорожили теми варварами, которые жили вдали от столицы в разных провинциях и несли на себе всю тягость содержания десяти тысяч членов придворного синклита и целой армии местных чиновников. Запас варварского мира был неистощим: на место одних явятся другие. Так, печенеги были приняты в пределы империи взамен истребленного славянского населения. Византия думала найти в них совершенно пригодную ставку против нового хода, сделанного азиатским мусульманством в лице сельджуков, на которых печенеги так были похожи.

Но к несчастью, печенежские дикари, несмотря на поспешное крещение в дунайской воде, оказались мало

способными служить высшим целям византийской политики. К несчастью, оказалось, что они слишком схожи с теми турками, с которыми им следовало на глазах византийцев беспощадно бороться, и встретили в пределах самой империи элементы, готовые вступить с ними в союз для ее разрушения. Сверх того в настоящую минуту печенеги, готовые, с одной стороны, подать руку туркам-сельджукам, могли в то же время найти себе поддержку среди кочевников, занявших их прежние поселения, с которыми теперь им делить было нечего. Только грубая варварская жадность к добыче и дикое неумение разобратся миролюбиво предупредили общее нападение печенегов и половцев на империю в 1088 году. Византийская политика не замедлила, по-видимому, воспользоваться раздором, обнаруживавшимся среди единоплеменников: может быть, не без ее тайного участия появились половцы на византийской стороне Балкан, в тылу победоносных печенегов.

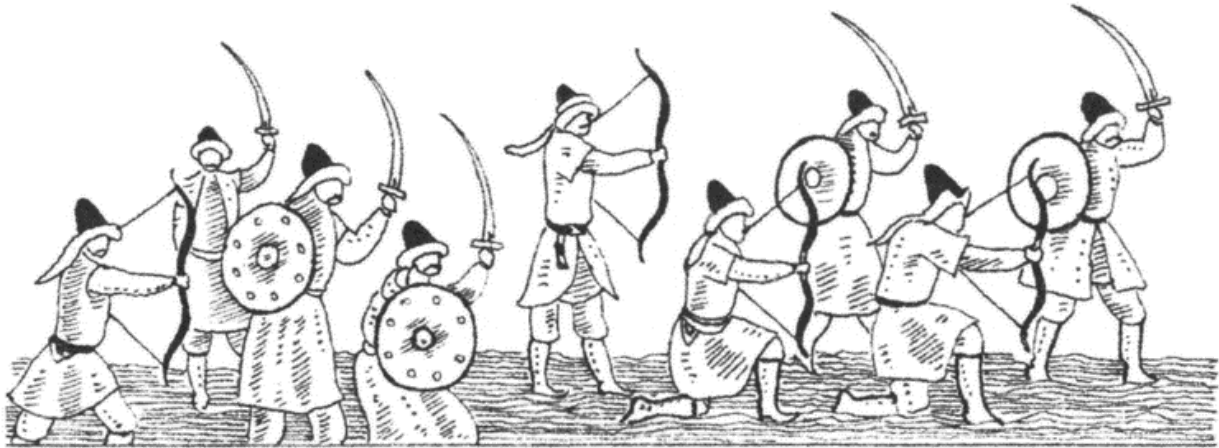
Но, достигнув своей цели, пригрозив печенегам союзом с их раздраженными единоплеменниками и принудив их таким образом к миру, даже к обещанию покорности, император Алексей счел за лучшее не брать на свои плечи новой опасной тяжести в виде таких ненадежных друзей, как половцы. Опираясь на соглашение с печенегами и на очень, впрочем, сократившееся богатство константинопольской казны, он заставил половецких ханов совершить обратный путь к низовьям реки Днепра, где они могли продолжать свои набеги на небогатые города русские. Однако если император Алексей надеялся справиться с Печенежской ордой только собственными средствами, то события не оправдали его расчетов. Всего хуже было то, что в лице Чахи явился враг, который с предприимчивой смелостью варвара соединял тонкость византийского образования и отличное знание всех политических отношений

тогдашней Восточной Европы, который задумал сделаться душой общего турецкого движения, который хотел и мог дать бессмысленным печенежским блужданиям и разбоям разумную определенную цель и общий план. Окруженный со всех сторон опасностями, император Алексей вынужден был обратиться опять к тем же половцам, которые недавно были обижены предпочтением, оказанным их врагам, и невниманием к их готовности оказать услугу империи истреблением сих последних. Некоторые из грамот, о которых говорит дочь Алексея, без сомнения, пошли в половецкие вежи на берегах Днепра и Дона и, вероятно, также и к князьям русским^[60].

Нет сомнения, что для такого умного и опытного человека, как император Алексей, и теперь были очевидны все опасные последствия того шага, который он делал, приглашая в пределы империи новые толпы свирепых варваров. Единоверные с Византией русские князья не могли прийти на помощь к грекам без согласия или мира с половецкими ханами Боняком и Тугорканом. А отправившись, как это часто делалось, вместе с полками половецкими, русские князья не могли привести с собою столько собственных сил, чтобы иметь решительное влияние на дикую волю половецких кочевников. Что же будет, если половцы найдут более выгодным соединиться со своими единоплеменниками и обратиться вместе с ними против византийской столицы? Кто мог поручиться за постоянство вражды или дружбы, управляемых только необузданными порывами хищнических инстинктов? Если даже печенеги будут разбиты при помощи половцев, то не будут ли все благие плоды победы состоять в том, что империя попадет, как говорилось и у греков, из огня в полымя? Незачем было и задавать себе вопроса о том, что будет делать победоносная орда половцев, когда она утвердится в недрах империи. Она будет делать то же,

что делали печенеги. Сам император Алексей, посылавший посольство к Боняку и Тугоркану, через несколько времени не мог сказать, против кого направятся те силы, которые собирались в низовьях Днепра и Дона.

Но Византийская империя тонула в турецком нападении, а утопающий не разбирает средств для своего спасения. Нечестивый, безбожный, шелудивый Боняк и его не менее достойный товарищ Тугортан, или Тугоркан, были союзниками отчаяния; они должны были в самом благоприятном случае только помочь императору Алексею пережить критическую минуту, пока не придут более надежные, более цивилизованные и человеческие союзники. Этими союзниками были люди латинского Запада; у них просил себе помощи император Алексей, туда были отправлены грамоты, призывавшие со всех сторон наемное войско: факт, отвергаемый патриотизмом греческим, но тем не менее не подверженный ни малейшему сомнению.

Первые годы последнего десятилетия в XI веке — это был момент, когда государственная Византия, гордая своими римскими преданиями, своим незапятнанным православием, своим бесконечным превосходством над всем варварским миром, грубыми инстинктами которого она умела управлять с таким искусством и к среде которого она причисляла как западных христиан, так и своих славянских единоверцев, потеряла веру в себя и в высокие заслуги своего православия. Эти заслуги пред судом истории действительно высоки, но они, конечно, не оправдывали того иудейского, во веяном случае не христианского, воззрения, что догмат и обряд составляют всю сущность христианства — помимо духа любви христианской; что общество, которое умеет понимать и толковать все глубины догмата и лучше других сохранило правильность обряда, есть уже новый сосуд избрания, во всех случаях как бы обязательно охраняемый самим Богом; что временные несчастья и бедствия происходят только от случайных и частных нарушений в каком-то подразумеваемом договоре с Богом, а не от постоянного забвения основной заповеди о христианском братстве и любви.

Есть в высшей степени характерные и замечательные документы, открывающие нам просвет в строй византийского мирозерцания, как оно выражалось под влиянием тяжелых событий. Вынужденный тяжелым кризисом, император Алексей прибегнул к крайнему средству для поправления своего истощенного казначейства. Он «коснулся» священных сокровищ в богатых церквах византийских и употребил их на «государственные» нужды. «Я полагал в моем сердце, что Бог не разгневается на это, так как у меня не было злого намерения, которое предосуждает виновного», — объясняет нам императорская грамота. Но византийское благочестие, не сознавая за собою никакого догматического прегрешения и, следовательно, никакой вины перед Богом, здесь-то именно и поспешило открыть причину всех бедствий, обрушившихся на империю. Еще в 1084 году, когда Алексей воротился в свою столицу из похода, до его ушей дошел всеобщий и громкий ропот населения столицы, так рабски безгласного во всем, что не касалось церкви. Он должен был защищать себя и оправдываться в торжественном собрании синклита и священного синода Константинопольской церкви. Смешивая классические предания с библейскими, он ссылался и на Перикла, который безотчетно истратил деньги на «нужное», и на царя Давида, который в крайности вкусил священных хлебов, и все-таки кончил обещанием вознаградить ущерб, причиненный церковным ризницам, и обиду, сделанную самому Богу.

Продолжавшиеся затруднения со стороны печенегов помешали исполнить обещание. Между тем в глазах всех настоящих византийцев эти затруднения были именно следствием продолжавшегося гнева небесного: император, святотатственно прикоснувшийся к церковному достоянию, был не лучше, чем прямой еретик и, следовательно, он нес ответственность за все

несчастья. В бесчисленном сонме константинопольского монашества нашлись лица, которые не стеснялись громко и почти в лицо говорить это «тирану». Епископ Лев Халкидонский, поплатившийся за свою смелость низвержением и ссылкой, в глазах толпы окружен был ореолом мученичества, и даже лица, приближенные к императору, рассказывали о его чудесных явлениях.

Император Алексей, истый и кровный византиец, не устоял против такого напора общественного мнения; сильные сомнения закрались в его душу. «Так как сокровища, взятые у святых церквей, были истрачены не на приличные этому достоянию нужды, и всякое прежнее намерение наше (исправить злоупотребление) при затруднениях, окружающих Романию, обратилось в противное, так как со многих сторон возвысился род восстающих на ны, и ладья империи подвергается опасности утонуть в волнах, ее обуревающих, если всемогущая Божественная сила не поможет ей какими знает путями и не превратит кораблекрушения в ясную тишину, — то изводилось нашему императорству прилежнее исследовать и разыскать, что же такое именно подвигло на столько гнев Божий и направило на нас стремление ярости его. Мы рассмотрели с духовными и божественными мужами этот вопрос и узнали от них, что не последняя причина Божественного гнева заключается в том, что мы коснулись святых сокровищ Господних; хотя это сделалось и совершилось не от лукавого сердца, но совершенно не позволительно приношения, врученные в руки Бога, снова вынимать из этих рук и обращать на другие нужды». Император дал обет перед лицом Божиим возвратить церквям их достояние, как скоро утихнет мирская буря вражеского нашествия, и произнес страшные заклятия на будущее время против себя и своих преемников.

Не куплена была этим милость Божия. Напротив, после 1088 года, к которому относится приведенная

нами новелла, буря, воздвигнутая гневом небесным, достигла еще большего напряжения. После десятилетней неустанной борьбы за целостность империи на востоке, севере и западе, у императора Алексея опустились руки, упал дух, смирилась его гордость, гордость православного царя в отношении к неправоверному Западу.

Нет сомнения, что в тех событиях, которые привели к окончательному разрыву восточной и западной церквей, большая часть вины падает на властолюбие и заносчивость представителей Римского престола. Но едва ли также можно утверждать, что все слова и действия Керулария^[61] были проникнуты духом христианской кротости и братолюбия, хотя, конечно, весьма можно сомневаться в том, что лицо противоположного характера на Константинопольском патриаршем престоле могло бы предупредить разрыв, коренившийся весьма глубоко. Во всяком случае, мы думаем, что честь православного Востока гораздо более поддержана была возвышенной, миролюбивой и в то же время твердой речью патриарха Антиохийского, чем страстными обличениями Керулария. Следует пожалеть, что полемика, которая потом завязалась между богословами обеих церквей, вовсе не шла тем путем соглашения, мира и уступчивости, который был указан истинно христианским, истинно гуманным голосом Петра Антиохийского. «Нам прилично, — писал он, — принимать в расчет доброе намерение (заблуждающихся) и там, где дело не касается ни Бога, ни веры, всегда склоняться к миру и братолюбию. Они — наши братья, хотя по грубости и неведению часто уклоняются от того, что прилично, следуя своей воле».

После прибавления к символу^[62], которым Римская церковь действительно нарушила самым глубоким образом союз единения, наиболее важным пунктом разногласия было совершение таинства евхаристии на

опресноках вместо квасного хлеба. Известно послание Петра Антиохийского к архиепископу Аквилейскому (или Градскому, Гра-до), отличающееся высокой ученостью. Восточный иерарх доказывал в нем, что вечеря, на которой Христос установил таинство, была совершена прежде наступления ветхозаветной еврейской Пасхи, когда закон еще не допускал опресноков, следовательно, употребление их в западной церкви ни на чем не основано. Несмотря на это, Петр Антиохийский писал Михаилу Керуларию: «Я выскажу свою мысль прямо: если они (латиняне) исправятся относительно прибавления к символу, то я не искал бы от них ничего более, оставляя безразличным в числе других и вопрос об опресноках, хотя в послании к епископу Венецианскому я показал ясно, что вечеря, на которой Спаситель и Господь наш предал своим ученикам обряд божественного таинства, была совершена, когда еще не наступило законное время есть Пасху. Увещаваю и твое боголепное блаженство принять мою мысль, чтобы, всего требуя, не потерять всего».

Понятно, что с тем большим снисхождением расположен был смотреть патриарх Антиохийский на другие обвинения против латинских братьев, сообщенные ему Керуларием: одни из них исцелимы, другие могут быть оставлены без внимания. Если латинские епископы носят на руках перстни в знак обручения с церковью, то и в восточной церкви существуют аналогичский обычай; если латиняне бреют бороды, то и мы оставляем на верхушке головы венчик и т.д. «Прошу, умоляю, припадая мысленно к твоим святым ногам, пусть твое священное блаженство ослабит излишнюю строгость и снизойдет к действительному положению вещей». Мы уже сказали, что не в таком духе велась дальнейшая полемика. Все жестокие обличения и нетерпимые упреки, все презрительные выходки, весь пыл и задор вражды

продолжают, к несчастью, обнаруживать себя на обеих сторонах. Близкий нам пример представляет послание ученого митрополита Киевского Иоанна II Прогрома^[63] к папе Клименту, писанное около 1089 года. Заблуждение относительно опресноков есть, по его мнению, одна из многих ересей, в которых повинна западная церковь, начало и корень их. Это пятое заблуждение, которому предшествует неправильность в соблюдении постов и безбрачие духовенства, есть именно скрытая ересь древних еретиков — Валента, Аполлинария, Евтихия, Диоскора и т.д.

Император Алексей и как ревностный богослов — ибо богословское образование составляло необходимую часть высшего образования в Византии, — и как политик, которому необходимо было примирить духовенство с мерами, ознаменовавшими начало его правления, вполне проникнут был воззрениями строгой противолатинской партии. Практическое применение этих воззрений можно видеть в запрещении христианам латинского обряда, живущим в пределах империи, отправлять богослужение на опресноках и в предписании, им данном, следовать греческому обычаю. Эта мера повела к переписке с папой. Урбан II, восшедший на престол римских первосвященников в 1088 году, нашел необходимым вступить за своих единоверцев. Около 1089 года он отправил в Константинополь посольство, во главе которого стоял аббат греческого Гроттаферратского монастыря близ Рима. Посольство пришлось именно на то время, когда византийский император тяжелыми обстоятельствами, в которых находилась империя, был расположен к смирению и уступчивости, когда после переговоров с графом Фландрским он уже думал о помощи Запада. Чтоб устранить препятствия к союзу с латинским миром, чтобы склонить в свою пользу папу, от которого так много зависело это дело, Алексей Комнин, отказавшись

от прежних своих связей с Генрихом IV Германским, подал Урбану II руку примирения и соглашения. В своем ответном послании, отправленном с аббатом Гроттаферратским, он предлагал папе собор в Константинополе; на этом соборе вопрос об опресноках, а с ним, конечно, и другие вопросы должны были подвергнуться дружелюбному рассмотрению представителей той и другой церкви. Со своей стороны император заранее обязался принять беспрекословно решения собора и, сверх того, назначил срок для его собрания не позже как через полтора года.

Папа Урбан, посоветовавшись с графом Рожером Сицилийским, во владениях которого находилось много греков, державшихся восточного обряда, принял предложение византийского императора. Серьезность его миролюбивого настроения доказывается тем, что в том же 1089 году последовало разрешение Алексея Комнина от церковного отлучения, которое лежало на нем как схизматике.

В самом Константинополе желание примирения с Западом могло только возрастать сильнее и сильнее. При отсутствии прямых исторических на это указаний мы обращаемся к произведениям знаменитого иерарха и богослова греческой церкви, известного нам Феофилакта Болгарского, который именно около этого времени был поставлен в сан архиепископа и всегда был очень близок ко двору и к сферам, решавшим вопросы церкви и государства. Мы не ошибемся, если его в высшей степени замечательное сочинение о заблуждениях латинян отнесем приблизительно к 1091 — 1092 годам и увидим в нем знамение времени. Сочинение писано по вызову одного духовного лица^[64], занимавшего довольно видное место в рядах клира великой церкви в Константинополе, но автор имеет в виду более обширный круг читателей и постоянно обращается вообще «к братьям», к «рабам Христовым,

друзьям и братьям», то есть ко всему клиру Софийской церкви, глубоко заинтересованному в начатых переговорах с папой. Вопрос о заблуждениях латинян, обращенный к Феофилакт, именно был вынужден тяжелыми и суровыми обстоятельствами, как это прямо сказано в самом начале ответного послания. Но автор радуется, что Божественные знамения, служащие одним в наказание, на других производят спасительное действие.

Что касается основной темы сочинения, то она в высшей степени поразительна. Автор послания прямо объявляет, что он не разделяет общепринятого мнения о разделении церквей. Он не находит, чтоб ошибки латинян были многочисленны и чтоб эти ошибки делали церковное разделение неизбежным. Он восстает против того духа богословской нетерпимости и теологического высокомерия, которое господствует среди его ученых единомыслителей и современников. «Мы думаем, — говорит он, — что для приобретения в глазах толпы славы первостепенных мудрецов в делах Божественных необходимо как можно большее число людей записать в еретики; что только тогда мы докажем, что имеем глаза, когда ясный свет представим глубокой тьмой». С некоторой иронией перечисляет ученый архипастырь ходячие обвинения против латинян: кроме опресноков, поста субботного и безбрачия духовенства, им ставят в великую вину то, что у них священники бреют бороды, носят на руках золотые перстни и одеваются в шелковые ткани и т.д., что монахи позволяют себе есть мясо и пр. «Быть может, кто-нибудь, — замечает Феофилакт, — из верных и более горячих ревнителей православия восстанет и обличит меня в невежестве, в непонимании вещей божественных, пожалуй, в холодности или даже в предательской измене своей церкви. Конечно, сам он насчитал бы (латинских заблуждений) много больше того, что я привел, Но я, — заявляет Феофилакт в

выражениях, напоминающих Петра Антиохийского, — даже из числа перечисленных заблуждений одни считаю не заслуживающими внимания, другие — заслуживающими умеренного исправления, то есть такого, что если кто его совершит, то окажет некоторую услугу церкви, а если нет, то тоже не будет большого вреда». Есть только один пункт, который действительно разделяет две церкви, — это нововведение в символе веры, сделанное латинянами. Здесь невозможна никакая уступка, здесь Феофилакт прямо обращается к римлянам с обличением их заблуждения. Здесь он не может принять никаких извинительных соображений. «Латиняне могут сказать, что они веруют и мыслят точно так же, как мы, что под исхождением от Сына они понимают другого рода исхождение, чем от Отца: от Отца Дух исходит, потому что Отец виновник его бытия, от Сына Дух исходит в том смысле, что как бы изливается и раздается Сыном, а не в том, чтобы Сын был виновником Его бытия, что принадлежит только Отцу. Латиняне могут сослаться на бедность и скудость латинского языка, которые заставляют их два разные понятия выражать одним и тем же словом, не отступая нисколько от согласия в вере с греками». Учитель греческой церкви готов на братское снисхождение. Но оно может состоять только в том, что латинянам будет предоставлено право пользоваться своим способом выражения в церковных беседах и поучениях, с объяснением, однако, смысла употребляемых выражений. Что же касается символа, то здесь не может быть и допущена никакая неясность и двусмысленность, никакое прибавление; ибо в символе именно выражается согласие, единодушие веры, исповедание, всеми одинаково понимаемое, без чего-либо подразумеваемого.

Употребление греческой церковью квасного хлеба в таинстве евхаристии Феофилакт оправдывает и

утверждает примером апостолов, которые преломляли такой хлеб, и общим согласием церковного предания, отказываясь при этом от главного довода, который был развиваем Петром Антиохийским, но в глазах Феофилакта оказывался несостоятельным. На таких же основаниях отвергается субботний пост латинян. Но относительно этих вопросов архиепископ Болгарии направляет остроту своих рассуждений в обе стороны. Он доказывает, что римляне не правы в том отношении, что они ошибаются и погрешают против церковного предания, но греки также не правы в том, что не хотят быть снисходительными к ошибкам ближнего. «Великая и огня жарчайшая ревность» против приношения опресноков в тех людях, которые заявляют, что они скорее положат свою душу, чем поступятся своим мнением об этом предмете, не находит одобрения в глазах Феофилакта: эти люди более угождают собственной страсти и попадают в сети дьявола. «Нет, братия, — обращается Феофилакт к своим читателям, — не должно от всех требовать всего. Если что, не будучи исполнено, приносит вред смертельный, противу этого нужно бороться, как говорится, и руками и ногами. Но есть такие вещи, от лишения которых нет большого вреда, но будет величайший вред, если мы силою достигнем того, что и они будут приобретены для нас. Оставить это быть так, как есть, — вот что требуется от рассудительного человека, знающего законы домостроительства, которыми предписывается ради великого жертвовать малым, а не ради малейших (выгод) величайшими интересами...

Если поэтому западные, благоустроив вопрос о догмате и отказавшись от нововведения в пользу древности, обнаружат сердечную привязанность к опреснокам и постам своим и отступят назад перед нашими просьбами, сделанными в духе кротости, об единомыслии и в этих предметах, то будь на этот раз

Павлом, который для тех, кои были под законом, сам являлся сущим под законом и принимал участие в жертвах очищения... Искусство кормчего должно состоять в том, чтобы не напрягать все паруса, особенно когда веет сильный дух гордости и народного самомнения; нужно и послаблять с умением, ибо лучше совершать плавание с безопасной медленностью, чем со смертельной быстротой, лучше, сохранить корабль ослаблением бега, чем потерпеть кораблекрушение от упрямой неуступчивости...

Итак, мы не противопоставим суровой непреклонности не привыкшему гнуться духу этого (западного) народа — ни в вопросе об опресноках, ни в вопросе о постах...

Иной мог бы потребовать, чтоб я подверг также обсуждению и вопрос о браках, в котором они, по-видимому, также погрешают. Но... они со своей стороны ставят против нас брак священников в числе своих обвинений, и не только эту брачность, но и другие бесчисленные обвинения. Итак, когда представится им случай оправдывать свои обвинения против нас, тогда будет время говорить и о браке, мы ли погрешаем, или они, или же дело находится в хорошем положении у тех и других, относительно цели, предположенной каждым».

Сочинение оканчивается сильным обращением к греческой стороне, которая считает себя во всем правою. «Что сделало фарисеев несчастными? Разве не любочестие, не страсть к первенству и желание быть называемым у людей “равви”?.. Разве ты не видишь Павла, который избирает Петра судьей своего благовестил? Разве ты не видишь Петра, обличаемого Павлом и переносящего обличение с кротостью? Но ты, если ты замечаешь, что перед громом твоего голоса не трепещут все и не падают пред твоими молниями навзничь, тогда именно ты откапываешь и выводешь на

сцену Симонов и Маркионов (которых благодетельное время закопало и навсегда скрыло в земле), тогда ты приводишь в движение прах гностиков, вырываешь волхование Сабеллия и безумие Ария... И все это ты навязываешь своему брату (о, слепота!), одному и тому же, несмотря на все их взаимное противоречие, навязываешь, как какие длинные веревочки, которыми ты хочешь поймать убегающего. И не один ты делаешь это, но находишь себе участников, которых привлекаешь под видом благочестия, тогда как они часто не знают, что такое благочестие, но только любят заслужить этот титул осуждением своего брата...

Нет, рабы Христовы, други и братия, отталкивая от себя почти всех своим высокомерием, не будем отчуждать себя от Бога, всех привлекающего к себе любовью».

Собор, который должен был примирить Восток с Западом, сделать возможным политический союз Византийской империи с христианством римским, ввиду которого, очевидно, было написано сочинение Феофилакта, назначен был на 1091 год. Но он не мог состояться в этом году: затруднительное положение, в которое Урбан II был поставлен римлянами, призвавшими антипапу Климента, еще более затруднительное, критическое положение византийского императора заставило отложить всякую мысль о нем. Император Алексей нуждался не в соборе, а в быстрой, немедленной помощи. Печенеги и Чаха грозили Константинополю; намерения половецких ханов, которые готовились двинуться в пределы империи с шестидесятитысячной ордой, были покрыты загадочной тьмой. Ясно было только то, что от них зависело нанести последний смертельный удар Византийскому государству. Нужно иметь перед глазами это отчаянное положение Византии в начале 1091 года, чтобы понять ту последнюю степень унижения, до

которой пала гордость восточного императора. Не совсем обычным делом было для греческого автократора, который считал себя высшим представителем церкви, покорно выслушивать обличения своего духовенства и оправдываться в своих ошибках. Уступчивость в отношении латинской церкви, готовность на примирение с папством как после, так и теперь знаменовали глубокий упадок духа в Влахернском дворце и почти прямое отречение от тех идей, которыми жила и дышала средневековая Византия. Но и этого было мало. В 1091 году с берегов Босфора донесся до Западной Европы прямой вопль отчаяния, настоящий крик утопающего, который уже не может различать, дружеская или неприязненная рука протянется для его спасения. Византийский император не усомнился теперь раскрыть пред глазами посторонних всю ту бездну стыда, позора и унижения, в которую низвергнута была империя греческих христиан.

«Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками: они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан, ужасы, которые при этом совершаются, неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух. Они (то есть турки) подвергают обрезанию детей и юношей христианских, изливая кровь обрезания в купели христианского крещения. Они насилуют жен и дев христианских перед глазами их матерей, которых при этом заставляют петь гнусные и развратные песни. Над отроками и юношами, над рабами и благородными, над клириками и монахами, над самими епископами они совершают мерзкие гнусности содомского греха. Почти вся земля от Иерусалима до Греции и вся Греция с верхними (азиатскими) областями, главные острова, как Хиос и Митилина, и многие другие острова и страны, не исключая Фракии, подверглись их нашествию. Остается

один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей (малоазийские) греки: таким образом Константинополь подвергается опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принужден бегать перед лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом.

Итак, именем Бога и всех христианских провозвестников умоляем вас, воины Христа, кто бы вы ни были, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас должна быть так же дорога та святыня, которая украшает город Константина, как она дорога для нас. Орудия нашего спасения — орудия мучений и смерти Искупителя, терновый венец, который был возложен на его главу, трость, которую он держал в своих руках, часть креста, на котором он был распят, и проч., многочисленные мощи святых апостолов и мучеников, как глава Иоанна Крестителя, нетленное тело первомученика Стефана, — все это не должно достаться во власть язычников, ибо это будет великая потеря для христиан и их осуждение.

Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напоминаю вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей константинопольских, в серебре, золоте, жемчуге и драгоценных камнях, в шелковых тканях, могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Но

богатства Софийского храма могут превзойти все эти сокровища, вместе взятые, и равняются разве только богатству храма Соломонова. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих.

Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой шестидесятитысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак, действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее, гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небеси».

Вот какого содержания письма были отправлены императором Алексеем «во все стороны». Понятно, что его дочь, которая писала «Алексиаду» при совершенно ином положении своего отечества, не сочла нужным ознакомить нас с такими горькими воспоминаниями. До нас дошел один экземпляр послания, именно отправленный к старому знакомцу и другу Алексея — графу Роберту Фландрскому. Но нет сомнения, что и в других местах — во Франции и Италии — был услышан призывный крик о помощи с берегов Босфора. Когда папа Урбан II в 1091 году находился в Кампании, при нем были послы византийского императора. Сама Анна, говоря о событиях лета 1091 года, мимоходом обронила замечание, что ее отец ожидал помощи из Рима. У одного из позднейших историков Фландрии, которому были доступны старые документы графского семейного архива, прямо сказано, что послания такого же содержания, как полученное графом Робертом Фризом, пришли во Францию. Наконец, едва ли не находится в

связи с дружелюбными отношениями старого и нового Рима, с предполагаемым общим церковным и политическо-военным союзом Востока и Запада замечательное известие русской летописи^[65].

В 1091 году прибыл в Киев один из единоплеменников и близких келейных людей русского митрополита; он воротился из Рима от папы и привез с собою много мощей.

Нет никакого сомнения, что впечатлительный и предприимчивый Запад, уже давно наслушавшийся рассказов о турках, которые оскверняли христианскую святыню, и об узо-печенеггах, которые останавливали благочестивых пилигримов на пути их странствия, был сильно и глубоко потрясен страшной картиной, развернутой перед его глазами с такой яркостью. Завеса, скрывавшая за собою таинственное величие империи Константина, Феодосия и Юстиниана, была разорвана: за ней представился христианский государь, носящий уважаемый по преданиям титул римского или греческого императора, преследуемый толпами страшных дикарей-язычников. За ней представился город Константина, этот новый Рим, для всякого христианина имеющий почти столько же прав на почтительное чувство, сколько и старый, — но теперь готовый со всеми своими святынями и мощами сделаться добычею неверного турка или гнусного печенегга. В замках Франции и богатой уже тогда Фландрии начиналось движение, которое очень мало нуждалось в каком-либо ничтожном пустынноике, чтобы перейти в смелое предприятие. Гроб Господень в Иерусалиме, упомянутый в конце Алексея послания, был, конечно, для толпы, для простой веры и не знающего сердца гораздо понятнее, чем Восточная империя и Константинополь. Одного этого имени — Иерусалим, раздавшегося на Клермонском соборе из уст папы, могло быть достаточно для того, чтоб увлечь

толпу. Но в умах графов Фландрских, Боэмундов и Робертов Норманнских идея о крестовом походе созрела независимо от папы и первоначально не была, конечно, связана с одним Иерусалимом и, может быть, вовсе не была соединена с этим именем. Призыв папы Урбана потому нашел такой скорый и сильный отзыв в рыцарстве Фландрии, Нормандии и Франции, что ему предшествовал призыв императора Алексея. Не в один год, не в несколько месяцев созревают такие предприятия и такие движения, как Первый крестовый поход. Не одни мистические порывы и аскетические потребности произвели его; не путешествие на воздушных шарах в неведомую страну предпринимали франки в конце XI столетия. Они собирались спасти своего союзника, который звал их к себе на помощь; они шли с большой надеждой на мирские выгоды, с мыслью о богатствах Византии.

В глазах рыцарства граф Роберт Фриз был, конечно, более красноречивым и более убедительным проповедником, чем какая-либо темная личность вроде Петра Амьенского. Обладая образованием, редким для своего времени, умом и характером в высшей степени независимым, граф Роберт возбуждал против себя сильные жалобы духовенства, которые не смолкли и после его покаянного путешествия в Палестину, но зато он был идиолом всего рыцарства. Когда, по возвращении из Константинополя, он провожал (в 1090 году) свою дочь Адель через Францию в Италию, где она должна была выйти замуж за графа Рожера Апулийского, то его путешествие по Франции было похоже на триумфальное шествие; его принимали с живейшим энтузиазмом все люди, принадлежащие к племени франков. Вообще это был один из самых замечательных и сильных государей всего христианского мира, каким он в местных источниках и величается. Его родственные связи были обширны и важны. Кроме дочери Адели, которая ранее

своего итальянского брака была за Канутом Датским, он имел сестру — Матильду; мужем последней был не кто другой, как сам Вильгельм Завоеватель.

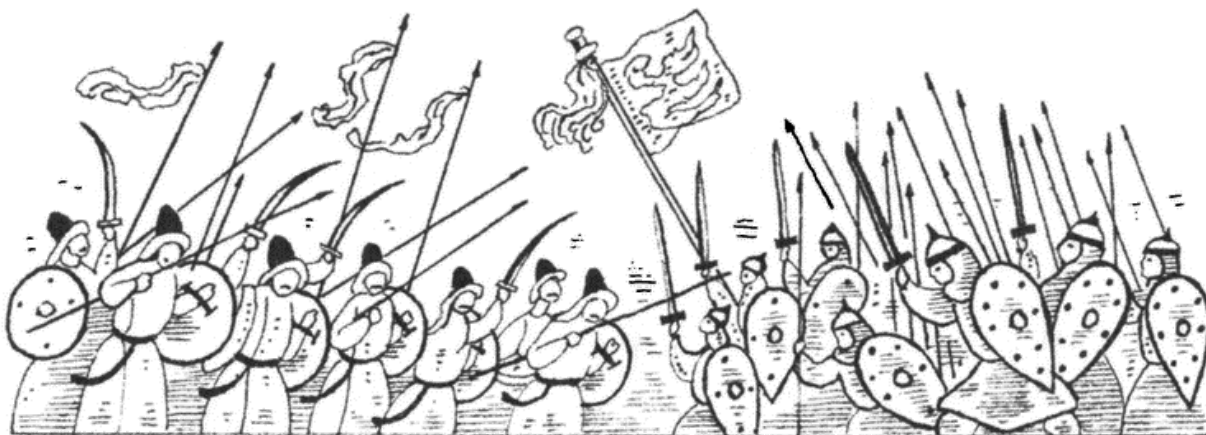
Что касается Востока, то там слава Фландрского графа утвердилась еще гораздо ранее его путешествия в Святую землю. Двадцать лет тому назад, в 1071 году, когда юный Роберт Фриз был не более как смелым искателем приключений, норманны, забравшиеся в Восточную империю в виде наемников, призывали его к себе в Константинополь и обещали возвести его на трон Константина Великого, недостойно занимаемый Михаилом Дукой. Если бы графу Роберту суждено было дожить до 1096 года, то, без сомнения, никто другой не стоял бы во главе рыцарских крестоносцев и не было бы после никакого спора о том, кто должен носить корону Иерусалимского королевства: мечта юности, тянувшая фландрского героя на восток, исполнилась бы другим путем. В рядах крестовой рати находилось немало близких родственников знаменитого Роберта Фриза; но ни сын его, наследовавший вместе с графством имя отца, ни оба племянника (Балдуин Фландрский и Роберт Норманнский), ни другие не могли заменить умершего. Имея в виду первоначальный план похода, по которому он прежде всего должен был направиться против печенегов, на спасение Константинополя, западное рыцарство по известиям, заслуживающим внимания, питало мысль поставить во главе предприятия венгерского короля Ласло I, владения которого точно так же немало терпели от печенежских набегов; но этот план разрушился с преждевременной кончиной Ласло I.

Смерть графа Роберта Фриза, последовавшая 13 октября 1093 года, имела, без сомнения, важное значение для дальнейшего — более скорого или более медленного — развития тех планов, которые разрешились великим движением Запада на Восток. Но самое глубокое изменение в этих планах произведено

было резким и неожиданным вмешательством в судьбу христианской цивилизации со стороны двух варваров, которые не знали ни папы Урбана, ни графа Фландрского и которых, в их очередь, не хотели знать не только старинные благочестивые повествователи о папе Урбане на Клермонском соборе и о Петре Амьенском, но и новейшие исторические исследователи, привыкшие, подобно своим средневековым предшественникам, смотреть на ход истории только под своим углом зрения. В 1091 году предполагалось, что западное рыцарство явится во имя Христа и христианства на берегах Босфора для защиты Византийской империи и Константинополя и император Алексей Комнин отдаст в руки франков судьбу своей империи и столицы, то есть отдаст в их руки судьбу всего христианского мира, довольный тем, что спасется от печенежского плена, и покорно отступит на задний план истории.

Но два половецких хана — в соучастии, быть может, с одним из русских князей — решили этот вопрос иначе.

VII

Зима 1091 года, столь тяжелая для византийской столицы, наконец миновала. Прошла грозная война стихий, смягчился гнев бурного моря, говорит Анна Комнина. Но страх двойного турецкого нашествия все еще стоял пред воротами Константинополя, хотя печенеги на некоторое время и отхлынули от стен столицы. Наступившая весна и утихшее море благоприятствовали грозным планам Чахи. Он готовил свой флот, чтобы сделать высадку на полуострове Галлиполи, соединиться с печенегами и потом двинуться с моря и суши на Константинополь. Печенежская орда, оставив предместья столицы, обратилась на запад, к долине реки Марицы. Было ясно, что она шла на соединение с турецкими силами, прибытие которых ожидалось; что степные дикари исполняли план, не ими составленный. Император Алексей, еще зимой, получивший сведения о замыслах Чахи, был способнее, чем кто-либо, понять всю опасность положения. Меры, им принятые для ее отвращения, были быстры и вполне разумны. Кесарь Никифор Мелиссин по приказанию императора произвел новый военный набор; все прежние наличные силы были размещены в разных важных пунктах Македонии и Фракии и не могли быть

оттуда вызваны без крайней опасности как для них самих, так и для городов, ими охраняемых. Болгары, населявшие западную часть империи — долины рек Вардара и Струмы, скотоводы и пастухи, влахи, кочевавшие в Фессалии, жители других провинций, свободных от печенежского нашествия, были подняты для спасения Византии. Сборным пунктом для новой армии был назначен город Энос, близ устьев Марицы. Это был пункт, из которого можно было наблюдать за действиями врагов на суше и на море и воспрепятствовать движению Печенежской орды на соединение с морскими силами сельджуков. Сам император Алексей поспешил занять эту важную позицию. С последними силами, которые оставались в его распоряжении, вызвав из Никомидии 500 фландрских рыцарей, он сел на корабли и поплыл на запад. Небольшой флот, можно сказать, заключал в себе всю Византийскую империю и ее судьбы. Высадившись в Эносе, Алексей вслед за тем внимательно осмотрел течение Марицы и положение обоих берегов, чтоб отыскать удобное место для военного лагеря. Равнина, расстилавшаяся на правой стороне реки, прикрытая с одной стороны ее течением, с другой — топким, болотистым пространством, представляла большие выгоды для слабой числом греческой армии. Здесь, близ местечка Хирины, она и была помещена в ожидании тех подкреплений, которые должен был привести Никифор Мелиссин. Прикрытый с боков рекой и болотом, лагерь был огражден с других сторон глубоким рвом.

Император воротился в Энос и скоро получил известие о приближении к укрепленному лагерю несметной толпы печенегов. Он немедленно явился на место опасности. Убедившись в страшном неравенстве сил, Алексей смутился; боязнь проникла в его душу, привыкшую давно к самым трудным положениям. Судя по-человечески, говорит Анна, не было надежды на

спасение. В то время как самые тяжелые и тревожные мысли волновали ум императора, на четвертый день после прибытия в лагерь показались новые массы степных наездников. Это были половцы: они пришли ордою в 40 тысяч человек. Никто не мог сказать, что несла с собою эта грозная орда: спасение или конечную гибель. Было не известно, явились ли половцы как союзники на зов императора вследствие его грамот, посланных еще зимою в приднепровские степи, или же они предпочтут вместе с своими единоплеменниками, печенегами, нанести последний и решительный удар Византийской империи, разнести и расхитить ее провинции и, быть может, ее столицу. Во главе половецких полчищ стояло несколько предводителей, но главными были двое: Тугоркан и Боняк, два хищника, так хорошо известные в русской истории^[66]. В их руках находилась судьба христианского мира.

Император Алексей сам был проникнут таким убеждением, и его дочь, помнившая беседы отца в семейном кругу, сохранила это убеждение на страницах своей истории. Чтобы выйти из тяжелой неизвестности, чтобы склонить половецких ханов на сторону империи, Алексей поспешил пригласить их к себе для дружеской беседы. Он пережил еще несколько тяжелых минут, прежде чем они явились. Долее других заставил ожидать себя самый страшный и самый сильный — шелудивый Боняк: на первое приглашение он отвечал отказом. Богатая и роскошная трапеза была предложена гнусным сыроядцам. За столом византийский император старался быть как можно более любезным. После обеда, за которым варвары отлично и сытно угостились, Алексей расцеловался с ними и поднес каждому богатые подарки всякого рода. Сам суровый и мрачный Боняк не устоял против такого приема и такой ласки. Умягченные варвары готовы были сделать все угодное византийскому императору. Алексей потребовал от

ханов, чтоб они дали клятву быть его друзьями и помогать ему против печенегов, и просил заложников. Половецкие ханы дали клятву, обещали прислать заложников. С кичливым панибратством они успокаивали императора насчет печенегов, обещали покончить с ними в три дня, пусть только император предоставит им на эти три дня полную свободу расправляться с печенегами, как они знают. С самонадеянной щедростью они делили добычу и целую половину обещали дать императору. Обрадованный Алексей с удовольствием давал не три, а целых десять дней для единоборства с печенегами, отказывался от добычи и всю уступал половцам. Союзники расстались довольные друг другом...

Тяжелая неизвестность положения еще не скоро миновала. Прошло три дня, и опасения относительно верности половецких обещаний снова стали осаждать ум Алексея. В страшной тревоге он несколько раз менял расположение своего лагеря, переходя с одной стороны Марицы на другую. Как настроена была небольшая византийская армия, достаточно показал один случай. Никифор Мелиссин, исполнив поручение императора, выслал на помощь к нему значительное количество новобранцев; крестьяне, превращенные в воинов, шли пешком, а пожитки и запасы их следовали за ними на телегах, запряженных волами. Греки увидели вдали этот ряд повозок, и смятение распространилось в лагере. Всем казалось, что это приближается печенежский табор, что еще новая орда кочевников идет с востока. Сам император смутился. Скоро, однако, оказалось, что весь страх был напрасен, что вместо печенегов идет подкрепление, которого давно следовало ожидать. После этого византийцы стали несколько смелее. При новом перемещении лагеря они встретились с отрядом настоящих печенегов и вступили с ним в схватку:

император Алексей, сам управлявший движением, одержал победу.

Новым поводом к беспокойству послужили известия о сношениях между половцами и печенегами. Печенеги пытались переманить половцев на свою сторону и присылали послов к самому императору с мирными предложениями. Алексей угадывал злые намерения хитрых варваров и давал уклончивые и неопределенные ответы. Ему хотелось как можно дольше протянуть время; несмотря на соглашение с Боняком и Тугорканом, он боялся решительной минуты. С лихорадочным нетерпением он ожидал известий с запада и рассчитывал на скорое прибытие вспомогательного войска из Италии.

Половцам первым наскучила праздная бездеятельность. Обещания печенегов не прельстили их, но и медленность императора им не нравилась. Половецкие ханы послали сказать Алексею: «До коих пор мы должны будем откладывать битву? Знай, что мы не будем ждать более; завтра с восходом солнца мы будем есть либо волчье мясо, либо баранье».

Дикая, кровожадная речь означала, что половцы на следующий день будут биться если не с печенегами, то с византийцами. Император Алексей хорошо понимал, как серьезна была эта речь в устах варваров, способных внезапно принять самое неожиданное решение. Он обещал им битву на следующий день. Но тревожные опасения не переставали его мучить. Половцы были так же страшны, как и печенеги; какая-нибудь внезапная вспышка могла превратить союзников в беспощадных врагов; на самом поле битвы обе единоплеменные орды могли примириться и сообща обратить свои стрелы на византийскую армию. Неожиданное счастливое событие было несколько ободрило смущенный дух императора. Накануне рокового дня, пред закатом солнечным, пятитысячный отряд отделился от половецкого стана и

присоединился к греческому лагерю. Это были смелые и мужественные обитатели горных стран, то есть русские, пришедшие вместе с половцами из Карпатской Руси^[67].

Их князь, знаменитый своею предприимчивостью Василько Ростиславович, еще в том же 1091 году участвовал в походе половцев на Венгрию, в 1092 году с ними же ходил на ляхов. Нужно думать, что и теперь он не усидел дома и был в числе тех второстепенных вождей, которые обедали у Алексея, но не названы по имени его дочерью.

Половина ночи прошла в молитве; при свете зажженных факелов все войско пело священные гимны; кто мог, тот украсил свое военное копье восковой свечой или лампадой. После полуночи последовал кратковременный отдых. С восходом солнца началась кровавая битва. Греки и половцы бросились на печенежский стан, огражденный громадными степными телегами; император Алексей был впереди всех. Печенеги не выдержали напора и потеряли дух. Видя неминуемую беду, несколько печенегов выехали навстречу и отдались половцам, прося их посредничества для примирения с императором. Этот случай опять возбудил подозрения Алексея: он боялся, что и другие последуют тому же примеру, что это охладит военный пыл и усердную ревность его союзников, пришедших с Боняком и Тугорканом.

Он приказал знаменосцу стать с императорским знаменем посреди половецкого ополчения и идти вперед, чтоб увлечь за собою воинственных кочевников. Стратегема увенчалась блестящим успехом. Соппротивление печенегов было окончательно сломлено; началась беспощадная, невиданная резня позади телег, ограждавших стан печенежский. Полуденное, жаркое весеннее солнце освещало ужасную сцену остервенения; утомленные зноем и жаждой победители готовы были прекратить свою кровавую работу, усталые

руки отказывались служить более. Но император Алексей еще раз находчиво распорядился. Он послал гонцов в ближайшие деревни; по их требованию крестьяне явились к армии и привезли на своих лошаках бочки, кувшины и меха, наполненные водою. Немного освежившись, воины и союзники Алексея снова начали сражение, то есть беспощадное истребление побежденного врага. «Здесь можно было видеть новое зрелище, — говорит Анна Комнина, — как целый народ, считавшийся не десятками тысяч, превышавший всякое число, с женами и детьми погиб в один день». Только на закате солнечном прекратилась резня беззащитных и безоружных печенегов, их жен и детей, скрывавшихся в повозках и кибитках и всегда сопровождавших воинственную орду в ее передвижениях. Все, что уцелело от меча, попало в плен к победителям. Несмотря на кровопролитие, продолжавшееся целый день, число пленных было громадно. Припомним, что, по словам византийского историка, Печенежская орда за сорок лет до этого вступила в пределы империи в числе 800 тысяч, а теперь состояла из 600 тысяч человек.

Так кончился день 29 апреля 1091 года, о котором в Константинополе сложили песню с таким припевом: «Из-за одного дня скифы не увидели мая». За страшным днем последовала не менее ужасная ночь. Огромное число пленников, при утомлении войска, при близости половцев, в которых могло пробудиться сострадание к своим едино-язычным одноплеменникам, казалось весьма опасным воеводам и приближенным советникам Алексея. Один из них явился к императору, когда тот садился за ужин, и с дьявольским хладнокровием просил позволения низвести число пленников до безопасного количества, то есть перерезать большую часть их. Алексей взглянул сурово на бесчеловечного Синезия — это очень почтенное имя носил византиец — и сказал: «Хоть то и скифы, но все-таки люди, хоть и враги, но

все-таки достойны жалости». Отослав с гневом кровожадного искусителя, император строго приказал у всех печенегов отобрать оружие, сложить его в одно место и приставить стражу к связанным пленникам; потом спокойно отдался ночному сну, приятному после утомительного и трудного дня. Тем не менее ночью большая часть пленных печенегов была перебита солдатами. Сообщая ужасный факт, дочь императора Алексея делает замечание, которое заставит всякого содрогнуться еще больше, чем самое происшествие, если только понимать замечание в буквальном смысле. Цесаревна Анна не может решить, совершилось ли избиение пленных «по Божественному внушению или каким-другим образом», во всяком случае, оно совершилось вдруг как бы по данному знаку. Сам император Алексей узнал о кровавых событиях ночи только утром на другой день и подозревал виновника в своем вчерашнем советнике. Он хотел строго наказать Синезия, но просьбы всех родных знатного вельможи склонили Алексея к милости.

Половцы, о волчьих обычаях которых говорят византийские писатели, даже Боняк, в самом деле так искусно подражавший вою этих кровожадных зверей, что они охотно ему отзывались^[68], были приведены в ужас поступком образованных византийцев. «Они боялись, — говорит Анна, — чтобы на следующую ночь император не сделал с ними того же, что случилось с печенегами», и при ее наступлении оставили свой лагерь, зараженный запахом трупов и крови. Они с такою неожиданной поспешностью бежали, что забыли о награде, им следующей, или, может быть, не хотели прикоснуться к ней в первую минуту ужаса. Нужно было посылать за ними погоню, чтобы вручить им то, что им следовало по уговору сверх добычи. Вероятно, для многих были не понятны побуждения императора, предписывавшие такую преувеличенную честность; он

нашел не лишним публично сказать длинную «проповедь» о лжи и ее греховности.

Впрочем, не все союзники, участвовавшие в битве 29 апреля, бежали за Балканы. Те, которые остались, сначала получили щедрое угощение; внимание императора к ним простиралось так далеко, что он выдал им награду только тогда, когда они проспались от опьянения и стали хоть немного сознавать, что совершается вокруг их [\[69\]](#). Важный греческий чиновник проводил их до Балканских проходов, так как они считали это нужным для своей безопасности. Но за Балканами воинственной орде была предоставлена полная свобода, и она не замедлила ей воспользоваться для того, чтобы, вслед за ушедшими ранее товарищами, устремиться на Венгрию. Едва король Ласло I успел справиться с куманами, опустошившими Трансильванскую область и некоторые восточные венгерские комитаты, как на Дунае, на юго-восточной границе, явились новые полчища той же самой Половецкой орды в сопровождении, можно догадываться, удальцов другой народности. Предводитель орды требовал у венгерского короля выдачи своих полоненных соплеменников. Ласло I, отвергнув дерзкие требования, быстро вышел навстречу врагам и разбил их наголову неподалеку от Дуная. Считая русских виновниками или, вероятно, участниками половецкого нашествия, венгерский король вслед за тем обратился немедленно против соседних русских областей. Венгерский летописец, быть может несколько хвастливый, рассказывает, что русские, сильно стесненные королем Ласло I, просили у него помилования и обещали ему полную верность и что раскаяние их было принято победителем благосклонно [\[70\]](#).

В начале мая император Алексей с торжеством воротился в свою столицу. Ужасные враги, которые

недавно стояли под ее стенами, лежали теперь грудями трупов в долине Марицы. Только небольшая часть печенегов уцелела в греческом лагере. Эти остатки несметной прежде орды были поселены императором Алексеем на восток от реки Вардар, в Могленской области, и появились потом в рядах византийской армии, составив в ней особый род войска.

Половцы оказали громадную услугу христианскому миру. Предводители их, Боняк и Тугоркан, должны быть по справедливости названы спасителями Византийской империи. Помощь Запада, которой просил и уже ожидал император Алексей, не могла прибыть так скоро, как он это считал возможным; неоконченная борьба с императором и антипапа Климент связывали совершенно деятельность Урбана II до 1094 года, когда он восторжествовал над своими врагами и над всеми домашними затруднениями; ранее этого года умер друг Алексея, граф Роберт Фриз, союзник, быть может, более деятельный, но зато и более отдаленный. Между тем Византия, как мы знаем из прямых признаний цесаревны Анны, решительно не имела сил и средств, чтобы продолжать борьбу с двойным турецким нашествием. Предположим самый благоприятный ход дела. Константинополь мог выдержать долгую осаду, мог дожидаться крестоносного ополчения; оно собралось бы скорее ввиду настоятельной и продолжающейся опасности и ради усердной мольбы византийского императора скорее, чем это последовало на самом деле. Но Первый крестовый поход имел бы несомненно совершенно другое направление и совершенно другой исход, если бы Боэмунды и Готфриды явились как спасители греческой столицы, если бы обдуманному и смелому честолюбию одного и упрямой благочестивой гордости другого не было противопоставлено ни самостоятельной византийской политики, ни самостоятельной греческой армии, если бы в

распоряжении Алексея Комнина не было, как это было в 1096 году, тех печенежских наездников, которыми он так искусно пользовался, когда нужно было побудить крестоносных союзников к скорейшему удалению от стен Константинополя, к скорейшей переправе на азиатский берег Босфора, когда нужно было предупредить отклонение крестоносной рати от прямой, ей указанной дороги и от святой и высокой цели — освобождения Гроба Господня, а не Константинополя, как это предполагалось прежде и как это засело в умах крестоносных ратников.

Велико было разочарование и сильно было неудовольствие западного рыцарства и особенно его предводителей, когда они увидели, что печенеги и турки, от которых они должны были спасти Восточную империю, находятся теперь в рядах византийской армии и что император Алексей самым постыдным и вероломным образом пользуется службой неверных язычников, высылая их против христиан, воинов креста и Гроба Христова. Но если бы грозная сила Печенежской орды не была уничтожена половецкими полками и остатки ее не были превращены в покорное орудие византийской политики, то Константинополь в конце XI столетия был бы либо турецким городом, либо столицей Латинской империи на Востоке.

Турецкий эмир Чаха, который мечтал о покорении Константинополя и уже носил титул и облачение восточных императоров, не успел привести флот на помощь своим союзникам, печенегам, весной 1091 года и тем самым осудил себя самого на гибель. В борьбе с греческими морскими силами он потерял сначала часть своих завоеваний, а потом и самую жизнь. Византийская интрига успела вооружить против него султана Никеи, на дочери которого он был женат, и опасный своей предприимчивостью враг погиб от руки своего тестя.

С таким же успехом, как враги внешние, была подавлена и внутренняя смута; заговорщики и претенденты, которые хотели воспользоваться затруднительным положением отечества и своего государя, были открыты и наказаны. По странному стечению обстоятельств, самым опасным из этих врагов оказался тот, которого Алексей считал всего менее заслуживающим серьезного внимания. Этот враг явился в половецких вежах, где, по-видимому, осталось горькое чувство неудовольствия и досады на Византию, сделавшую половцев участниками и виновниками истребления единоплеменной им Печенежской орды. В 1095 году, перед самым крестовым походом, половцы еще раз появились в пределах империи; их нашествие едва не уничтожило всех плодов той победы, которая четыре года назад была одержана при их помощи. На этом последнем эпизоде мы остановимся.

В 1090 году какой-то бродяга, человек низкого происхождения, вышедший из военного лагеря, прибывший в столицу в виде нищего, одетого в лохмотья, стал выдавать себя за одного из сыновей бывшего императора Романа Диогена, Константина, хотя сын несчастного Романа IV, носивший это имя, еще двадцать лет тому назад был убит под Антиохией в сражении с турками^[71]. Самозванец стал распространять сказку о своем происхождении и о своем спасении — вероятно, из турецкого плена — сначала тайно в частных домах, а потом и публично на улицах. Нашлось немало людей, которые ему верили; несмотря на несчастный исход смелого похода в глубину Азии, имя героического Романа было популярно в народе. Самозванец 1090 года — первый, но не последний из тех искателей приключений, которые составили себе замечательную историческую карьеру, опираясь на это дорогое народу имя^[72]. Император Алексей, очень подозрительно смотревший за поведением настоящих

сыновей Романа, занятый другими заботами, сначала не обращал никакого внимания на бродягу, который принял чужое имя, чтобы спасти себя от голода. Но его рассказы дошли до монастыря, где спасалась, постригшись в монашество, жена настоящего Константина, сестра самого Алексея по имени Феодора. Она не только не думала признавать в самозванце своего мужа, но встретила слухи о нем с негодованием и досадою, как безумную и оскорбительную сказку. Два или три раза, говорит дочь Алексея, мнимому сыну Диогена было сделано внушение, чтоб он отказался от своих неуместных речей.

Упорство самозванца, который уже был окружен толпою лежковерных приверженцев, раздражило Алексея и заставило подозревать существование заговора. Очень вероятно, что в разных глухих и темных углах толковали о правах Диогенова сына на византийский престол. Чтобы прекратить все толки, задушить заговор в зародыше, Алексей велел захватить самозванца вместе с его ближайшими друзьями и подверг их унижительному, но не кровавому наказанию: всем им обрили голову и бороду и выставили их в таком виде на позорище площадной толпе, а самого лже-Диогеновича привязали сверх того к висельному столбу, чтобы навести на него больше страха^[73].

Это, вероятно, и было одно из тех внушений, о которых говорит Анна Комнина. Потому ли, что оно не подействовало, или для большего спокойствия самозванец был потом сослан в Херсон, где его велено было держать в городской башне, служившей тюрьмою. Но в своем заключении лже-Диогенович нашел возможность войти в сношение с половцами, которые часто приезжали в город для торговли и для покупки необходимых вещей. При их помощи он сумел выбраться из своей башни и около 1092 года ушел с ними в их степи. Здесь мнимый сын Диогена стал уже прямо

величать себя царем или императором; в этом сани признали его прежде всех половецкие кочевники, относившиеся не без уважения к империи, которую они недавно спасли от гибели. Слух о «Девгеновиче» дошел и до Русской земли, где, по-видимому, не сомневались в истинности его высокого происхождения^[74].

Князья половецкие, и во главе их тесть Киевского князя Святополка II — Тугоркан, не были настолько дикими варварами, чтобы не понять выгод, какие могло им доставить присутствие в их кочевьях претендента на греческий престол. Они решились еще раз послужить Византии, взяв на себя обязанность восстановления сына Диогенова на престоле его отца, и стали готовить поголовный поход в пределы империи. Анна Комнина говорит, что варварами руководило только желание напиться человеческой крови и насытиться человеческим мясом. Так отзываясь она о спасителях Византийской империи, — но людоедами они, во всяком случае, не были, хотя мысль о добыче, несомненно, занимала важное место в их планах. Можно думать, что прежде всего они хотели отомстить императору Алексею за то, что он недостаточно оценил их услуги в 1091 году. Так или иначе, половцы довольно благоразумно скрывали до времени свое намерение двинуться за Дунай, желая застать императора Алексея врасплох. Как узнал Алексей о планах, созревших снова в половецких вежах, не известно; но они от него не скрылись, и он заранее принял меры против половецкого нашествия. Замечательно, что, несмотря на истребление Печенежской орды, византийский император вовсе не думал или не находил возможным принимать какие-либо меры на Дунае; границей империи все-таки считались Балканы, приготовления к встрече полчищ Тугоркана ограничились укреплением узких горных проходов и расположением в них военных отрядов.

Наконец пришло ожидаемое известие, что половцы перешли Дунай вместе с самозванцем. Алексей собрал совет из высших военных чинов и своих родственников и предложил ему вопрос: что следует делать, идти ли с войском навстречу варварам или же защищаться, как это было принято во время печенежского нашествия, в крепостях и за стенами? Синклит высказался в пользу более осторожного и более безопасного образа действий; император питал предпочтение к более мужественным решениям. Но еще не было забыто, чем кончилось смелое движение к Дерстру, предпринятое Алексеем вопреки советам людей старых и опытных. Чтобы не подвергнуть себя упрекам и снять с себя ответственность, император, не возражая против общего голоса, обратился к высшей воле и объявил, что он отдает решение вопроса на волю Божию. Кроме гаданий по книгам Священного Писания, в Византии существовал особенный торжественный способ вызывать или узнавать решение Верховной силы и мудрости, способ, известный нам близко по его приложению в Новгороде к избранию новгородских владык^[75]. Император, сопровождаемый военными чинами и многочисленным духовенством, отправился вечером в храм Св. Софии. В присутствии патриарха он написал два жребия на двух табличках, или хартиях, то есть на одной было написано — следует идти в поход против половцев, на другой — не следует. По приказанию императора патриарх положил оба жребия на престоле великой церкви, где они и оставались во время всенощного бдения. По окончании богослужения, уже утром, патриарх снова вошел в алтарь и вынес одну из хартий, которая была им при всех распечатана и громогласно прочитана. Вышел жребий — идти в поход навстречу половцам.

Собрав войско, император расположился лагерем в городе Анхиале. Никифор Мелиссини и Георгий

Палеолог были отправлены в Верою с наказом бдительно охранять этот город и соседние пункты; другие отряды высланы были к горным Балканским проходам. Сам император прибыл из Анхиала и осмотрел весь ряд укреплений, или «запоров», вдоль Балканского хребта. Едва успел он воротиться в свой лагерь, расположенный около «Священного озера» близ Анхиала, как ночью явился сюда какой-то знатный влах и принес известие о приближении половцев к Балканам. Утром был созван военный совет, состоявший из главных военных начальников и родственников императора. Совет единогласно решил, что император со своим войском должен оставаться в Анхиале. Алексей согласился оставаться на своем наблюдательном посту возле морского берега и, считая нужным занять также город Фермы (Бургас) на юг от Анхиала, отправил туда Татикия и Кантакузина. Узнав потом какими-то путями, что варвары имеют в виду нападение на Адрианополь, император вызвал к себе знатных жителей этого города — слепой Никифор Вриенний, Катакалон и Тарханиот занимали среди них самое видное место, — чтобы дать им надлежащие внушения и нужные наставления. Он убеждал жителей Адрианополя не терять мужества при виде врагов, но и не увлекаться излишним пылом, крепко запереть городские ворота, держаться бдительно на стенах и не щадить стрел, когда неприятель вздумает к ним приблизиться. Мысль о возможности удержать кочевников в горных проходах была покинута; отряды, расположенные при клисурах, получили приказание идти по пятам варваров, как скоро сделается известным, что они прошли Балканы, и тревожить их неожиданными нападениями с тылу.

При помощи влахов, которые указали им горные тропинки, половцы легко перебрались через Балканы и явились под Голоей; жители города встретили их как друзей, перевязали гарнизон крепости и выдали его.

Примеру Голой последовали Диамполь и другие соседние города, отворившие ворота половцам и провозгласившие императором лже-Константина Диогеновича. Самозванец, обольщенный такими успехами, хотел решить дело смелым ударом и повел своих половцев прямо на Анхиал, где находился его соперник, император Алексей. Предприятие слишком дерзкое, чтоб увенчаться успехом. Анхиал представлял собою почти неприступную крепость, защищенную с одной стороны морем, с другой — виноградниками, разведенными на неровной холмистой местности, что отнимало у половецкой конницы всякую возможность действовать. Три дня простояли варвары под стенами города; увидев, что они здесь ничего не могут сделать, они обратились на Адрианополь.

Самозванец обещал своим спутникам легкий успех и уверял всех, кто его слушал, что стоит ему только явиться под стенами Адрианополя, и город будет в его руках. Он ссылался на тесную дружбу, которая соединяла его отца, бывшего императора Диогена, с Никифором Вриеннием, главным лицом в городе. Он называл Вриенния своим дядей на том основании, что Вриенний и Диоген, как всем было известно, заключили некогда формальный союз братства пред церковным алтарем, а названные братья считались такими же близкими родственниками, как и братья по крови. Но Никифор Вриенний не отворил ворот Адрианополя своему племяннику и не принял самозванца с распростертыми объятиями, как тот обещал половцам. Напротив, вызванный мнимым сыном Диогена для объяснений на городские стены, слепой Вриенний объявил, что сын его названного брата, как ему хорошо известно, давно убит в Антиохии и что только обманщик и самозванец может говорить другое.

Семь недель простояли половцы под Адрианополем, думая голодом принудить жителей к сдаче. Осажденные

действительно начинали терпеть большую тесноту и дали знать об этом императору, прося о помощи. Попытка Катакалона, отправленного Алексеем, тайком пробраться в город кончилась неудачно. Половецкая конница, разъезжавшая по всем окрестностям, открыла приближавшийся отряд и принудила его воротиться назад. Большая вылазка, устроенная Вриеннием, также не привела к освобождению города от осады, несмотря на храбрость местной молодежи. Один из ее представителей поскакал на самого хана Тугоркана и уже занес над ним смертельный удар, но едва сам не погиб от руки половцев, окружавших хана. Едва избегнув смерти, он встретился потом с самим самозванцем, который уже нарядился в царскую одежду и в красную обувь, но в пылу битвы был покинут своей свитой. Молодой аристократ поднял над головой самозванца свой бич и, обругав его лжецом и обманщиком, нанес ему позорный удар.

Вылазка стоила больших потерь той и другой стороне, но не улучшила положение дел в Адрианополе. Император Алексей, опасаясь за судьбу одного из первых по значению городов в империи, готовился двинуться на помощь осажденным из Анхиала. Но прежде чем приступить к решительным действиям, он успел освободить себя от опасного врага, присутствие которого в лагере половецком превращало обыкновенный разбойничий набег в предприятие, направленное против династии. С согласия Алексея, но по собственному вызову в стан самозванца под Адрианополем отправился один ловкий византиец; он сумел вкратце в доверие к лже-Константину, явившись с позорно обритыми бородой и волосами на голове, что некогда испытал сам мнимый сын Диогена. Новый Зопир^[76], как называет проходимца царица Анна, для довершения сходства с древним даже изувечил свое лицо, чтобы придать вероятие сказке о жестоком

обращении со своими подданными императора Алексея. После этого ему не стоило большого труда заманить лже-Диогеновича в одну крепость, комендант которой заранее получил от императора приказ исполнять все требования Алакасея — так назывался византийский Зопир. Принятый комендантом с почестями, подобающими его сану, самозванец заснул после обильного угощения и проснулся уже в кандалах, а его пьяные спутники без церемоний были перерезаны. Драгоценная добыча не могла быть отправлена в Анхиал — прямо к императору: половецкие шайки мешали этому, и самозванца повезли в столицу. В крепости Чуруле он был принят высланными навстречу важными чинами империи, которые и распорядились его ослепить, вероятно, на основании полномочия, данного императрицей-матерью, оставшейся в Константинополе.

Неудача под Адрианополем и плен самозванца имели то следствие, что действия половецких ханов лишились всякой определенной цели. Оставался только грабеж. В этих видах отдельные шайки кочевников рассыпались по всем направлениям, спеша награть сколько можно более и воротиться назад в свои степи. Задача Алексея состояла теперь в том, чтобы не выпускать хищников, обремененных добычей, из пределов империи и истреблять порознь их отряды.

Часть задачи была исполнена движением самого императора к Малой Никее, в недалеком расстоянии на юго-восток от Адрианополя. Опустошив беззащитную страну, отряды половецкие соединились вблизи этого города в одном лагере в количестве 12000 человек. Под личным начальством Алексея лагерь был взят, 7000 половцев были убиты, 3000 взяты в плен; награвленная ими добыча была отобрана и возвращена местным жителям. Император вошел с торжеством в Адрианополь. Здесь явилось к нему половецкое посольство, изъявляя готовность жить в мире с

империей и служить императору. Хитрые варвары желали только протянуть время, чтобы дать возможность хищным шайкам убраться за Балканы с награбленным добром; на третьи сутки ночью депутаты скрылись из греческого лагеря. Алексей вскоре узнал, что вся масса половецких шаек, соединившись вместе, направилась на север. После того оставалось только преследовать врагов. Византийская армия шла по пятам кочевников, но не особенно крепко на них налегая. Только при Железном запоре произошла довольно горячая схватка; половцы потеряли много убитых и часть награбленной добычи.

С удалением Половецкой орды за Балканы император Алексей считал свою задачу поконченной. Не думая преследовать далее хищных кочевников, он воротился в Константинополь и скоро услышал о приближении к пределам своего государства первых крестоносных отрядов.

Петр Голубовский Печенеги, торки и половцы до нашествия татар

Главы из книги

Племенное родство и происхождение кочевников

В массе народов, двигавшихся в Средние века из Азии в Европу, последними явились интересующие нас печенеги, торки и половцы... Заняв пространство от Урала до Дуная, они приходят в столкновения со многими государствами и то своими набегами, то как посредники в торговле с восточными странами, то как военная сила, всегда готовая к услугам того, кто больше даст, заставляют обратить на себя внимание; их имена являются в летописях русских, поляков, венгров, греков, арабов; их известность распространяется и в Западной Европе. И вот писатели разных национальностей выдвигают нам целую массу имен. Приглядываясь к ним, замечаешь, что это по большей части искажения одного и того же имени, явившиеся или в силу неправильной устной передачи, или происшедшие по законам языка того или другого писателя. Иногда бытописатели (особенно византийские) окрещивают наших кочевников классическим именем скифов или громким прозвищем гуннов, не желая осквернять свой язык новым варварским названием. Иногда же мы находим у одного

и того же писателя несколько различных имен для одного племени, притом таких, которые не указывают на искажения, а являются действительно существовавшими рядом одно с другим и происходят в силу разных обстоятельств.

Мы не имеем никакой возможности входить в рассмотрение, откуда ведет свое начало слово «печенеги», но нам кажется довольно вероятным, что другие народы узнали это имя от русских славян. «Печенеги» и «πατζινακίται» греческих писателей стоят весьма близко по созвучию. Если мы примем во внимание известие нашей летописи под 944 годом, что корсуняне послали весть в Константинополь о движении Игоря против греков, что болгары сделали то же, «говоря: «Идут русские и наняли себе печенегов»; если вспомним подробные сведения о печенегах Константина Багрянородного, ясно указывающие, что многое он почерпнул из рассказов людей, бывавших на Руси или в Крыму, то наше предположение получает некоторое основание. Впрочем, возможно, что и русские славяне узнали имя печенегов от венгров, которые передали его и византийцам, если верно объяснение г. Европеуса, что название «печенег» — угорское...^[77] В таком случае знакомство русских славян с этим именем существовало еще до непосредственного столкновения их с печенегами. Ближе к русскому названию стоит находимое у Титмара Мерзебургского^[78] «pezineigi» и у Бруно еще правильное «pezenegi». Первый мог взять у второго с незначительным изменением, а Бруно был в России и слышал это имя от русских, когда шел на проповедь к печенегам. Вполне искаженное название — «pedenei» и «petinei», встречающееся у того же Титмара, нам кажется, произошло вследствие устной передачи этого имени немецкими воинами, участвовавшими в походе Болеслава^[79] на Русь. Не считаю нужным распространяться о том, что все названия,

употребляемые польскими писателями для обозначения имени «печенеги», произошли путем искажения слышанного от русских. «Piecinigi», «pieczyngi», «pincenakiti» и т.д. — варианты польских хроник. Последний из них, находимый в хронике Галла^[80], может быть объяснен знакомством автора с византийскими писателями.

Обращаясь к венгерским источникам, мы находим в них наших печенегов под именами «bessi», «bysseni», «piscenati». Венгерское имя этого народа есть «besenyu», которое в грамотах передается как «besseneu», «bessynew». Иногда же в этих документах мы находим имя «wyszeni». Венгерский ученый Эрней видит печенегов и под именами «wosciani», «wosseravii» и «ebes». Последнее действительно встречается в одной грамоте конца XII века. Мы не знаем, каким образом произошли все эти варианты, но нужно помнить, что венгры были в непосредственных сношениях с печенегами. Возможно, что все эти разночтения представляют латинизированное «besenyu».

Арабы также не оставили без внимания наших кочевников, и печенеги являются в их сочинениях под именем «баджнук». Укажем для примера на известия двух арабских писателей Аль-Бекри^[81] и Аль-Балхи^[82]. Говоря о стране Баджнук, Аль-Бекри рассказывает, что к северу от нее лежит земля Kifdjak (Кипчак), на юг Хазария, на восток Гузия, на запад славяне. А Аль-Балхи сообщает, что «часть турка выселилась из страны своей и заняла пространство между Хазаром и Румом (Византией) — их зовут Баджнук; в древние времена они не занимали настоящих своих жилищ, а лишь впоследствии они разделили и завоевали эти владения». Если мы постараемся определить по другим источникам, какой народ обитал в указанных арабами местностях, то убедимся, что это были печенеги. Аль-Бекри писал в XI столетии, а Аль-Балхи в первой половине X века, но как

тот, так и другой говорят, очевидно, о времени, им предшествующем, то есть о начале X века или о конце IX столетия. В этот период все пространство между Хазарией и Византией занимали печенеги, о чем единогласно говорят как византийские источники, так и русские летописи. Кроме того Константин Багрянородный сообщает нам, «что печенеги сначала жили возле рек Волги и Яика... Пятьдесят лет назад так называемые узы, согласившись с хазарами и напавши на печенегов, одолели их и выгнали из собственной страны». Если наш писатель и не говорит специально о границах Печенегии, то все-таки из его известия видно, что соседями этой страны были узы и хазары, так что Аль-Бекри, Аль-Балхи и император-историк взаимно поддерживают друг друга и говорят, очевидно, об одном и том же народе.

Всматриваясь во все указанные варианты, не особенно трудно заметить, что они являются лишь искажением какого-то одного имени, которое, как кажется, дано было печенегам иностранцами.

Явившиеся в Европу половцы также награждаются средневековыми писателями массой различных имен. «Половци», «plauci», «balwen» или «walwen», «κόμανοι», «сипани», «сипи», «кипчаки» — вот под какими названиями известно было новое кочевое племя. Небольшое сличение известий различных источников покажет нам, что здесь во всех случаях разумеется один народ.

В 1201 году между болгарами и Византией был заключен мир, закончивший долгую борьбу этих двух народов, в которой на стороне первых, по византийским источникам, стояли скифы или комане. В этом году, по рассказу Никиты Хониата, влахи и комане разоряли Фракию, но князь Галиции Роман напал с большим войском на землю коман, разграбил и опустошил ее без труда. Этот писатель знает также, что в этом году Роман

и Рюрик дрались между собой, причем на стороне второго были кумане. Наша летопись вполне подтверждает это известие, ставя на место византийских коман своих половцев. Под тем же именем половцы являются и у западных писателей, которые называют их «сумани». Так Рубрук^[83], описывая южнорусские степи, говорит, что на них обыкновенно жили кумане прежде, чем пришли татары, а далее повторяет: «...на ней (этой равнине) обыкновенно кочевали кумане, которые называются капшат (kapschat = кипчак)». Нам кажется, не может быть сомнения в тождестве куман и κόμανοί, а потому мы можем подтвердить слова Рубрука, что они и кипчаки одно и то же, двумя известиями — одним арабским и другим византийским. Ибн-Яхья [Белазури]^[84] повествует о том, что кипчаки были на египетском престоле; эта кипчакская династия старалась окружить себя своими соотечественниками, и все важные государственные должности перешли в их руки.

Этот факт вполне подтверждают и Пахимер^[85] с Никифором Грегорой^[86], рассказывая, что между Михаилом Палеологом^[87] и султаном Египта, происходившим из куман, проданных некогда в рабство, был заключен торговый договор, по которому египетские корабли могли свободно плавать к северным берегам Черного моря для покупки его соотечественников. Тождество же наших половцев и кипчаков видно из известия Ибн аль-Атира^[88]. По его словам, татары проникли чрез Дербент в их страну, отвлекли их от союза с аланами и разбили поодиночке тех и других; тогда кипчаки искали спасения у русских. То же самое повествует и Абульгази^[89]. Вполне согласно с этими писателями говорит и наша летопись, но на место кипчаков ставит половцев. Как Ибн аль-Атир и Абульгази рассказывают потом о поражении русских и

кипчаков, так наши летописи говорят о победе татар над русскими и половцами. Кажется, нет основания после приведенных фактов сомневаться в тождестве половцев, куманов и кипчаков. Мы не можем объяснить происхождения имени «кумане». Может быть, и западные, и византийские писатели узнали его от половцев, если мы только предположим, что последние сами величали себя куманами...

Таким образом, источники дали нам возможность разобраться в целом ряде имен. Может быть, нам удастся теперь решить до сих пор спорный вопрос: следует ли отождествлять половцев с узами, или последние составляли отдельное племя, известное в наших летописях под именем торков? До сих пор исследователи не пришли ни к какому заключению, а между тем при таком или ином решении изменяется взгляд и на наши черноклобуцкие поселения, существовавшие по реке Роси и в других местах. Поэтому мы считаем необходимым рассмотреть этот вопрос подробнее, тем более что с ним неразрывно связан другой — о прародине наших кочевников.

Источниками для его решения являются известия мусульман, византийские хроники, русская летопись и некоторые данные, сообщаемые западноевропейцами. Разберем же сначала известия византийцев.

Самый важный писатель для географии и этнографии IX и X веков бесспорно есть Константин Багрянородный — по богатству сообщаемых им данных... Он знает узов в Европе, между Волгой и Яиком, на местах где, по его словам жили прежде вытесненные ими печенеги. Отчего же для императора осталось неизвестным другое из имен этого народа — комане или кипчаки? Автор, так подробно говорящий о печенегах, о союзе узов с хазарами, не мог не иметь сведений о названиях этого племени, если бы их было несколько. Но может быть, эти же самые узы с течением времени

изменили свое имя, стали называться куманами, кипчаками? Ответ на это мы находим при сравнении между собою известий других византийских писателей. Первый раз кумане появляются участвующими в делах Балканского полуострова в 1078 году. В это время они вместе с печенегами осаждают Адрианополь. Никаких упоминаний раньше этого года мы о них не находим. Между тем племя, нас теперь интересующее, переходит Дунай еще в 1064 году и все-таки под своим собственным именем узов. Об этом нам сообщают два автора — Атталиота и Скилица, оба писавшие в XI веке... Атталиота был участником в деятельности императора Романа и потому заслуживает полного нашего доверия. В своей истории он постоянно отличает куман от узов. О переправе последних чрез Дунай мы находим у него подробный рассказ, как они переправлялись, как разбили болгар и греков и разграбили весь Иллирик до Фессалоники и даже до Эллады. Но зима доконала их. Часть их приняла византийское подданство. «Те, которые пришли, — говорит Атталиота, — к римскому императору, взявши государственную землю в Македонии, стали на сторону римлян и по сию пору пребывают союзниками их... и были удостоены сенаторских и сиятельных достоинств». Это место особенно важно для нашего вопроса. Выражение «по сию пору» показывает, что писавший сам знает эти поселения узов, что они существовали в его время. Кроме того, Атталиота мог лично знать некоторых узов, облеченных сенаторским званием, служивших в византийской армии. Участник походов Романа, он должен был близко быть знакомым с представителями этого племени. Следовательно, наш писатель имел полную возможность различить узов от других тюркских племен, печенегов, половцев.

Скилица одинаково не лишен был возможности наблюдать и печенегов, и узов, и поэтому хотя он и

несамостоятелен в смысле фактическом, то все-таки различие, делаемое им между узами и куманами, заслуживает внимания. Оба приводимые писателя, при появлении половцев в 1078 году прямо говорят, что это кумане. Отчего же они не называли новых врагов и узами? Переходя затем к сведениям, которые приводит Анна Комнина, мы видим у нее полное подтверждение нашего мнения. Она рассказывает о событиях царствования своего отца, когда кумане — половцы принимают деятельное участие в судьбах Византии. Говоря о борьбе императора Алексея с куманами и печенегами, она указывает, что в войсках ее отца были узы, отличая, таким образом, последних от первых; рассказывая о борьбе печенегов с куманами, о том, что последние заняли болото Озолимну, Анна дает нам знать, что это имя произошло от народа узов, некогда здесь останавливавшегося лагерем. Нам не важен филологический домысел писательницы, а факт признания ею узов за отдельный народ. Ценность известий Анны увеличивается еще потому, что она, несомненно воспользовалась рассказами своего отца, что видно из мелких подробностей в описаниях битв, действий императора. А никто уже не может отрицать, что Алексей сознательно отличал узов от команов: первые были в его войске, а со вторыми он вел борьбу и принимал их посольства.

Приведем здесь два западноевропейские известия из времени крестовых походов, которые подкрепляют сказанное выше. Именно, по Раймунду де Ажилю^[90], крестоносцы застали в Диррахии в 1096 году служивших в войске Алексея: гузов, фанак (печенегов) и команов; по другому автору^[91], там находились в 1110 году туркопулы, команиты и пиценарии. Очевидно, писано это по рассказам очевидцев, а посему заслуживает быть принятым в число доказательств.

Сличим теперь показания приведенных писателей с известиями нашей летописи.

Мы приводили уже раньше сообщение Константина Багрянородного, что узы в IX веке жили еще за Яиком, в Азии, затем, потеснив печенегов, заняли область между Яиком и Волгой. Писатель X века Аль-Масуди находит их уже на правой стороне Дона, который отделяет от них Хазарию. Географические сведения русских о Поволжье и Подонье в X веке были довольно значительны, благодаря походам на восток Святослава и его предшественников. В раздаче уделов Владимиром Святым упоминается уже Тмутаракань, на восточном берегу Керченского пролива. Какой же народ знает наша летопись в степях около Дона в X веке? Печенегов и торков. Услугами последних воспользовался в 985 году Владимир Святой, когда шел на волжских болгар^[92]. Что племя торков действительно жило у Дона, доказывается тем обстоятельством, что его остатки в первой четверти XII столетия ведут на берегах этой реки отчаянную борьбу с половцами. Затем Константин Багрянородный в одном месте делает весьма важное сообщение. «Должно знать, — находим у него, — что в то время, когда печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них по своей воле и по взаимному соглашению остались там и стали жить вместе с так называемыми узами и до сих пор находятся между ними»... Это известие указывает на дружественное совместное сожитие, а никак не на кочевание только в одних и тех же местностях. Эта небольшая горсть оставшихся печенегов могла быть отличена от узов только благодаря сохранению своей национальной одежды, как поучает сына наш император-писатель. Перечитайте теперь все наши летописи и убедитесь, что печенегов среди половцев не было. Последние в нашей летописи везде являются одни. Но вместо того мы находим в наших источниках другие важные факты.

Первое нападение печенегов на Русь, по нашей летописи, было в 915 году, а последняя отчаянная битва с ними у Золотых ворот произошла в 1034 году. Они были разбиты наголову. Печенеги не погибли окончательно, и после этого поражения на Руси мы видим их сильный напор на Византию в 1035 году. Русская земля избавилась от печенежского народа. С этого времени с ними начинает иметь дело только Балканский полуостров. В продолжение 82 лет (1034-1116 годы) нет о них упоминаний в русской летописи. Но вот после такого длинного периода они неожиданно являются снова, на Дону в 1116 году. Неужели они снова перекочевали назад из придунайской области? Это для них было невозможно, ибо сзади их стояли другие кочевники. Очевидно, это были те самые печенеги, которые, по словам Константина Багрянородного, остались среди узов. Таким образом, тождество наших торков и узов вполне обнаруживается. И в дальнейших событиях печенеги являются неразрывно с торками. Печенеги и торки вместе, как мы увидим, поселились и по реке Роси. Если этот небольшой остаток печенегов сроднился с торками, то это нисколько не мешало последним вести борьбу с целым народом печенежским, занявшим после 1034 года юго-западную часть степей. Византийцы нам сообщают о постоянных стычках печенегов с узами. Но последние — не половцы, появление которых в южнорусских степях произошло в первый раз лишь в 1055 году, а первое нападение на Русь в 1061-м. Занятие половцами юго-западных окраин степей, как видно из византийских источников, относится к последней четверти этого столетия. Между тем эта борьба печенегов с узами происходила еще раньше 1050 года. В это время степи около Днепра заняли торки, двигавшиеся, конечно, под напором половцев. Так, в 1055 году Всеволод должен был ходить на них для защиты Переяславского княжества; в 1060

году князя предприняли на них поход соединенными силами на конях и лодьях — очевидно, по Днепру. Известие Ипатьевской летописи о последнем походе для нас весьма интересно. Вот что повествует она: «Того же лета (1060) Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав, совокупивше воя бещисленны, и поидоша на коних и в лодьях, бещисленное множество, наторкы. И се слышавше торци, убоявшеся, пробегоша и до сего дни, и помроша бегающе гоними, овии от зимы, друзии же голодом, инии же мором и судом Божиим, и тако Бог избави крестьяны от поганных». Как наш летописец описывает гибель торков, так византиец Атталиота, говорит о поражении узов. По его словам, они потерпели сильно от зимы, были изнурены болезнями и голодом. Далее этот писатель сообщает нам важный факт, что узы, ушедшие обратно за Дунай, были рассеяны князем мирмидонов около его городов. Кто бы ни были эти узы, но за Дунаем они, несомненно, являлись в южнорусских степях. Никаких других городов, кроме русских, они найти не могли; никакой князь, кроме русского, их разогнать у своих городов не мог. И вот под 1080 годом мы находим в нашей летописи следующее: «Заратишася *Торци* Переяславстии на Русь, Всеволод же посла на не сына своего Володимера, Володимер же шед побив Тороки». Откуда же опять взялись эти кочевники, когда, по словам того же летописца, они погибли в 1061 году? Ясно, что они откуда-то вернулись. Мы можем найти ответ только в приведенном выше рассказе Атталиоты^[93], но при этом придется признать тождество узов с торками. Полная картина этих событий действительно и получается лишь при соединении известий нашей летописи и истории Атталиоты. Сношения Византии с Русью позволили последнему упомянуть о событии 1080 года как заключительном в период самостоятельного существования племени узовторков.

Все приведенные нами факты с самого начала главы приводят к следующим выводам: 1) что кумане — кипчаки — половцы есть один и тот же народ; 2) что узы представляют из себя торков наших летописей и 3) европейские писатели знают в Европе три отдельных племени: печенегов, торков-узов и половцев. Эти выводы весьма для нас важны, ибо на них нам придется опереться.

Переходим теперь к известиям мусульманских писателей. До нас дошла география писателя XIV века Абульфеды. Он жил и писал в такое время, когда ни узов, ни куманов уже не существовало. Его географический трактат окончен в 1321 году. Сведения он черпал из богатой библиотеки, бывшей у него в Гамате. Абульфедда делает грубую хронологическую и географическую ошибку, описывая уже не существующее как действительный, современный ему факт^[94], но это приносит громадную пользу нам. Очевидно, что различие, полагаемое Абульфедой для тюркских народов, признавалось и теми авторами, из которых он черпал. В этом географическом трактате кумане-кипчаки постоянно отличаются от узов. Абульфедда отдельно описывает границы этих народов. Так, кипчаков он помещает к северу от страны башкир, а относительно гузов говорит, что они «находятся между хазарами, страной карлоков и булгарами» (правильнее башкирами). Могущество кипчаков, по его словам, было уничтожено татарами. Мы знаем, что нашествие последних сломило силу половцев. Ничего подобного не говорит он об узах. В географии Эдризид^[95] половцы постоянно называются куманами, а не узами, тогда как это название означает у него обитателей собственно Туркестана. Аль-Бекри также отличает страну Кипчак от Гузии. Из известий Ибн аль-Атира видно, что и для него гузы и кипчаки-половцы были двумя отдельными народами. Так, он говорит о службе половцев-кипчаков у

грузинских царей и о тесной связи владельцев Азербайджана с гузами. Все приведенные писатели говорят нам о гузах в Азии. Припомним при этом известие Константина Багрянородного, что узы в IX веке жили за Уралом. Подробные сведения об этом племени мы находим у путешественника X века Ибн-Гаукаля^[96], лично посетившего местности о которых он говорит. Он рассказывает, что гузы живут на песчаных равнинах к северу от Каспийского моря и Аральского озера...

Итак, прежде чем явиться в Европу, наши печенеги, торки и половцы кочевали в степях Средней Азии. Они родственники между собою. Так смотрит на них наша летопись... На чем же основывалось это мнение русских людей того времени? Очевидно, на сходстве наружности, обычаев и языка. Наши предки не могли не знать языка печенегов, торков и половцев благодаря тесным всесторонним сношениям с ними. Еще в 968 году, при осаде Киева печенегами, выискался один княжеский отрок, умевший говорить по-печенежски. Не забудем также, что у нас были потом целые колонии из этих племен. В таком же положении были и византийцы. На Балканском полуострове начиная со второй половины XI века мы также находим поселения печенегов и узвоторков. Мы находим в Византии людей знающих и печенежский язык, как, например, послы, отправленные в 1123 году к печенегам императором Иоанном Комнином. Из рассказов Анны Комнины видно, что печенеги свободно объяснялись с половцами, что доказывает родственность их языка.

Одного происхождения их всех считают и мусульманские писатели. Мы указывали уже на известие Аль-Балхи и Аль-Масуди. Оба они считают печенегов тюрками. Точно такого же мнения Ибн аль-Варди^[97], Эдризид и Абульфед. О тюркизме гузов нам сообщают, как мы выше указывали, Аль-Масуди, Ибн-Гаукаль и Абульфед. Куманов-кипчаков считают тюрками как

Абульфеда, так и Ибн аль-Атир, Ибн-Яхья, затем монгольские историки — Рашид-Эддин [\[98\]](#) и Абульгази...

Повторим теперь наши выводы:

1) Печенеги, торки, половцы, турки-сельджуки, турки-османы представляют одну семью тюрков.

2) Все они ветви одного племени, кочевавшего некогда в областях Центральной Азии.

3) Гузы суть торки наших летописей.

4) Гипотеза: племя, из которого выделились все эти колена, могло быть гузы, кочевавшие в IX и X веках в арало-каспийских степях.

Русь и кочевники

Мы не знаем, когда выдвинулись печенеги из Азии в Европу. Вполне известно только, что в IX веке они занимали уже область между Волгой и Яиком. К югу от них простиралась Хазария, к востоку жили узы, за рекой Уралом, а к западу, вероятно между Волгой и Доном, кочевали венгры. Во второй половине этого же столетия на восточных окраинах степи начинается движение. Начало ему дал союз хазар с узами. Они соединенными силами стали теснить печенегов. Повод этой коалиции остается неизвестным. Можно только предполагать, что печенеги тревожили своими набегами области Хазарии, мешали свободному движению караванов, направлявшихся в Хорезм^[99]. Печенеги были вытеснены из своей области и при своем движении столкнулись на запад от Волги с кочевьями венгров. Последние были не в состоянии выдержать натиска врагов, гонимых соединенными силами хазар и узов, и подвинулись к Днепру^[100].

Удаление венгров из южнорусских степей совершилось не вдруг^[101]. После первого отступления с берегов Дона они остановились на некоторое время в

области рек Днепра, Буга и Ингула. Затем произошло вторичное движение под давлением печенегов, после чего венгры заняли местность в бассейне рек Днестра, Прута, Серета. Но и здесь в 892 году на их кочевья, в отсутствие главных сил, сделали набег их враги и заставили окончательно обратиться в Паннонию.

Во все продолжение IX века и до 968 года печенеги не тревожили Русской земли. Это, может быть, объяснимо как тем, что им нужно было время, чтобы окончательно разделаться с венграми, так и тем, что на Руси было спокойно, не начиналось еще той внутренней борьбы, которая уже при Владимире Святом и Ярополке дала возможность кочевникам вмешаться в дела русских и увидеть их слабость. В 915 году печенеги заключили с Игорем мир, а в 944 году они как наемное войско участвуют в походе русских на Грецию. В это время они заняли уже все пространство степей от Дуная до Дона. Племена или колена, на которые разбивался весь народ печенежский, заняли разные местности. Около Хазарии, Алании и на границах Херсона расположились колена Тзур, Кальпее, Талмат и Зоспон. На правой стороне Днепра кочевали другие четыре улуса, из которых на границах Болгарии помещалось племя Хопон; Гюла соседило с венграми, Харобое с Русью, а Эртем было погранично с уличами. Таким образом, граница Печенегии с востока шла правым берегом Дона; с севера она никогда прочно не устанавливалась и только приблизительно может быть проведена от устья реки Воронежа чрез Донец ниже теперешнего Славянска, затем проходила к Днепру по сухопутью, вероятно, по линии лесов, следовательно, к югу от Орели и Самары, затем перерезывала реки Ингул, Буг и Днестр, также сообразно с границей распространения лесов; с юга было Азовское море, Перекопский перешеек, берег Черного моря и Дунай до Силистрии. Однако же мы

имеем основание предположить, что устье как Дона, так Днепра, Днестра и Дуная не было занято печенегами.

Начиная с 60-х годов X столетия начинается упорная борьба Руси с печенегами. В 968 году они осадили самый Киев и едва не принудили его сдаться. В это время, как известно, Святослав был в Болгарии. Только появление северянского воеводы Претича с небольшой дружиной, которую печенеги приняли за передовой отряд войска Святослава, спасло город. Печенеги были разбиты явившимся из Болгарии Святославом.

Занятый делами на Дунае, он не заботился об охране Руси. Благодаря этому кочевники действуют смелее и смелее. Они заняли самую важную местность по течению Днепра — его берега около порогов, и сильно затрудняли сообщение Руси с Черным морем. Сам Святослав был окружен печенегами при обходе порогов^[102] и убит в 978 году.

Усилению кочевников начинает способствовать самый ход политических событий на Руси. С последних лет княжения Святослава являются зачатки удельного порядка... Стремление к автономному существованию самых мелких ветвей племени, не говоря уже о целых племенах, желание иметь своего князька было искони у всех славян, возьмем ли мы поморских, или дунайских, или чехов и моравов... Уже после смерти Святослава в 972 году начинается борьба между князьями, посаженными в Киеве, Новгороде и земле Древлянской. С течением времени борьба разрастается, и соседи-кочевники играют в ней немаловажную роль.

Первое участие печенегов в делах Руси относится к 980 году. Подушаемый киевскими боярами, Ярополк присоединил область древлян снова к Киеву. В этой борьбе погиб Олег. Тогда зашевелился Новгород против стремлений киевского князя, во главе со своим Владимиром. Ярополк не успел призвать печенегов, хотя слуга его Варяжко и советовал ему бежать к ним. После

смерти своего господина, изменнически убитого Владимиром Святým, Варяжко бежал к печенегам и с их помощью долго боролся против нового киевского князя. Силой не удалось справиться с этим энергичным человеком, и Владимир «одва приваби и, заходив к нему роте»^[103].

При Владимире Святým еще большее число областей получает князей; земли Новгородская, Ростовская, Полоцкая, Владимиро-Волынская, Древлянская, Муромская, Тмутараканская розданы сыновьям киевского князя. Делая уступку племенам, Киев думал, что члены одной княжеской семьи будут прочными связями областей с центром государства. Но чем далее, тем более эти областные князья сливают свои интересы с местными, и первый новгородский князь, Ярослав, обнаруживает неповиновение киевской центральной власти, отказавшись вносить установленную дань. Новый князь, понявший, что стремление областей к обособленности находит себе точку опоры в самой княжеской семье, решился принять меры для ее устранения. Это был Святополк, человек с точки зрения нравственной и христианской, пожалуй, «окаянный», но с государственно-централизационной — умный и энергический. Хорошо понимая, что братья добровольно не покинут своих областей, с которыми сжились, он решился отделаться от них другим способом: избить их. Борис, Глеб и Олег погибли жертвами целей Святополка, но Новгород с Ярославом не дал возможности киевскому князю осуществить своих планов. Киев в открывшейся борьбе с Новгородом опирается на печенегов. Вместе со Святополком они были разбиты у Любеча в 1016 году, затем, в 1018 году, мы видим их на службе в войске Болеслава Храброго, когда он явился на помощь своему зятю Святополку. Еще раньше, в 1017 году, они, по его побуждению, сделали нападение на Киев. Наконец, в

1019 году печенеги потерпели страшное поражение вместе со сторонниками Святополка на реке Альте.

Этим и заканчивается роль печенегов в политических событиях Руси. Но борьба с ними продолжалась непрерывно и в промежутках времени между усобицами.

Из их самостоятельных набегов в княжение Владимира Святого первый относится к 993 году. Они двигались со стороны реки Сулы. На реке Трубеже, около Переяславля, произошла их встреча с русскими. Печенеги были разбиты. Известна легенда о богатыре русском Яне Усмошвеце, явившаяся следствием этой победы и в различных переделках сохранившаяся у народа до настоящего столетия... В 996 году печенеги разбили киевского князя у Василева и едва не захватили его в плен: Владимиру удалось спрятаться под мостом. Окрестности Киева потерпели опустошение и в 997 году, когда печенеги осадили Белгород, который избежал разграбления, по словам предания, только благодаря находчивости старшин, убедивших печенегов в неистощимости своих колодцев киселя и меда, при которых они могут вечно сидеть в осаде. Почему печенеги отступили, мы не знаем, но они не взяли Белгорода, а Русь могла бы смеяться, что «печенежи киселя бегают».

Но дело не ограничилось этими двумя набегам. При Владимире Святом борьба с печенегами «бе, — по выражению летописи, — беспереступа»... В X веке начинается укрепление границ ее городами... Если мы бросим взгляд на карту, обратим внимание на направление течения рек Сулы и Трубежа, то увидим, что они действительно могли служить самыми удобными стратегическими линиями для защиты Руси в то время. Обе эти реки совершенно замыкают территорию Переяславского княжества: их верховья находятся в Черниговской области, а впадают они в Днепр. С

постройкой городов являлось два ряда укреплений. Предполагалось, как видно, что, прорвавшись чрез первую линию, кочевники должны будут остановиться у второй...

Все остальное пространство земель, принадлежавшее подчиненным киевскому князю племенам, оставлялось на произвол судьбы. Племя уличей и тиверцев, как самое крайнее, должно было подвергнуться наибольшей опасности. Может быть, холодное равнодушие киевских князей к судьбе их обуславливалось установившимися политическими отношениями этих племен к Киеву. Мы имеем полное право предполагать, как сказано выше, что уличи и тиверцы по культуре стояли выше других русских племен. Поэтому они с большим успехом сопротивлялись притязаниям Киева. Мы находим даже в летописи интересный факт, заставляющий признать их единственно самостоятельными племенами в то время, как другие платили дань кому-нибудь. Летопись несколько раз повторяет, что поляне, северяне, радимичи и вятичи были обложены данью в пользу хазар, но нет в ней ни одного упоминания, ни одного намека, что тому же подвергались уличи и тиверцы. Одно за другим без особенного сопротивления подчиняются племена Киеву, и только уличи и тиверцы оказывают противодействие... Мы встречаем только раз участие этих племен в походах русских князей, и то в качестве союзников, а не подчиненных, именно в походе Олега 907 года, но и то только одних тиверцев. Далее нет никаких упоминаний ни о последних, ни об уличах. Очевидно, они не участвовали в общерусской жизни, своими силами должны были бороться с нахлынувшими врагами.

Но эта постройка городов не вполне удовлетворяла своей цели... Печенеги, как позже половцы, прорываются сквозь линии этих укреплений. Неудобство

близости к Киеву пограничной линии осознал уже Ярослав. Он сильно подвинул ее вперед, избрав для ее проведения берега Руси. В 1031 году он поселил здесь пленных ляхов, а в 1032 году (как сообщает летопись) «нача ставити города по Руси».

Приблизительно около этого времени на востоке степей начинается новое движение. Из-за Яика надвигаются новые враги, половцы^[104]. Они начинают теснить торков, которые под их давлением стремятся с берегов Волги и Дона на запад. Это племя, судя по имеющимся фактам, не отличалось особенной дикостью и воинственностью. Прогнав в союзе с хазарами печенегов с берегов Дона, оно, по своему миролюбию, позволяет части последних остаться на старых кочевьях в собственной области. Не слышно и о его набегах на соседей. Единственное известие, говорящее об этом, принадлежит Масуди^[105]: он рассказывает, что при соединении двух рукавов Хазарской реки хазары построили крепость, в которой постоянно находился гарнизон для удержания кочевых народцев, особенно узов, которые преимущественно зимой, переходя по льду, делают набеги на области Хазарии. Иногда царь хазарский бывает принужден являться на помощь своему укреплению. Очевидно, ослабевшая Хазария не могла уже справиться со своими прежними союзниками. Походы Святослава подорвали ее силы. Но это известие Масуди, насколько нам известно, стоит одиноко. Нет также ни одного указания на борьбу торков с печенегами в X веке. Это доказывает, что они не думали прорываться далее на запад и спокойно кочевали в области Волги и Дона. И последующая их судьба показывает, насколько это племя не подходило к печенегам и половцам по воинственности и страсти к грабегам и опустошениям. Узыторки быстро осаживаются в Византии и на Руси, в скором времени делаются полуоседлым населением. Только в XI веке мы

видим их в борьбе с печенегами. Русским это племя стало известно в X веке, потому что в 985 году торки являются уже союзниками Владимира Святого в его походе на волжских болгар. Теперь под давлением половцев они подвигаются на запад.

Главное ядро торко-узского племени потеснило печенегов, которые в последний раз напали на Русь в 1034 году. Они осадили самый Киев, на выручку которого подоспел Ярослав из Новгорода с силами его и наемных варягов. Страшная битва произошла, по словам летописца, на том самом месте, где впоследствии была выстроена Святая София. Печенеги были разбиты наголову; много их погибло в реке Сетомле. Это была последняя битва, ибо, как говорит летопись, печенеги «погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни»^[106]. В степях около русских границ они не могли уже удержаться: в это время к пределам Руси подвинулась главная масса торкского племени. Печенеги бросились на юго-запад и заняли область между Днепром и Дунаем. Тут происходит борьба между ними и узоторками, неудачная для первых благодаря внутренним неурядицам, начавшимся среди печенежского народа. В это время печенегами правил Тирах, человек благородный, но не воинственный. Он не только не осмеливался выйти против узов, но и старался прятаться от них в болотистых местах на нижнем течении Дуная. Между тем борьба была неизбежна. Тогда защиту соотечественников принял на себя некто Кеген, человек, по рассказу Кедрина, темного происхождения, но искусный в военном деле. Он не раз отражал узов, чем приобрел себе глубокое уважение у земляков. Тираху, конечно, не нравилось это, и он решил отделаться от опасной для него личности. Он послал отряд, чтобы взять Кегена, но последний успел вовремя скрыться в днепровские болота.

Ему удалось затем склонить на свою сторону два печенежских колена. С ними он вступил в открытую битву против одиннадцати улусов, предводимых Тирахом, и был разбит наголову. Видя беду неминуемую, Кеген явился у Силистрии, изъявил ее коменданту свое желание принять подданство Византии и с почестями был принят в Константинополе. Приведенный эпизод важен потому, что проливает свет на положение печенежского народа после 1034 года, когда сведения о нем в нашей летописи прекращаются. Мы видим отсюда, что печенеги занимали в это время степи от устья Днепра до Дуная. Обнаруживается также, что торки-узы уже тогда придвинулись к границам Руси и занимали степи на восток от Днепра. В 1055 году они в первый раз обрушились на территорию Переяславского княжества, с чем имеет несомненную связь факт появления половцев... Гонимые половцами торки должны были еще с большей силой обрушиться на печенегов и Русь. В это время начинается переселение печенегов к Дунаю и за него...

Вся восточная часть степи от Днепра до Волги перешла во власть половцев. Только небольшой остаток узовторков с незначительной примесью печенегов уцелел еще на некоторое время на правом берегу Дона. Что половцы были уже полными хозяевами всей указанной местности, видно из летописных данных. В 1061 году они сделали набег на Русь и разбили Всеволода. В 1068 году князя Изяслав, Святослав и Всеволод потерпели страшное поражение на Альте, а с 1071 года начинаются постоянные опустошения русских областей.

Между тем торки в 1064 году являются на Дунае и переходят через него. Но старые враги — печенеги, эпидемические болезни докончили окончательно это и без того слабое и разгромленное племя. Часть его принимает подданство Византии, другая было

попыталась снова осесть у русских границ, но, будучи в 1080 году разгромлена Мономахом, теряет свою самостоятельность и в последующее время является как военное пограничное поселение Руси.

Теперь нашим предкам приходилось иметь дело с более опасным и сильным врагом. Если Русь сравнительно мало потерпела от соседства печенегов и торков, то это нужно приписать только благоприятным обстоятельствам. Как мы видели, в конце X и начале XI веков борьба с печенегами доходила до большого напряжения, князьям приходилось устраивать линии укрепленных городов, но сзади этого кочевого племени стояли его близкие родичи, торки, а со второй половины XI века двинулись и половцы. Взаимная борьба этих племен давала Руси возможность с некоторым успехом отстаивать свои границы, защищать свои поселения. С удалением печенегов и торков для половцев не было более соперников. Они одни всецело являлись господами южнорусских степей и могли совершенно свободно располагать всеми своими силами на пагубу Русской земле, раздираемой усобицами. Не проходит ни одного года, когда бы ни горели русские села и города. Пользуясь своею многочисленностью, раскинутостью границ Руси, они в одно и то же время появляются на разных пунктах, не дают возможности собрать сил для защиты угрожаемого поселения... Не было никакой возможности ни предугадать набегов, ни принять каких бы то ни было мер для защиты населения. Быстрота, с какой делались эти набеги, прекрасно характеризуется византийским оратором XII века Евстафием Солунским: «В один миг половец близко, и вот уже нет его. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня ногами и бичом и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз».

Русские князья, сознавая свое бессилие предупредить вторжения, стараются только отбить пленных и награбленное имущество. Редко удавалось князьям настичь половцев в прямом преследовании, а потому они употребляли другой маневр. Если половцы грабили на Суле, то ближайшие русские отряды, не показываясь врагам, переходят реку где-нибудь в другом месте или идут к реке Пслу и стараются незаметно перерезать им обратную дорогу. Этот способ защиты населения, спасения жителей от тяжкого плена был самый действенный. Так, когда половцы разграбили окрестности Киева в 1172 году, то Михалко^[107] с берендеями^[108] двинулся им навстречу с Поросья. Вскоре они встретили врагов и разбили их, отняв весь полон. В 1174 году Игорь Святославич^[109], узнав, что половцы грабили у Перея-славля, переправился чрез Ворсклу у Лтавы^[110], встретил их и заставил бросить пленных. В 1179 году Кончак опустошал окрестности того же несчастного Переяславля. Узнав об этом, Святослав Всеволодович^[111], стоявший у Триполя, двинулся отсюда быстро за Сулу и стал напротив Лукомского городища. Половцы бежали.

...Подобный маневр возможен был только тогда, если князья случайно узнавали о производимых где-нибудь половцами опустошениях. Игорь Святославич выехал с отрядом за Ворсклу из своей области, не имея в виду, что Кобяк и Кончак свирепствуют в Переяславском княжестве, и только случайно, захватив половцев, делающих разведки, узнал от них о набеге... Если же князья бросались в погоню, то случалось, что половцы успевали приготовиться, оборачивались и разбивали преследующий отряд. Например, в 1177 году они напали на Поросье и взяли шесть берендейских городов. Русские настигли их у Растовца, «и Половци оборотившись победиша полкы Руськее».

Таким образом, редко удавалось спасти души христианские от рабства, а тем более защитить население от неожиданных набегов. Главная цель вторжений состояла именно в том, чтобы захватить как можно более пленных, но при этом кочевники старались и как можно более расчистить себе дорогу для своих дальнейших предприятий уничтожением городов и сел. Стремление обратить все в широкую пустыню, в которой вольно и свободно дышалось степному наезднику, проявляется везде... Вполне справедливо Никита Акоминат называет половцев крылатой стаей, налетающей на землю и опустошающей ее чище саранчи. Года не проходило, чтобы какая-нибудь местность Руси не была обращена в пустыню... По нашему счету всех набегов, совершенных половцами самостоятельно без княжеских приглашений, произошло в период от 1061 года по 1210 год — 46. Из них на долю Переяславского княжества приходится 19, на Поросье — 12, Киевскую область — 4, на Северскую область — 7, на Рязань — 4. Но не должно забывать, что рядом с такими независимыми предприятиями половцев стояли их походы в русские области по призыву того или другого князя, сопровождавшиеся не менее тяжкими опустошениями. Несомненно также, что летопись упоминает только о выдающихся набегах, опуская или даже не зная о грабежах мелких половецких отрядов.

Вся эта масса пленного христианского люда или обращалась в рабов в вежах половецких, или как товар шла по разным странам юга и востока. Еще писатель X века, Ибн-Гаукаль^[112], рассказывает, что в Джурджане^[113] был рынок живого товара, в состав которого входили и славянские рабы. Эта дорога, по которой шли русские люди, навсегда покидая родную землю, не изменилась, конечно, и во времена господства в степях половцев. Этим путем снабжались русскими рабами рынки Центральной Азии. Другая дорога вела в

Крым, где главными пунктами торговли подобным товаром можно, кажется, считать Судак и Херсонес. Мы имеем известие, что в последнем городе скупкой рабов занимались евреи. Но прежде чем быть проданными, пленные некоторое время оставались в вежах в ожидании себе покупателя или выкупа со стороны русских. Мы знаем только один случайный факт выкупа на поле битвы. В 1154 году Изяслав Давидович^[114], после бегства Ростислава и Мстислава под Черниговом, выручил многих из их дружины, попавшихся в руки половцев. Обыкновенно же приходилось родственникам отыскивать своих родных по половецким кочевьям. Выкупить пленного считалось богоугодным делом, и потому частные лица являлись иногда в вежи и освобождали своих земляков от тяжкого рабства. Мы видим пример такого великодушия в старании некоего христороубца выкупить инока Никона, который, как кажется, был освобожден потом своими родственниками или отбит каким-нибудь русским отрядом.

Ценность выкупа соразмерялась с общественным положением пленника на Руси. Так, по рассказу летописи, за какого-то Шварна, захваченного за Переяславлем, половцы «взяша искупа множество». Конечно, более знатные и богатые пленники были долее удерживаемы в вежах, а те, на выкуп которых половцы не могли скоро надеяться или если он ожидался в незначительном размере, шли на рынки и рассеивались по лицу земли на юге и востоке, а может быть, и на западе... Многие из них не выносили постоянных передвижений за вежами в оковах; от жажды, зноя или холода они умирали в большом числе. Так, из пятидесяти пленных, захваченных однажды половцами в Киеве, через десять дней остался только один инок Евстратий.

Надо, однако, сказать, что русские не уступали нисколько своим врагам в обращении с попавшимися к

ним в руки. Даже тех, на выкуп которых можно было надеяться, держали в оковах, как это видно из сказания о пленном половчине. Рабы покупались на золото; таким же образом, кажется, русские выкупали и своих земляков, но половчин приносил за свое освобождение товар, который ценился на Руси: он пригонял табун лошадей, а может быть, и другого скота. Иногда случалось, впрочем, что русские отряды при своих нападениях на вежи половецкие освобождали соотечественников, но это бывало нечасто. Но количество выкупаемых или случайно освобождаемых русскими отрядами было каплей в море сравнительно с числом продаваемых в рабство...

* * *

Мы раньше видели, что большая часть набегов кочевников выпала на долю Переяславского княжества. Этому способствовало его географическое положение, растянутость его границ. Это была Украина, как называет эту область летопись, передовой пост Русской земли со стороны степи, принимавший на себя первые удары кочевых масс. Половцы, иногда довольно большими партиями, пробирались в самую средину княжества... Князьям и дружине приходилось не снимать с себя оружия. Несмотря, однако же, на энергию большей части сидевших в Переяславле князей, борьба с половцами была неудачна для этой области. Немало этому способствовало то обстоятельство, что Переяславль был тесно связан с Киевом и все междоусобия поэтому, возникавшие из-за киевского стола, постоянно захватывали и это княжество. Внимание правивших в нем князей постоянно отвлекалось от борьбы с кочевыми врагами. Для них не было никакой возможности воздвигать новые

укрепления, когда приходилось заботиться лишь о возобновлении старых городов, разоряемых и половцами, и войсками князей северских и суздальских. Вот почему мы не видим здесь наступательного движения славянского племени, а, напротив, скорее постоянное отступление. Нужно удивляться, как вся Переяславская область не была стерта с лица Русской земли и не сделалась местом половецких кочевьев...

Мы замечаем еще и недалёковидность политики князей, особенно в первое время. Это сказывается, например, в неумении выбрать место для заключения с половцами мирных договоров. Половецкие князья являлись на такого рода сделки не одни, а с большими силами. И вот вместо того, чтобы стараться не пропускать их дальше границ, князья сами знакомят половцев с географией Переяславского княжества. Так, в 1101 году половецкие князья прислали послов к русским, собравшимся на Золотче, с предложением о мирных переговорах. Наши князья согласились с условием, чтобы половцы собрались у Сакова, который лежал не только не на границе, но даже к северо-западу от Переяславля на берегу Днепра^[115]. Кроме того, во время Мономаха и Святополка Изяславича^[116] со стороны самих русских происходили нарушения международного права в отношении половцев. Воззрение на них как на нечто низшее проявляется не только у князей, но и дружины. Так, в 1093 году кочевники, узнав о смерти Всеволода, прислали послов к Святополку как новому киевскому князю для возобновления мирного договора. «Он, изоимов послы всажа в погреб». Конечно, результатом была осада Торческа. Мономах поступил гораздо хуже. В 1095 году Итларь и Китан пришли к Переяславлю на мир. Первый доверчиво вошел в самый город и ночевал на сеновале у боярина Ратибора. Ночью, посоветовавшись со своей дружиной, Мономах послал торков в стан Китана. Они

выкрали Святослава Владимировича^[117], бывшего у него заложником, убили его самого. Утром Владимир прислал сказать Итларю, чтобы он шел завтракать к Ратибору, а оттуда явился бы к нему. В избе боярина половецкого князя заперли, разобрали потолок и сквозь отверстие убили стрелами вместе с приближенными. Рассказ летописи об этом событии отличается подробностями, указывающими, что он писан очевидцем. Летописец старается оправдать Мономаха и всю вину свалить на советы дружины, но это совершенно напрасно, ибо даже в своем поучении Мономах хвалится тем, что весьма немногих только половецких князей выпустил живыми. Вот, например, что рассказывает он с полным хладнокровием: «...а самы князи Бог живы в руце дава: Коксусь с сыном, Аклан, Бурчевич, Таревьский князь Азгулуй и инех кметий молодых 15, то тех живы вед, иссек, вметах в ту речку в Салню»^[118] ...

* * *

Мы уже говорили, что в 1080 году торки были в некоторой зависимости от князей и кочевали около Переяславля. В 1095 году они уже состояли в действительной службе у Руси, ибо помогали Мономаху выкрасть его сына Святослава из половецкого лагеря. Постепенно прибывали новые колена и принимались князьями на службу. Так, Мономах рассказывает, что к нему пришли из степей половецких торки Читеевичи. В своих первых походах на половцев князья склоняли торков переселяться на Русь и забирали с собой их вежи. В 1103 году русские «захватили печенегов и торков с вежами». Наконец, последнее большое переселение этого племени в русские пределы совершилось в 1116 году. Тогда половцы окончательно вытеснили их с Подонья и заставили уйти на Русь. Вместе с ними

явились и печенеги, небольшое количество которых вместе с торками оставалось у Дона. Итак, известно переселение в пределы Руси двух племен: печенегов и торков, но оказывается, что на службе у князей кроме них были: берендеи, каепичи, турпеи, коуи, боуты. Трудно определить, какие это были племена. Мы не знаем в степях в домонгольский период таких племен, а потому придется допустить, что это ранее выделившиеся роды из тех же самых торков и печенегов. Когда эти племена только что приходили в знакомство с Русью, то последняя не знала еще хорошо своих новых союзников. Потом, при большем ознакомлении с ними, русские различили их отдельные роды, которые обособились еще гораздо раньше, так что представляли отдельные, самостоятельные единицы. Как прежде Русь называла их всех одними лишь именами печенегов и торков, так теперь она отдельные роды их приняла за самостоятельные племена. Только однажды вскользь летопись как бы дает нам знать, что берендеев она считает одним из торкских родов. Так, Никоновская летопись, рассказывая об ослеплении Василька^[119], говорит: «...и приступи турчин (очевидно, торчин), именем Берендей». Летописец обратил родовое имя в собственное. Нельзя считать это домыслом самих составителей Никоновского свода, ибо то же самое мы находим и в Ипатьевской летописи: «Торчин, именем Береньди». Затем можно утвердительно сказать, что турпеи — это один из родов торков...

Вся эта масса разных тюркских кочевых родов носила на Руси общее имя «черных клобуков», то есть «черных шапок». Черные клобуки не были особенный какой-нибудь народ, отличный от торков и берендеев, а это название было общим для торков и берендеев, для ковуев и печенегов, и для всех других мелких племен, осевших на Руси. В 1162 году у Рюрика^[120] были в войсках: берендеи, ковуи, торки и печенеги. Через

несколько строк все они названы черными клобуками... «Черные клобуки» есть не более как перевод тюркского выражения «кара-калпаки» или «кара-тули». Где же, в каких местностях можно указать поселения этих черных клобуков? Мы уже встречали их на Поросье и в Переяславском княжестве...

Есть несколько фактов, указывающих на пребывание черных клобуков и в городах. Даже есть известие, будто были города, исключительно населенные тюрками. В летописи мы находим, например, такое сообщение: «Половци же взяша 6 городов Береньдичь»... Были и печенеги каневские... В конце XII столетия мы знаем трех черноклобуцких князей, владевших городами в Поросье. Кунтувдей сначала сидел в Торческе, затем ему дан был город Дерновый на Роси. Не известно, какие города принадлежали Чюрнаю и Кульдеюрю — летопись их не называет. Это были, как видно, люди выдающиеся. Про Кунтувдея летописец говорит, что он «бе мужь дерз и надобен в Руси». Его вместе с Кульдеюрем мы видим в походе Игоря Святославича на половцев к Хоролу в 1183 году. О Чюрнае мы ничего не знаем, но по ходу дела с Кунтувдеем объясняется, что он имел также большой вес у князей, ибо по его доносу Святослав Всеволодович арестовал Кунтувдея. Можно предположить, что черноклобуцким князьям давались те города, где в населении преобладал черноклобуцкий — тюркский элемент. Хотя не в таком количестве, как на Поросье и в Переяславской области, поселения тюрков были и в других областях. Так, ковуев мы находим в Черниговском княжестве, берендеев в дружине на Белозере, а если верить Никоновской летописи, то печенеги служили князьям рязанским.

Роль черноклобуцкого населения в истории Руси, особенно южной, весьма значительна. Оно принесло новый тюркский элемент на Русскую землю, который с веками расплавился в славянстве и не мог не оказать

влияние на славянское население в культурном отношении. Как на севере чистый славянский тип изменился под влиянием финским, так на юге не могло пройти бесследно влияние тюрков, не могло не отразиться на последующих поколениях южноруссов. Не менее важное значение должно признать за черноклобуками в ходе политических событий на Руси и в борьбе ее с половцами. Мы видели характер половецких набегов, видели, как быстры и неожиданны были их нападения, как неуловимы были их отряды во время вторжений и отступлений. Оставалось только бросаться за ними в погоню, стараться перерезать их путь отступления и отбить полон. Нечего и говорить, что пешая рать не годилась для быстрых преследований. Была у русских и конница, но ей невозможно было соперничать с степными наездниками в быстроте, ловкости, в умении владеть луком и стрелами. Надо было выставить силу, равную по качеству, и такая сила сама явилась служить Руси, не зная, куда спастись от своих сильных врагов, половцев. Русь приобрела в черных клобуках легкое подвижное войско. Они были незаменимы, когда нужно было преследовать врага, уходившего с награбленной добычей.

В 1162 году черные клобуки нагнали половцев на Руси и отняли пленных. В 1172 половцы ограбили города Полоный и Семычь. Наскоро была собрана погоня из ста человек переяславцев и полутора тысяч берендеев, она настигла половцев и отняла полон. Когда нужно было поразить врагов неожиданностью, застать их врасплох, тогда черные клобуки были незаменимы... Никто лучше их не мог разведывать о положении врага, никто ловчее не умел пробраться в неприятельский стан. Припомним, как удачно торки прокрались в лагерь Китана и не только выкрали Святослава Владимировича, но и убили самого половецкого князя. Когда нужно было опустошить неприятельскую область, то пускали черных

клубуков, или нужно было сделать быстрое нападение — они действовали и в этом случае, — и то и другое называлось «пускать на вороп». Словом, черные клубуки, как летучее, легкое войско, с одинаковой степной тактикой, с одинаковой привычкой и умением владеть тем оружием, какое было и у кочевников-половцев, черные клубуки несомненно были полезны Руси, но польза, приносимая ими в ее борьбе с половцами, несколько уменьшалась благодаря действию чересчур сильных обстоятельств.

С того времени, как половцы появились на границах Европы, должна была начаться сильная вражда между ними и торками и печенегами, вражда, возникающая непременно между племенем торжествующим и племенами, вытесняемыми из своей дедовской территории... Но вот прошли годы, десятки лет — ни торки, ни печенеги еще не ослабли. Мы в 60-х годах XII столетия видим их все еще кочевниками, которым ничего не стоило подняться в один час и перекочевать со всеми своими семьями и стадами куда угодно... Если на них и оказывала влияние культура оседлого славянского населения, если черноклобуцкие князья и вообще знать каракалпакская усваивали себе нравы и обычаи русских, то все-таки они оставались еще вполне кочевниками, с инстинктами степняков; они не могли не сознавать своего родства с половцами: и образ жизни, и язык, и тот же тип лица — все это говорило и тем и другим, что они родичи, и притом родичи весьма близкие. Ничего нет странного поэтому, что между тюрками Поросья и Переяславля и тюрками степей завязались скоро кровные связи. Сами черноклобуцкие князья, более других ослабявшиеся, и те при первом неудовольствии готовы были наделать Руси всяких хлопот. Мы увидим ниже, как русские князья льстили черным клубукам и заискивали у них. Трудность ладить с ними увеличивалась потому, что князьков

каракалпакских было много^[121] — князьков, готовых для личных выгод сделать все. Вот, например, для характеристики эпизод из жизни Поросья в XII веке.

Зимой 1190 года один из черноклобуцких князьков, Чюрнай, сделал донос на другого такого же князька, Кунтувдея. Последний был посажен в Торческ^[122], главном городе всего Поросья. Это, очевидно, было завидно Чюрнаю, получившему в свое владение один из второстепенных городов. Святослав Всеволодович, поверив Чюрнаю, не разобрав дела, приказал схватить Кунтувдея. Узнав об этом, Рюрик Ростиславич стал уговаривать его освободить торческого князя, указывая на пользу, приносимую им Русской земле его храбростью. Оказывается, Рюрик лучше Святослава знал натуру степняка. Он предвидел худые последствия этого дела. Он добился от Святослава освобождения Кунтувдея, который был приведен к присяге, и вместе принял меры для безопасности Поросья. Он не ошибся. Что значит для тюрка эта вынужденная клятва, когда он чувствовал правоту своего дела, считал себя опозоренным. Понятно, что он, не «стерпя сорама своего», бежал к половцам. Они с охотой приняли Кунтувдея. Князь Торческа стал подбивать их сделать набег на Русь. Несмотря на то что всего лишь летом был заключен мир между Русью и половцами, последние решили помочь Кунтувдею. Они прежде всего сделали наезд на городок Чюрная, взяли острог, зажгли двор, захватили все его имущество, двух жен и много челяди. Отсюда Кунтувдей с своими союзниками отступил к реки Выси. Дав передохнуть коням, половцы двинулись к Боровому, но, узнав, что Ростислав Рюрикович^[123] находится в Торческе, отступили. В отмщение за эти набеги черные клобуки решили сами сделать наезд на половецкие кочевья. Лучшие люди их собрались, поехали к Ростиславу в Торческ и сказали ему: «Этой зимой половцы часто нас разоряют. Мы не

знаем, подунайские они, что ли? Отец твой далеко, а к Святославу и не шлем: толку не будет, потому что сердит на нас за Кунтувдея». Ростиславу понравилась мысль их. Он послал сказать Ростиславу Владимировичу^[124]: «Брат, я хотел бы поехать на вежи половецкие, а отцы наши далеко, и других старших нет. А будем мы с тобой за старших. Приезжай ко мне поскорее!»

Соединившись с черными клобуками, они неожиданно явились у Протолчи, где захватили много стад и веж, которым некуда было спастись. За Днепр князья не могли перебраться, ибо был ледоход. С богатой добычей они отступили. Но половцы быстро узнали о своем несчастье. Они не побоялись ледохода и вплавь переправились чрез Днепр. На третий день они настигли черных клобуков на реке Ивле. Ими предводительствовали два сына Урусобы, Кольдечи и Кабан, Бегбарс и четыре Кочаевича. К ним пристал со своим отрядом еще один половецкий князь, Ярополк Томзакович. Ростислав Рюрикович пустил вперед стрелков. Половцы не выдержали смелого их нападения и смешались. Стрелки и черные клобуки «въвертешася» среди них, много взяли живых, много перебили. Попался тут в руки черным клобукам и половецкий князь Кабан. Они не повели его к Ростиславу, уладились с ним за выкуп и выпустили его...

Кунтувдей бежал. Прошел год с небольшим. Он все жил у половцев. Осенью 1192 года черные клобуки снова стали подбивать Ростислава идти на половецкие кочевья. Рюрик не пустил его. Тогда Святослав решил сам наказать половцев за их набеги, которым прошло уже года полтора. Он с черными клобуками двинулся к Днепру, очевидно, тою же дорогой, какой шел Ростислав, — к Протолче. Дошли до Днепра, а за него... за него черные клобуки не захотели ехать, переругались с Святославом, и все воротились восвояси. Тогда Рюрик

решил помочь делу. Он послал в землю половецкую звать Кунтувдея назад. Половцы вместе с ним приехали к Рюрику. Он одарил их, возобновил мирный договор, а Кунтувдея оставил у себя и дал ему город Дерновый «ради Русской земли».

Так уладилось дело Кунтувдея. Оно рисует нам довольно живо отношения черных клобуков к Руси и земле Половецкой. Имеются еще два факта, показывающие, как сильно было тяготение каракалпаков к кипчакам, как сознавалась ими родственная связь с последними. В 1187 году Святослав и Рюрик решили неожиданно напасть на половцев, которые, по слухам, были на левой стороне Днепра у Татинского брода^[125]... «Князем же руским идущим на ня, — говорит летопись, — ис Черных же Клобук даша весть сватом своим в Половцы». Половцы успели бежать. В другой раз, во время большого похода Мстислава, «бысть весть половцем от кощея от Гаврилкова от Иславича». Половцы успели скрыться, побросавши свои вежи. Что здесь под именем кощея разумеется какой-нибудь каракалпак, это видно из дальнейшего рассказа летописи об этом походе... Очевидно, это было бранное слово. Им крестили и половцев... Шаткость, непрочность отношений черных клобуков к Руси сознавалась современным обществом. Князья постоянно могли опасаться с их стороны измены.

...Русь в этой почти четырехвековой борьбе со степью вышла победительницей: кочевнические волны разбились о нее. Она на своих плечах вынесла эту борьбу и всею грудью прикрыла Европу. Но, будучи знакомы теперь с ходом этой борьбы, с бедствиями областей Переяславской, Киевской, Северской, с теми усилиями, какие пришлось делать их населению, чтобы удержать свою прадедовскую территорию, мы вправе честь защиты Руси и Европы отдать по справедливости Южной Руси. Только в некоторой степени с ней может в

этом отношении соперничать область Рязанская. Испытывала нападения кочевников и Венгрия, но до нее доходили лишь ослабленные волны этого неистощимого моря среднеазиатских наездников. Немало вытерпела и Византия. Отчаянно приходилось ей защищаться против печенегов и половцев с севера, против турок-сельджуков и османов с юга... Византия не просуществовала бы долго и предоставленная самой себе, но турки ускорили смерть неизлечимо больного. Византия пала под ударами среднеазиатских братьев. Дорога в Европу с юга была открыта. Оплотом Запада с этой стороны является Венгрия. Но это было уже позже, когда западноевропейские государства окрепли настолько, что могли бы и сами с успехом выдержать борьбу с турками. Путь с востока оберегала Русь. Таково значение вековой оборонительной борьбы южнорусского населения со степью.

Обратите внимание на территорию, которую занимали кочевники, на их быт, и вы придете к заключению, что борьбы наступательной Русь вести не могла, что все походы в глубь степей были совершенно бесполезны. Разбитые кочевники рассыпаются в разные стороны на необъятном пространстве степей, бегут с своими вежами в глубь их — преследовать их бесполезно, догнать их нет возможности. «Со славою и честью великою» возвращаются русские ополчения из похода, а кочевники в глубине степей собираются с силами, вновь придвигаются к границам Руси, и их летучие отряды снова грабят, жгут, убивают, уводят в плен. Они сторицею вознаграждали себя за потери, понесенные ими при походе князей.

Трудно сказать, как смотрело население Руси на эти смелые предприятия своих князей. Мы знаем лишь мнение летописцев, но это еще не есть голос народа. Они смотрят на эти походы с религиозной точки зрения, как на подвиги, предпринимаемые во славу Бога для

сокрушения врагов его, «поганных». «Вложи Бог в сердце Русьским князем мысль благу», — говорит летописец по поводу похода 1103 года. Знаменья небесные предшествуют походам; чудеса Божий способствуют победам князей. Пред походом 1103 года были знаменья в луне и солнце, а поход 1111 года был возведен явлением огненного столпа над Печерским монастырем... Как подвиг на пользу христианства рассматривали эти походы и князья с более пылкими, воинственными натурами. «Не дай Бог, — говорит Игорь Святославич, — отказываться от похода на поганных: они нам всем общий враг». Молодые дружинники, полные отваги, стремились положить свои головы за христиан православных и подбивали князей на смелые предприятия. Напали половцы в 1093 году на Поросье, и идет совет у князя с дружиной. Говорят князю старшие, опытные дружинники: «Не покушайся на них ударить, ибо у тебя мало сил!» — «У меня восемь сот отроков, которые могут стать против них», — отвечает князь. А эти молодые дружинники усиленно подбивают князя: «Пойди, князь!»

...Князья других областей не всегда участвуют в походах. Когда Мстислав Владимирович^[126] с большими усилиями защищал Переяславль, князья полоцкие не хотели идти к нему на помощь, а, напротив, «молвяху Бенякови шелудивому во здоровье». Смоляне, призванные в 1185 году на защиту Руси после поражения Игоря Святославича у Дона, остановились у Треполя, собрали вече и отказались идти дальше. «Мы пошли только до Киева, — говорили они, — и если бы здесь была война, мы дрались бы; зачем нам искать неприятеля где-то в другом месте: мы уже утомились». В этих фактах мы не имеем права видеть какой-то розни. Каждая область, с своими собственными князьями во главе, была совершенно автономна в своих внутренних распорядках. Князья мирились, воевали, не имея права

требовать поддержки у соседних областей. Заключались союзы, ряды, но это уже свободное соглашение, а никак не обязанность. Суздальская земля ведет борьбу с болгарами, Новгород — с финскими племенами, Рязань — с кочевниками; и ни одна не получает помощи от других областей. У каждой области были свои враги, и каждой из них предоставлялось вести дело самозащиты. Защищать себя — как бы относилось к внутренним порядкам...

Походы в глубь степей половецких имели двоякую цель: одни — цель частную — оттеснение кочевников от границ какой-либо области; другие — цель общую — защитить торговые интересы всей Руси. Если для Русской земли важны были сношения с югом и востоком, то и обратно большое значение придавали торговле с Русью купцы востока, запада и юга. Вот почему известия о походах передавались быстро и в Западную Европу, и в Грецию, вероятно, и к арабам. За границей не могли знать цели каждого похода, и все они принимались как попытки облегчить торговлю иностранцам с Русью, обезопасив движение торговых караванов. Понятно, почему «ко всем странам дальним, к грекам и к венграм, к полякам и к чехам, даже до Рима, прошла слава» о походе 1111 года. Вполне справедливо немцы и венециане, греки и мороване пели славу Святославу и осуждали Игоря за его неудачный поход, давший половцам случай усилиться и стеснить торговое движение в южнорусских степях.

Кочевники, являясь опасными врагами Руси, вместе с тем представляли силу, всегда готовую за известную плату поддержать какое угодно дело. Мы видим их наемные отряды в войнах наших князей с соседними государствами. Так, печенеги участвовали в походах на Грецию Игоря в 944 году и Святослава в 970 году. Но служба одних колен у этого князя несколько не

помешала другим склониться на сторону греков и напасть на русских в порогах.

Когда русские познакомились с торками, то не упустили воспользоваться и их услугами. В 985 году Владимир Святой ведет их на болгар. С появлением половцев князья нашли новую силу для своих военных предприятий. Польша и Венгрия начинают испытывать это на себе. В 1092 году их ведет на границы первой Василько Ростиславич. Есть одно польское известие, показывающее, что русские князья навели половцев на пределы Польши и в 1119 году. Тогда была опустошена Краковская область и разрушена Вислица. По нашей летописи это событие относится к 1120 году. Несчастной Вислице пришлось испытать вторично разорение от половцев, которых на этот раз привел галицкий князь Владимирко. Особенно часто приходилось испытывать вторжение кочевников Венгрии. Кроме того, что начиная с семидесятых годов XI века половцы сами делают набеги на Венгрию с юго-восточной ее стороны, на венгров наводят их русские князья...

Только на пользу Руси могло бы служить соседство кочевников, если бы их роль ограничивалась лишь участием во внешних войнах русских. Но к несчастью, гораздо чаще степняки являлись деятельными участниками во внутренних событиях земли Русской. Разные обстоятельства побуждали русских князей приглашать кочевников. Кроме подарков, известной платы за труды, союзники обогащались большой добычей, безнаказанно грабя мирных жителей. Действия этих наемников нисколько не показывали в них добрых помощников, и населению было также чувствительно их посещение, сделано ли оно по приглашению или без него. В 1094 году они, будучи призваны Олегом против Мономаха, грабили и разоряли окрестности Чернигова, перебили много народа, увели большое количество пленных, которые потом были распроданы в рабство. В

1172 году Глеб Юрьевич^[127] нанял половцев против Мстислава Изяславича^[128], и они сильно опустошили Киевскую область. В 1234 году приведенные Изяславом Владимировичем^[129] кочевники разорили окрестности Киева.

Когда образовались военные поселения черных клобуков, то они начинают принимать деятельное участие в междоусобиях русских князей. Находясь в тесной связи с Русью, составляя население целой ее области — Поросья, они тем не менее не особенно щадили своих новых соотечественников... Призывавшие их князья не могли воспретить грабительств и опустошений, ибо рисковали тотчас же быть ими покинутыми. Когда Иван Ростиславич, князь Берлади на Дунае, наняв половцев для войны со своим двоюродным братом, галицким князем Ярославом, не позволил им разграбить город Ушицу, они тотчас же оставили его. Князья не только не могли держать в строгом повиновении своих степных союзников, но даже должны были стараться подделываться под них, привлекать их к себе всякими способами... В мирное время князья старались располагать в себе черных клобуков подарками и угощениями.

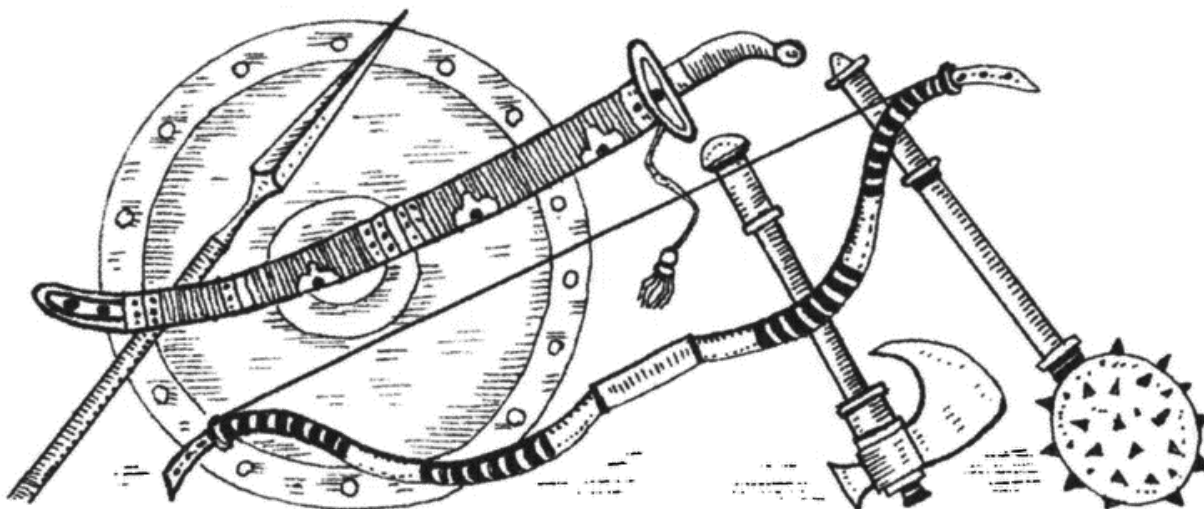
Такие же отношения русские князья стараются поддержать и с половцами. Можно было их поднять и золотом, которое было главной силой, возбуждавшей на кочевника, но золото могло быть у всякого; всякий мог надбавкой платы перетянуть половцев на свою сторону. Поэтому князья всех родов стремятся заключать родственные связи с половецкими ханами. Так как черные клобуки гораздо ближе жили к областям Мономаховичей, были пограничными соседями их уделов, так как другим князьям трудно было сноситься с Поросьем, то суздальские и северские князья по большей части опираются на половцев. Особенно дружественные отношения были с ними у

Ольговичей. Первый пример брачного союза между русскими князьями и половецкими ханами мы видим в 1094 году. Тогда Святополк Изяславич киевский женился на дочери Тугоркана. Этим браком предполагалось хоть несколько обезопасить Русь от половецких набегов, но это не привело к желаемой цели. Мы видим нападения тестя Святополкова на Переяславль и в 1096 году. По таким же побуждениям был заключен брак между сыновьями Владимира Мономаха и Олега Святославича^[130] и дочерьми половецких ханов: Юрий Владимирович^[131] женился на дочери Аэпы, внучке хана Осеня, а Святослав Ольгович^[132] на дочери другого Аэпы, внучке Гиргеня. Но и это не принесло пользы.

Далее начинают являться браки уже с целью иметь сторонников в земле Половецкой на случай междоусобной борьбы. Так, в 1117 году Мономах женил своего сына Андрея на дочери Турк-хана. Рюрик Ростиславич получил от отца в жены дочь половецкого хана Беглюка. В 1205 году Всеволод Суздальский сосватал для своего сына Ярослава дочь половецкого хана Юрия Кончаковича. Особенно последний брак показывает, что тут имелось в виду не оградить земли от набегов, а запастись родственниками в степи, так как Суздальская земля была совершенно закрыта от половецких вторжений... В 1187 году Владимир Игоревич^[133] возвратился из половецкого плена с женой, дочерью знаменитого Кончака. На Руси сыграли вторично свадьбу, ибо она была уже раз совершена в степи. Были браки и с романическим характером. Святослав Владимирович^[134] имел отчимом половецкого хана Башкорда. Оказывается, что его мать после смерти первого своего мужа, Владимира Давидовича^[135], увлеклась степным красавцем и бежала к нему в кочевья. Вероятно, это не единичный факт...

Уже из того обстоятельства, что половцы были в родственных связях со всеми почти княжескими родами Руси, можно видеть, что в истории Русской земли они сыграют роль силы уравнивающей, которая не даст возможности вполне восторжествовать какому-нибудь одному стремлению, проводимому какой-либо из княжеских семей. Такова в действительности и была роль кочевников в политических событиях Древней Руси.

Кочевники у себя

Приступая к очерку жизни кочевников, их обычаев, мы должны предупредить, что обладаем для этого крайне скудным материалом... Нет никакой возможности проследить отличительные черты у печенегов, торков и половцев. Принимая их весьма близкими родственниками, мы не думаем, чтобы быт каждого из этих племен слишком рознился один от другого. Все они были тюрки, все вели кочевой образ жизни, а потому нравы и обычаи их должны быть общи. Они были принесены еще из прародины, из Средней Азии, и оставались неизменны. Культура новых соседей, конечно, действовала на наших кочевников, но влияние едва ли проникало далеко вглубь; оно скользило по поверхности, и только небольшие группы тюрков, поселившихся по городам, могли утрачивать свои основные национальные черты.

...В XI веке мы видим, что печенеги распадаются на тринадцать колен. Имена их менялись с переменой предводительствовавших ими князей. Это же деление мы находим и у половцев. Это видно из известий нашей летописи. Так, рассказывая о плене северских князей,

она указывает что Игоря взяли Тарголовы, Святослава — Вобурчевичи, Владимира — Улашевичи. Иногда эти отдельные колена она называет чадью: Бостеева чадь, Чаргова чадь. Это подтверждается и позднейшим известием араба Новайри. Он знает одиннадцать половецких колен. Названия эти постоянно менялись вместе с князем. Колено носило название по имени князя, но наша летопись не знает перемены этих названий. Она знает княжеские тюркские роды, которые оставались, понятно, с теми же именами. Вобурчевичи, Чарговичи, собственно, значит: князья из рода такого-то...

Но вот что рассказывает нам Константин Багрянородный: «После смерти князей власть получают их двоюродные братья, потому что у них [печенегов] издревле имеет силу такой закон и обычай — не передавать достоинство сыновьям или братьям, чтобы князья довольствовались властью при жизни, а избирать детей их дядей или двоюродных братьев, чтобы власть не навсегда оставлялась в одном роде, но почесть передавать и боковым линиям; из чужого же рода никто [в это] не входит и не делается князем». Таким образом, выходит, что над коленом не могла властвовать одна семья; княжеское значение передавалось в семье дядей или двоюродных братьев, но вместе с тем никто из чужого рода не мог быть выбран в князья. Следовательно, над каждым известным коленом власть оставалась всегда в одном роде, но переходила к членам разных его семей. Как будто у кочевников господствовали родовые порядки, но из этого же известия мы видим, что князем делался не всегда старший в роде, а власть переходит и к двоюродным племянникам, что при господстве родового быта невозможно, ибо тогда княжеское достоинство должно было переходить к старшему в роде.

Дело, выходит, происходило так. Когда умирал князь, то колено, над которым он правил, избирало себе нового по своему желанию из какой угодно семьи этого рода, лишь бы избранный приходился умершему двоюродным братом или двоюродным племянником. Чем больше семей было в данном роде, тем больше было лиц, стоявших к князю в требуемой степени родства, тем многочисленнее были претенденты на власть после его смерти. При таком порядке замещения князей их власть была очень невелика. Она сосредоточивалась в руках народного собрания, носившего название комета. Все важные дела решались на нем, как во время войны, так и во время мира. На этих собраниях власть князей являлась весьма незначительной^[136].

Но не всегда народ избирал вождей из княжеских родов. Бывали случаи, когда власть отдавалась людям незнатного происхождения, выдвинувшимся своими дарованиями, энергией. Таков, например, был Кеген... Он привлек на свою сторону несколько колен и открыто боролся против Тираха, бывшего родовым князем печенегов. Частая смена князей, их многочисленность, должны были производить постоянные волнения кочевников, вечную мелкую междоусобную войну^[137].

Постоянная война с соседями, борьба дома делали кочевников с малолетства лихими воинами. Быстрота движений их была изумительна... Кочевник как бы родился на лошади. Лошадь возит тюрка на войну и кормит его. Она приучена к разным неожиданным быстрым движениям.

С криком и воем бросались тюрки в атаку. Регулярная неприятельская конница двигается на них. Тюрки тотчас поворачивают коней, несутся назад, осыпая неприятеля стрелами. Неприятель, расстроивший погоней свои ряды, продолжает их преследовать. Вдруг с боков и с тыла бросаются свежие отряды тюрков, и сабли, и арканы свистят над шеями

неприятелей. Засада приготавливалась заранее. Иногда она состояла из двух отрядов, расположенных по обеим сторонам дороги, по которой и заманивали кочевники своих неприятелей. Все приходило в смятение, все сбивалось «в мяч», как выражается наша летопись [\[138\]](#).

Кочевники имели особый строй. Наученные не из книг, а по обычаю своих отцов, как выражается Анна Комнина, они сзади первого строя ставили резервы. Первый строй состоял из отдельных отрядов, построенных клиньями. Между ними ставились телеги, занятые женами и детьми. Когда сражение не удавалось или пред тюрками были большие неприятельские силы, которых они не надеялись одолеть, они устраивали подвижные укрепления. Они ставили вокруг свои телеги, покрывали их бычачьими шкурами, сажали на них жен и детей и отбивали приступы. Трудно было разбить эти преграды; страшных потерь стоило разбить телеги и проникнуть в средину этого оригинального укрепления. Когда неприятель решался их осаждать, они видоизменяли несколько способ защиты: раздвигали немного телеги и делали между ними извилистые проходы. Часть тюрков занимала телеги. Из проходов выносились неожиданно их отряды, нападали на неприятеля и снова скрывались внутри круга.

Но мы видим, что они иногда делали и окопы, за которыми и отбивались от осаждавших их врагов. Этому искусству они, вероятно, научились у греков.

Вооружение степняка состояло из лука, колчана стрел, висящего на плече, сабли, аркана. Некоторые употребляли и копья. Луком они владели превосходно, убивая любую птицу налету. Как заимствование у них являются и шлемы. Меткости их стрельбы способствовала их дальность. Путешественник XII века, раввин Петахия [\[139\]](#), утверждает, что половцы могли различать предметы, если позволяла местность, на день пути. Никакое движение, стало быть, не могло

укрыться от степняков. В своих движениях они не останавливались ни пред какими преградами. Для европейских войск нужен был мост или плоты. Европейская конница не всегда решалась броситься в реку. Тюрки переправлялись очень легко. Они брали десяток лошадиных или других шкур, сшивали ремнями их края. Этот мешок набивался сеном. Его привязывали к хвосту лошади. Тюрк садился на мешок, гнал лошадь в реку и благополучно являлся на другой ее стороне^[140]... Но по большей части кочевники для своих набегов выбирали зимнее время, когда реки покрывались льдом, и тогда являлись целыми массами.

Главное богатство степняка — стада. Они доставляли ему пищу, питье, кожи для палатки, для одежды, составляли главный его товар. При передвижениях своих они гнали за собой и стада. Припомним, как черные клобуки^[141] явились с ними под Киевом. Летопись при каждом удачном походе русских извещает, что они «взяша тогда скоты и овце и кони и вельблуды». Мы видим тут те роды животных, которых разводили половцы: рогатый скот, овец, коней; находим и верблюдов из степей Средней Азии.

Большие перекочевки совершались с переменою времен года. «Земля кипчаков, — рассказывает Ибн аль-Атир, — богата пастбищами зимою и летом; в ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами; есть места, теплые зимою, также изобилующие пастбищами, — это степи на берегу моря». Когда наступал летний зной, степь была выжжена солнцем, и кочевники со своими стадами подвигались к северу; на зиму толпились по берегам моря. Тяжко приходилось степнякам в суровые зимы. Много скота гибло; трудно было существовать в переносных палатках. Глубокие снега мешали движению. «И бысть же тогда (в 1204 году) зима люта, — отмечает Воскресенская летопись, — и бысть половцем тягота велика».

Скот был главным товаром у кочевника. Лошади, например, отправлялись в Индию; в одном караване их бывало до шести тысяч; иногда более, иногда менее. Если кочевнику нужно было выкупиться из плена, он пригонял скот. Но вот хан половецкий Бельдюзь предлагал (в 1103 году) за свое освобождение «злато и серебро, и коне и скот». Откуда же у степняка золото и серебро? Он доставал его в своих набегах грабежом; он брал иногда большие выкупы за пленных; наконец, он вел торговлю. Еще о печенегах арабы рассказывают, что они богаты; что у них есть вьючный скот, стада, утварь из золота и серебра, оружие, пояса, богато украшенные и знамена. Богатая добыча доставалась русским князьям, когда они грабили половецкие кочевья. Доставались им золото, паволоки, оксамиты^[142]; серебряные древки знамен; орьтмами, и япончами, одеждами и узорочьями половецкими русские иногда мосты мостили и топкие места заваливали^[143]. В числе добычи бывали и рабы.

Еще в X веке печенеги были посредниками в торговле греков с Русью, Хазарией и Зихией^[144]. Они заключали условия с херсонитами и служили им проводниками в торговых поездках и сами привозили им товары. Но дорого стоили эти их услуги. Когда посланник греческий желал проникнуть в землю печенегов, то прежде всего он посылал к ним и требовал в Херсон заложников и проводников. Сейчас же начиналось требование подарков. Заложники, оставляемые в Херсоне, просили подарков для себя и своих жен за то, что оставались сидеть; проводники требовали их за труды свои и своих лошадей. Отделавшись тут, посол двигался к кочевникам. Но лишь только он являлся в их стране, входил с ними в переговоры, они прежде всего требовали императорских подарков. Дары требовались не только для воинов, но для их жен и даже родителей. Наконец посол

удовлетворил всех, сделал дело, за которым приехал и возвращается назад. Но в Херсоне он снова должен был заплатить своим провожатым за труды их и их лошадей. Этим интересным сообщением мы обязаны императору Константину Багрянородному. Очевидно, такого рода отношения сохранились и в то время, когда степи занимали половцы. Невольно припоминаются при этом требования, делавшиеся московским князьям со стороны крымских ханов. «Карачей своих я написал с братьею и детьми, — пишет Саип-Гирей^[145] Иоанну IV, — а кроме этих наших уланов и князей написал еще по человеку от каждого рода, сто двадцать четыре человека, которые при нас, да Калгиных пятьдесят человек: пятьдесят человек немного, вели дать им поминки — и земля твоя в покое будет, и самому тебе не кручинно будет»^[146].

...Роскошная жизнь половецких ханов являлась вполне естественной. Должно быть, она была уж очень заманчива, если венгерские вельможи стали подражать им и вызвали целую бурю со стороны католического духовенства Венгрии.

Вообще же в жизни кочевник был весьма неприхотлив. Главным образом его пища состояла из мяса, молока, проса. Мы не знаем, сеялось ли просо самими кочевниками. Может быть, это был единственный продукт их собственного земледельческого труда. Просо бросалось в кипящую воду. Затем, изрезав мясо на кусочки, клали в этот отвар.

Иногда же мясное кушанье приготавливалось гораздо проще. Брали кусок сырого мяса, клали его под седло лошади и гоняли ее до тех пор, пока не вспотеет, а лежащий под седлом кусок не сделается горячим. В таком виде они употребляют его в пищу. Вероятно, как лакомство был рис, сваренный в молоке, и сыр.

Сделав удачный набег, нагрузив свою добычу на лошадь, степняк возвращался в свою ставку и

праздновал удачу предприятия. В этом случае первое место занимал кумыс. Любили кочевники выпить, и кумыс действовал на них опьяняюще. Пили они кумыс; раздавались в это время звуки их незамысловатых музыкальных инструментов, и пелись песни, прославлявшие их героев, их знаменитых ханов, старого Шаруканя, и Буса^[147], и Боняка, и его сына Севенча Боняковича, и знаменитого Кончака. И сильно действовали эти песни старины на тюрка, возбуждали его на новые подвиги, воспаляли его любовь к свободным безграничным степям. Тяжело иногда приходилось половцам, и тогда-то песни имели ободряющее влияние... Благодаря близким сношениям Руси с половцами песни половецкие переходили и к русским.

Вообще постоянная борьба нисколько не уничтожала дружественных отношений между двумя народами. Торговля не прекращалась....Кочевники совершенно отделяли войну и торговлю и, сознавая ее выгоды, ничем не препятствовали ей. Это сообщение нашей летописи стоит в полном согласии с известием арабского писателя Ибн аль-Атира, который утверждает, что при половцах велась обширная торговля... Интересное сообщение делает по этому поводу Аль-Бекри о печенегах: когда к ним являются иностранцы, или бежавшие из плена в Константинополе, или другие, то они дают им на выбор: или остаться у них на равных правах и, если желают, выбрать себе жену, или предлагают проводить их на место жительства.

Постоянные военные предприятия, а вместе с ними и опасности заставляют искать себе верных друзей. Для взаимной помощи заключались побратимства. Они заключались не только среди степняков но, вероятно, побратимами являлись степняк и иностранец, какой-нибудь гость, бравший себе проводников из половцев. Особенно часты должны были случаться побратимства

между половцами и русскими. Вот как совершался самый обряд заключения побратимства. Половец прокалывает себе палец иглой и выступавшую кровь дает сосать тому, кого он избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственной его кровью и телом. Иногда употреблялся и другой обряд. Желаящие вступить в побратимство наполняли напитком медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его сопутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу.

О религии наших кочевников мы ничего не можем сказать. Дошедшие до нас известия весьма отрывочны, и нет прочных оснований верить им. Абульфеда рассказывает, что половцы занимались астрологией и верили во влияние небесных светил на человека; что они обожали звезды. Никита Хониат утверждает, что половцы приносили пленников в жертву своим богам. Абульфеда же говорит, что печенеги сжигают своих мертвых и пленных иностранцев. А Рубрук сообщает, что половцы хоронили своих мертвецов, насыпали над прахом курган и на нем ставили статую лицом к востоку, держащую у пояса чашу; богатым делают пирамиды, то есть остроконечные дома; а иногда он видел большие башни из обожженного кирпича; в некоторых местах каменные дома, хотя камней здесь и нет^[148]. Есть известие, что князья погребались с несколькими живыми рабами и лошадьми.

Ничего мы не можем сказать и об их семейном быте. Из нашей летописи узнаем, что браки у них могли совершаться в довольно близком родстве. Так, можно было жениться на мачехе и ятрови^[149].

Нельзя сомневаться в том, что постоянные близкие сношения с соседними народами давали возможность

проникать к нашим кочевникам различным религиям и исповеданиям, которые приобретали последователей.

Оставим черных клобуков. Очевидно, живя в Поросье, составляя часть Юрьевской епархии, они находились под неусыпными попечениями духовенства, старавшегося просветить их. Мы не будем говорить о тех случаях, когда печенеги или половцы принимали христианство в силу чисто политических причин. Можно предполагать, что и у себя в степи некоторые из степняков делались христианами. Попытки к распространению среди них христианской религии мы видим в начале XI века со стороны католических миссионеров. Один из них, Бруно, пробыл у печенегов пять месяцев. Если верить его письму, печенеги обещали будто бы быть христианами, если русский князь не будет их трогать; в противном случае грозили отречься от этой веры. Бруно возвратился к князю и передал ему условия печенегов. Князь будто бы согласился и дал печенегам в заложники своего сына, который и был вместе с новопоставленным епископом помещен в центр земли Печенежской. О дальнейшей судьбе этого епископства мы ничего не знаем.

Но нет никакого основания предполагать, чтобы русское духовенство не действовало и с своей стороны. Впрочем, этот вопрос покрыт мраком: нет никаких данных ни за, ни против. Что были случаи крещения половцев, видно из Кириковых вопрошаний^[150]. Там, между прочим, находим такое правило: «Молитвы над оглашенными так творить: болгарину, половцу или чуждину — 40 дней поста до крещения, и из церкви пусть выходит как оглашенный...» Может быть, пример Игоря Святославича, имевшего в кочевьях половецких священника, совершавшего службы, не был единственным. Припомним родственные связи половецких ханов с русскими князьями. Весьма возможно, что благодаря таким близким отношениям

среди половцев находились желающие принять христианство и действительно принимали. Ипатьевская летопись говорит, что великий князь половецкий Бастий крестился в 1223 году, явившись просить помощи у русских против татар. Если Бастий действовал тут под влиянием страха, то у нас есть примеры принятия христианства другими ханами, когда не действовали подобные побуждения. Так, по известию Никоновской летописи, в 1132 году в Рязани принял христианство князь половецкий Амурат, в 1168 году в Киеве — князь Айдар...

Мы не знаем, в силу ли подражательности или по своему христианскому исповеданию некоторые ханы носили христианские имена. Встречаются, например, Данило Кобякович, Юрий Кончакович, Глеб Тириевич, Роман Кзич. Но попадаются с христианскими именами и простые турки, не княжеских родов. Таков Василий, явившийся из степей в 1147 году на помощь Святославу Ольговичу. Интересна легенда «О пленном половчине», показывающая, как отражались религиозные верования русских на половцах. Был у одного киевлянина пленный половец. Содержался он в оковах. Долго хозяин ждал выкупа, наконец предложил половецу выпустить его с тем, что он заплатит ему выкуп, возвратившись в свои кочевья. Поручителем за себя кочевник согласился взять св. Николая. Освободившись из плена, степняк забыл об обещании. Однажды ему явился св. Николай и напомнил о своем поручительстве, пригрозив бедой. Но это напоминание прошло бесследно. Поехал однажды половец в поле. Вдруг явился святой угодник, стащил его с коня и, трясая, сказал: «Не говорил ли я тебе, окаянный: повези выкуп тому христианину, так как ты дан мне на поруки, а ты скоро забудь мои слова; еще раз тебе говорю: пожалей сам себя, повези выкуп если забудешь, увидишь, что тебе от меня будет!» Несколько дней спустя был съезд князей и вельмож половецких.

Приехал и наш половец. Вдруг среди собрания невидимая сила стащила его с коня и начала бить, причем слышался голос: «Говорил я тебе, окаянный, повези выкуп!» Устрашенный половец, оправившись от наказания, взял два табуна лошадей и направился в Киев. Он сначала пришел в церковь и пожертвовал небольшое стадо в ее пользу; потом внес выкуп своему хозяину... Другая легенда рассказывает нам о принятии христианства и даже о вступлении половцев в монашество в Киево-Печерском монастыре вследствие чуда одного святого, который был некоторое время у них в плену и чудесным образом оказался освобожден.

Рядом с русскими на поле просвещения кочевников истинами христианской религии трудились и католические миссионеры. Хотя по документам видно, что деятельность их в степях относится к XIII веку, но возможно, что они ходили в землю Половецкую и раньше. Не известно, насколько успешно шло дело их проповеди в южнорусских степях, но половцы, поселившиеся в Венгрии, делались христианами.

Но рядом с христианскими действовали и другие влияния. Когда печенеги явились в Европу, то столкнулись с хазарами, у которых свободно существовали иудаизм, мусульманство, христианство и язычество. И мусульмане, и иудеи не преминули, конечно, подействовать на новый народ. Кроме того, постоянные сношения со Средней Азией, с странами, в которых исповедовался ислам, могли повести к распространению его и среди кочевников. До нас дошло известие Аль-Бекри; оно не может быть принято во всей своей силе, но показывает, что попытки проповеди ислама среди кочевников предпринимались. Он рассказывает, что после 400 года хиджры (1009-1010 годы) к печенегам прибыл мусульманский проповедник. Многие, в числе 12000, уверовали. Остальные начали укорять их. Началась междоусобная война. Неофиты

одолели, и остатки побежденных также приняли ислам. Половцы, вероятно, также не избежали стараний соседей обратить их в мусульманство. Такими близкими соседями были болгары на Волге, еще с X века сделавшиеся мусульманами... Гиббон^[151] говорит, что большая часть куман (половцев) были язычники и только немногие были мусульмане. Иудаизм, кажется, имел среди них также своих последователей. Так, Плано Карпини^[152] в числе подданных татар указывает куманов-брутахов, исповедующих иудейскую религию.

Печенеги

В конце IX века в восточноевропейские степи из-за Волги нагрянул кочевой народ, доселе в тех краях неизвестный. Кочевники дошли до Крыма, оттеснили за Дунай венгров и по-хозяйски распространились на огромной территории между Русью на севере и Византией на юге. Около двух веков наводили они страх на придунайские народы, разоряли русские города и заставляли трепетать византийцев. Но 29 апреля 1091 года весь этот народ, как написала византийская принцесса Анна Комнина, «превышавший всякое число, с женами и детьми погиб в один день». Сведения об этих кочевниках сохранились в византийских, арабских и западноевропейских источниках, где они носят разные имена; русские называли их печенегами. Об истории печенегов, их появлении на мировой арене и страшной гибели рассказывает эта книга. В нее включены работа академика В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» и главы из книги П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар».

ISBN 978-5-91678-089-5

9 785916 780895

notes

Примечания

1

Самуил (ум. 1014) — царь Болгарии с 980 г. из династии Комитопулов. На протяжении всего своего правления вел войны с Византией.

Ани — столица армянского Анийского царства, существовавшего в 885-1045 гг.

Васпуракан — одна из областей Великой Армении, где в 908 г. возникло Васпураканское царство. Не в состоянии противостоять нашествию тюркских племен, царь Сенекерим Арцруни в 1021 г. согласился присоединить свое царство к Византии, после чего оно прекратило самостоятельное существование.

Никифор II Фока (ок. 912-969) — военачальник, затем с 963 г. византийский император.

Иоанн I Цимисхий (ок. 925-976) — византийский император с 976 г.

Речь идет о победе византийцев над восставшими лангобардами в 1018 г. в сражении на реке Офанто, вблизи места так называемой «битвы при Каннах» (город в итальянской провинции Апулия), в которой Ганнибал разгромил римлян в 216 г. до н. э.

Имеется в виду ломбардский рыцарь Ардуин, бывший переводчиком в сношениях византийцев с франками. Он возглавил восстание против Византии в Мельфи, а затем заключил договор с норманнами, на основании которого норманнам причиталась половина завоеваний в Южной Италии.

Катапан (катепан) — наместник в округе (катапанате) Византийской империи, обладающий на территории округа всей полнотой военной и гражданской власти. Иногда катапанов называли дуками.

Роберт Отвиль (Готвиль) по прозвищу Гвискар (1016—1085) — первый герцог Апулии с 1059 г. из дома Отвилей. Окончательно изгнал из Италии византийцев (1071), захватил княжество Салерно (1077) и тем самым завершил завоевание норманнами Южной Италии.

Константин IX Мономах (по другому счету X или XI; ок. 1000-1055) — византийский император с 1042 г.

Константин VII Багрянородный (Порфирородный, Порфирогенет; 905-959) — византийский император, номинально правил с 913 г., фактически — с 945 г.; автор ряда сочинений.

Общее название средневековых тюркских племен. Ныне обычно употребляется термин «огузы».

Феофилакт Болгарский мог иметь в виду одного из двух персонажей греческой мифологии: 1) Гигеса — одного из сторуких великанов-гекатонхейров, 2) Гигеса — пастуха на службе у лидийского царя, который, завладев волшебным кольцом, делавшим его невидимым, соблазнил царицу и убил царя, а затем завладел престолом Лидии.

Евстафий Солунский (ок. 1110-1198) — архиепископ Фессалоникийский, церковный писатель, автор знаменитого комментария к Гомеру.

Из речи Евстафия к Исааку Ангелу. Евстафий, кажется, имел под рукою речь Феофилакта: некоторые выражения Феофилакта повторяются буквально в дальнейшем описании кума- нов. — *Прим. авт.*

Имеется в виду историк и писатель Никита Хониат (Акоминат) (сер. XII в. — 1213) — автор «Хроники», в которой записана история Византии и соседних народов с 1118 по 1206 г.

Benisch, Travels of Rabbi Petachia of Ratisbon. London 1856. — *Прим. авт.* См.: П. Марголин. Три еврейских путешественника XI и XII вв.: Эльдад Данит, Р. Вениамин Тудельский и Р. Петахий Регенсбургский. Санкт-Петербург, 1881.

Куманский словарь обнародован был Клапротом [Юлиус Генрих Клапрот (1783—1835) — немецкий востоковед, путешественник], который следующим образом объяснял его происхождение:

«Куманы, или половцы, занимали в X веке страны на севере Черного моря и Меотийского озера, и простирались от Волги до устья Дуная. Едризидризи [Аль-Идриси (Эдризидризи, Едризидризи) (1100-1161 или 1165) — арабский географ и путешественник] и другие географы арабские называют их землю Ал-Камания. Куманы принадлежали к той же турецкой расе, как узы и печенеги, потому что, по свидетельству Анны Комнины, они говорили одним языком с последними, и этот язык был турецким наречием, как мы узнаем от Рюисбрека (Рубрука), посетившего их страну в 1253 году. Рюисбрек выражается таким образом в восьмой главе: “У уйгуров находим мы происхождение и источник языка турецкого и куманского”.

Куманы и печенеги составляли народ, называемый кипчаки или капчаки. Рюисбрек говорит, что первые давали себе имя Carchat; в другом месте он называет их Coman-Carchat... После поражения кипчаков монголами (в 1237 году) часть куманов переселилась в Венгрию, а другая осталась в старом отечестве, между Доном и Волгой, и нечувствительно смешалась с ногаями, которые, подобно им, были турецкого происхождения....

В эпоху монгольского владычества миссионеры, посылаемые в Татарию для обращения народов этой обширной страны, совершали свой путь обыкновенно через прежнюю Куманскую землю — на севере Черного моря. Турецкий диалект, которым говорили куманы, давал им возможность быть понятными во всей Средней

Азии до гор Алтайских, где начинались жилища монгольских колен. Итак, кажется, что эти монахи знакомились с куманским наречием прежде, чем пуститься в длинное и тяжелое путешествие.

Генуэзцы, утвердившиеся в Крыму, также находились в прямых сношениях с куманами; они имели поэтому особый интерес изучать то наречие, знание которого облегчало торговое знакомство с самыми отдаленными странами Азии. Нужно, следовательно, предполагать, что значительное число европейцев, и в особенности итальянцев, занимались в XIII и XIV веках изучением куманского языка...

Пробегаю, несколько лет тому назад, биографию Петрарки, написанную Томазини и озаглавленную «Petrarka redivivus» (напечатана в Падуе, в 1650 году), я нашел в ней указание, что в числе манускриптов, завещанных этим знаменитым поэтом Венецианской республике, находился “Alphabetum persicum comanicum et latinum”, написанный в 1303 году».

Когда Клапрот получил из Венецианской библиотеки копию этой рукописи, то оказалось, что она включает в себе целый словарь в 2500 слов. Словарь написан тремя колоннами: первая включает латинское слово, вторая — персидское и третья — куманское. На первых 58 страницах идут существительные и прилагательные в порядке латинского алфавита, последние отчасти со своим склонением. Дальнейшие страницы, до конца, содержат слова, расположенные по семействам, по порядку материй. Нужно предполагать, что словарь составлен не монахом, а купцом, потому что здесь с особым вниманием собраны названия различных тканей и товаров, которые отправлялись в Татарию в эпоху господства генуэзцев на Черном море. — *Прим. авт.*

Георгий Кедрин — византийский историк конца XI или начала XII в., автор компилятивного «Обзора истории».

Георгий Кедрин.

Тогрул-бек (ок. 990-1063) — основатель султаната Сельджукидов, султан с 1038 г.

Это слово встречается у Льва Дьякона [(до 950 — ок. 1000) — византийский писатель и историк]: Святослав, в армии которого было много печенегов, собирает комент. Св. Бруно в своем письме также говорит о печенежском коменте. — *Прим. авт.*

Кедрин говорит о стычке при Топлице прежде случая под Хариуполем и вообще расставляет события несколько иначе, чем Атталиота [Михаил Атталиат — византийский историк и правовед XI в.]. Мы следуем более последнему, так как это самостоятельный писатель, а Кедрин — компилятор не всегда искусный. — *Прим. авт.*

Синкелл — византийский титул, чаще всего жаловался высшим духовным лицам столицы и провинций.

Иоанн Скилица (XI — нач. XII в.) — сановник Алексея Комнина, хронист, автор труда «Обозрение истории», послужившего основой для хроники Георгия Кедрина.

Исаак I Комнин (ок. 1005-1061) — византийский император с 1057 г.

Никифор III Вотаниат (ок. 1002-1081) был императором в 1078-1081 гг.

Речь идет о мифическом путешествии, которое совершил греческий бог виноградарства и виноделия Дионис (Бахус) после того, как богиня Гера наслала на него безумие.

Михаил Атталиат (см. прим. 21).

Никто другой, кроме русского князя, не может разумеется под князем мирмидонов уже потому, что он живет за Дунаем. Мадыяры у Атталиоты называются сарматами, а имя русских он ни однажды не употребляет, говоря о русской земле и русских князьях. Сверх того (указание, сделанное нам А. А. Куником [(1814-1899) — русский историк]), к объяснению, почему Атталиота русских называет мирмидонами, быть может, служит то место у Льва Диакона, где он говорит о сходстве погребальных обрядов у воинов Святослава и у древних греков. Эти обычаи ведут свое начало от спутников Ахиллеса. Ахиллес был скиф родом из Мирмикиона, города на Меотийском озере (между Керчью и Еникале по П. С. Палласу [(1741 — 1811) — немецкий и русский ученый-энциклопедист, естествоиспытатель, географ и путешественник]): светлые волосы, голубые глаза и другие признаки служат доказательством, что Ахиллес был скиф и даже тавроскиф, то есть русский. — *Прим. авт.*

О поражении, нанесенном торкам в 1060 г. русскими князьями, говорится в Лаврентьевой летописи: «В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство...»

Алп-Арслан (1029—1072) — султан государства Сельджукидов с 1063 г.

Евдокия Макремволитисса (1021 — 1096) — вторая жена Константина X Дуки. Перед смертью (1067) Константин X назначил Евдокию правительницей, взяв с нее письменное обещание никогда не выходить замуж, и передал его в руки патриарха Ксифилина.

Роман IV Диоген (1039—1072) — византийский император в 1067-1071 гг.

Замечательно, что Атталиота, который описывает поход Романа как очевидец и важный участник, везде употребляет название «скифы», которое у него, как у других, означает печенегов, а Скилица, рабски следуя Атталиоте и только сокращая его рассказ, вместо скифов почти постоянно ставит «узы». — *Прим. авт.*

Ссылка на Михаила Атталиата.

Михаил Атталиат.

Михаил VII Дука, по прозвищу Парапинак (1050-ок. 1090) — византийский император в 1071 -1078 гг. Был насильно, в результате мятежа пострижен в монахи; после него на престол вступил Никифор III Вотаниат.

Михаил Пселл (1018-1078 или позже) — византийский монах, приближенный ко многим императорам; автор исторических и философских трудов.

Никифор Васи́лаки (гг. рождения и смерти неизвестны) — византийский военачальник, организатор мятежа против императора Никифора III Вотаниата в 1078 г.

Анна Комнина (1083— 1153) — греческая царица, старшая дочь императора Византии Алексея I Комнина (1056/1057—1118) — византийского императора с 1081 г. Одна из первых женщин- историков.

Константин V Копроним (718—775) — византийский император с 741 г.

Ибн-Саид, цитуемый Абульфедой [(1273—1331) — арабский историк и географ]. Ибн-Саид жил около половины XIII столетия. — *Прим. авт.*

Сабеизм — поклонение звездам, обоготворение небесных светил. В древнее время сабеизм был особенно распространен в Вавилоне и Ассирии, где храмы одновременно служили обсерваториями, в Аравии, Сирии, Малой Азии и т.д.

Так его имя постоянно пишется у Менандра [Менандр Протектор — византийский дипломат и историк VI в.]. — *Прим. авт.*

Доместик — гражданский, церковный и военный титул поздней Римской империи и Византийской империи. Титул великого доместика присваивался главнокомандующему армией. В правление династии Комнинов великий доместик иногда командовал целой армией Востока или Запада.

«Иллюстрированная хроника» XIVв. рассказывает, что Шоломон успел все-таки спастись от преследования врагов, но затем скрылся от своих спутников, обратился на путь раскаяния и в уединении вел жизнь подвижника, только изредка показываясь людям (его видели в Венгрии во время короля Коломана); он умер и погребен в Пуле. — *Прим. авт.*

Это был Григорий Маврокатакалон, вероятно, брат победителя Челгу. — *Прим. авт.*

В Воскресенской летописи [общерусский летописный свод XVI в.] под 6596 г. также обозначено затмение, но оно перепутано с другим, которое было 21 мая 1091 г. — *Прим. авт.*

Никифор Мелиссин — полководец, претендент на византийский престол в 1080—1081 гг. Принадлежал к знатному роду, был женат на Евдокии, сестре императора Алексея I Комнина. После захвата власти в Константинополе Алексеем Комнином Никифор отказался от притязаний на престол, удовольствовавшись титулом кесаря.

Анна Комнина замечает, что она пересказывает все подробности со слов отца, на основании его воспоминаний в семейном дружеском круге. — *Прим. авт.*

Имеется в виду Вальтер Голяк — французский рыцарь, военный предводитель Крестьянского крестового похода («Похода нищих»), который предшествовал Первому крестовому походу. 21 октября 1096 г. крестьянская армия была разбита сельджуками, а Вальтер Голяк погиб.

Имеется в виду граф Эмихо Лейнингенский (ум. 1117) — один из руководителей немецких крестоносцев, участвовавших в Первом крестовом походе. Отряд графа отличился грабежами по дороге к Святой земле и был почти весь уничтожен в Чехии князем Брячиславом II.

Петр Амьенский (Пустынник) (ок. 1050-1115) — монах, которому приписывалась организация Первого крестового похода.

Годфрид (Жоффруа) Горбатый (ок. 1025/1040—1076) — герцог Нижней Лотарингии как Готфрид III и Сполето как Готфрид II, маркграф Тосканы как Готфрид II, граф Вердена как Готфрид IV и маркграф Антверпена с 1069 г.

Хронология палестинского пилигримства графа Роберта довольно запутанна, но между тем имеет для нас важное значение. Один из историков Фландрии (Kervyn de Lettenhove, *Histoire de Flandre*, I, 305) [Кервен де Леттенгове (1817—1891)] считает годом отправления графа Роберта в Святую землю 1085-й и утверждает, что путешествие продолжалось четыре года. Зибель [Генрих фон Зибель (1817—1895) — немецкий историк и политический деятель], на основании некоторых не вполне точных источников, указывает, с одной стороны, также 1085 г., а с другой, утверждает, что в 1089 г. Роберт Фриз еще не воротился в свое отечество. Вот более положительные и вполне достоверные данные: 1) В одном документе маркиз Роберт Младший, сын Роберта Фриза, называет июль 1087 г. началом своего правления, а Роберт Младший и по тем свидетельствам, которые полагают отправление его отца в Палестину в 1085 г., сделан был правителем Фландрии именно по случаю отправления Фриза в Палестину. Итак, Роберт Фриз оставил графство своему сыну и ушел в Палестину не ранее первых месяцев 1087 г. 2) В более краткой и более достоверной генеалогии графов Фландрских сказано, что путешествие графа продолжалось только два года. Итак, граф Роберт Фриз был в Константинополе не позже зимы 1088—1089 гг., что вполне согласно с ходом рассказа у Анны Комнины. Легко объяснить ошибку, назначающую четыре года для палестинского пилигримства Роберта I. По возвращении из Константинополя он вскоре отправился со своей сестрой Аделью через Францию в Италию. Таким образом, стали говорить, что он отсутствовал или был в путешествии четыре года, а потом отнесли время его

отправления к 1085 г. Роберт Фриз действительно не возвращался в свое отечество в первых месяцах 1089 г., но летом этого года был во Фландрии. — *Прим. авт.*

В древнегреческой области Лакония располагалась Спарта, причем слово «Лакедемон» часто употреблялось в качестве официального названия государства спартанцев. Таким образом, «лаконцы» здесь используется как синоним слова «спартанцы».

В житии св. Христодула, составленном Иоанном, митрополитом Родосским, говорится о завоевании островов сарацинами. — *Прим. авт.*

Кылыч-Арслан I (? — 1107) — султан Румского (называвшегося также Конийским или Сельджукским) султаната, возникшего в 1077 г. на землях, отторгнутых турками у Византии. Первоначальной столицей султаната была Никея.

Что император Алексей сам призывал куманов, об этом говорит Анна — также мимоходом и вскользь, как об ожидаемой помощи из Рима. Что касается до обращения к князьям русским, то помимо того, что оно было вполне естественно, мы встретимся в дальнейшем рассказе с некоторыми фактами, заставляющими прямо предполагать, что кто-нибудь из русских князей приходил на помощь Алексею вместе с половцами. — *Прим. авт.*

Михаил I Керуларий (ок. 1000-1059) — патриарх Константинопольский в 1043—1058 гг., при котором произошел окончательный раскол христианской церкви на западную и восточную.

Речь идет о филиокве (*лат. filioque* — «и от сына») — добавлении, сделанном Римской церковью в Никео-Цареградский Символ веры IV в. в догмате Троицы: об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но «и от Сына».

Мы назвали известного киевского митрополита Иоанна II Продромом, хотя он не известен у нас под таким прозванием. Византийский поэт XII в. Феодор Птохо-Продром, сочинения которого чрезвычайно важны для изучения эпохи Комнинов, говорит о себе в одном стихотворении, что он родился в семействе благочестивом и что самые прозвания членов этого рода указывают на их благочестие:

Мой дед носил имя Продрома (Предтечи),

А мой дядя назывался Христом

И был предстоятелем (иерархом, митрополитом)

Русской земли, сильным в слове. Ими я воспитан в благочестии.

Дядя Феодора Птохо-Продрома должен был иметь два прозвания: родовое Продром и личное Христос. Он жил в самом начале XII в. или в конце XI в., ибо его племянник, им воспитанный, уже при Калоиоанне [Иоанн II Комнин (1118—1143 г.) — византийский император; носил прозвище Калоиоанн — Иоанн Красивый] был придворным поэтом. Под 1089 г. в нашей летописи говорится о смерти митрополита Иоанна, родом грека, который был «муж хытр книгам и ученью, речист» и т.д. Этот Иоанн оставил сочинение, которое на русском языке носит следующее странное заглавие: «Церковное правило митрополита Иоанна, пророка Христова». Мы подозреваем в последних словах неправильный перевод греческого написания его имени. — *Прим. авт.*

К кому было адресовано послание Феофилакта, мы узнаём от одного из его преемников по болгарской кафедре, митрополита Димитрия Хоматина (в начале XIII в.). Вызванный также подать свое мнение о латинских заблуждениях, он приводит мнения прежних писателей и говорит, что некоторые смотрели на вопрос снисходительнее и, допуская уступки, впрочем, восставали только против прибавления к символу; к числу этих некоторых принадлежал и блаженный Феофилакт, который в сочинении, посланном к диакону канстризию Николаю, впоследствии епископу Мелесовы, выражается таким образом. Канстризий — это был диакон, заведовавший архиерейским облачением, и т.д. Известно, что вообще сан диакона великой церкви имел очень высокое значение, что подтверждается и позднейшим назначением Николая на епископскую кафедру. — *Прим. авт.*

Никоновская летопись под 6599 г.: «Прииде Феодор Грек митрополичь от папы из Рима и принесе много мощей святых». Если мы предположим, что в числе этих мощей находилась частица от мощей чудотворца Николая (которые в 1087 г. были похищены южноитальянскими моряками у греков в Ликии и перенесены в город Бари), то совершенно понятно будет установление праздника 9 мая, не существующего, как известно, в греческой церкви, но издавна принятого в русской [Празднование Русской православной церковью памяти перенесения мощей святителя Николая из ликийской Миры в Бари 9 мая установлено вскоре после 1087 г.]. Во всяком случае, объяснение этому надобно искать в дружелюбных сношениях между обеими церквями в конце XI столетия. Ассемани [Иосиф Симон Ассемани (1686—1768) — итальянский востоковед ливанского происхождения, хранитель Ватиканской библиотеки в 1738-1768 гг., титулярный архиепископ Тира] предполагает, что представители русской церкви могли присутствовать на Барийском соборе 1098 г., где греческие епископы рассуждали с Ансельмом Кентерберийским [Ансельм Кентерберийский (1033—1109) — католический богослов, философ, архиепископ Кентерберийский с 1093 г.] об исхождении Св. Духа, и по возвращении в отечество могли поведать о чудесах, совершавшихся в Бари при мощах св. Николая, что и должно было дать повод к установлению праздника. — *Прим. авт.*

Что Тогортак или Тогорта у византийской писательницы и Тугоркан, Турткан и Тугторақан русских летописей — одно и то же лицо, это не требует доказательств. Но тождество Маниака и Боняка точно так же несомненно: как Магомет назывался у русских Бохмитом, мусульмане — бусурманами, точно так же Маниак (Маньяк, Маняк) должен был превратиться в Боняка. Откуда происходит это различие в выговоре турецких слов, мы не знаем; быть может, причина находится в самом турецком языке или в диалектических отличиях его наречий. Помимо филологического тождества слов Маняк и Боняк, вот еще одно несомненное и очень интересное доказательство, что Боняк русских летописей есть Маниак Анны Комнины. Мы обязаны этим доказательством образцовому исследованию К.Н. Бестужева-Рюмина («О составе русских летописей»). — *Прим. авт.*

Что это были русские, мы думаем на следующих основаниях: 1) слово αὐτόμολοι (перебежчики) [у Анны Комнины] показывает, что здесь идет речь не о собственных подданных Алексея, жителей той или другой горной страны, входившей в состав империи, которые неожиданно пришли на помощь... 2) Сказано, что пять тысяч не только пришли к Алексею, но что они перешли в «его строй». Смысл этих слов подкрепляет значение слова αὐτόμολοι. Очевидно, что речь идет только о перемене рядов, строя, что люди, пришедшие к Алексею, и прежде готовы были к бою, но только находились в других рядах, то есть в рядах половецких. 3) Даже название людей, пришедших к Алексею, «смелыми и марсоподобными» служит в пользу такого объяснения. Сколько мы помним, Анна употребляет подобные выражения преимущественно об иностранцах: так с Марсом сравнивается немец Гильбрехт, изменивший Никифору в пользу Алексея; так латиняне названы смельчаками; так один армянин и норманн Гумбертопул названы марсоподобными... Когда Анна хочет похвалить мужество византийца, она выражается: «он сражался не как грек, а как норманн»... Итак, пятитысячный отряд, ободривший Алексея, не какая-либо вольная дружина, состоявшая из подданных империи. 4) По ходу рассказа видно, что «перебежчики» могли быть из печенежского стана или из половецкого, ибо впереди стоят слова: «Алексей боялся бесчисленного множества печенегов и куманов и союза их», но уже в выражении, указывающем только на перемену военного строя или рядов, лежит намек на то, что переход совершился из стана более дружественного Алексею, то есть половецкого. 5) Далее сказано, что

люди, перешедшие к Алексею, были «из стран более горных», то есть, вероятно, по отношению к земле половецкой и печенежской. Припомним географию Константина Багрянородного: в более северной части, в соседстве с венграми, живут печенеги, а в горах, подле них, лежат хорваты. Это нас приводит в Прикарпатскую Русь, где в это время жил и действовал предприимчивый князь Василько Ростиславович, питавший широкие планы и, между прочим, собиравшийся «переехать» дунайских болгар и поселить их у себя. Около 1091 г. воинственный князь был в дружбе с половцами и водил их на соседние страны... К самому 1091 г. относится рассказ венгерских источников о нападении половцев на Венгрию, которое было предпринято не без участия «русских». Нужно думать, что половцы, напавшие на Венгрию в 1091 г., сделали это нашествие на возвратном пути из пределов Византии. Венгерский король, разбив одну орду, должен был бороться с другою, которая появилась на Дунае; это вполне соответствует рассказу Анны Комнины о возвращении половцев двумя толпами и в два приема... — *Прим. авт.*

«Повесть временных лет»: «...и яко бысть полунощи, и встав Бонякъ отъеха от рати и поча выти волчьски, и отвыся ему волк, и начаша мнози волци выти». — *Прим. авт.*

Трудно удержаться от догадки, что в числе этих последних были и люди того племени, которому веселие пити. — *Прим. авт.*

О победе Ласло над турецкой ордой говорят: 1) легенда св. Ласло, называя вместо куманов печенегов и рассказывая о разных чудесах, при этом случившихся; 2) Симон Кеза [венгерский хронист XIII в.], у которого враги тоже названы печенегами. Смешение печенегов с половцами довольно естественно; если есть какая нужда на нем останавливаться, то можно предполагать, что вместе с половцами действительно ушла некоторая часть печенегов. Но рассказ Кезы заставляет сверх того думать, что этот писатель знал о совершенном истреблении печенежского племени в 1091 г., но только на том или другом основании причиной этого истребления считал победы короля Владислава. — *Прим. авт.*

Анна Комнина говорит, что самозванец принял имя другого сына Диогена — Льва. Но это очевидная ошибка или, скорее, обмолвка. Она сама говорит, что тот сын Диогена, имя которого принял самозванец, был убит турками под Антиохией. Но под Антиохией был убит Константин, как об этом рассказано у Вриенния, мужа Анны, историю которого она продолжает и к которому сама отсылает читателя. Лев же, по собственным словам Анны, был убит в сражении с печенегами. — *Прим. авт.*

После явился Лев Диогенович. — *Прим. авт.*

Новое, до сих пор не замеченное известие о лже-Диогеновиче мы находим в речи Феофилакта Болгарского к императору Алексею, отрывки из которой были уже приведены выше. Но Феофилакт, рассказывающий о позорном наказании самозванца, знает только его первоначальную историю до отправления в Херсон: самая речь была сказана в 1090 г. Что в речи Феофилакта говорится о том самом самозванце, о котором подробный рассказ мы имеем у Анны в X книге, — в этом не может быть никакого сомнения. Мы думаем даже, что Анна в своей характеристике самозванца пользуется речью архиепископа как источником. На это указывают несколько ее выражений, буквально сходных с теми, которые читаются у Феофилакта. — *Прим. авт.*

В русской летописи под 6603 г. (1094—1095 гг.):
«Идоша Половци на Греки с Девгениевичем». — *Прим.
авт.*

Еще греки и римляне гадали по Гомеру и Вергилию, раскрывая наудачу то или другое место и принимая первый попавшийся стих как изречение оракула. Гомера и Вергилия заменили у христиан, сохранивших суеверное стремление проникать в тайны будущего, очень естественно книги Священного Писания; верующий, закрыв глаза, развертывал Библию или сочинение одного из Отцов Церкви, и смысл попавшегося заранее определенного стиха или строчки принимал как ответ на вопрос, обращенный к судьбе. Церковь не преследовала этого обычая, хотя и не одобряла его вполне. Обычай гадания по книгам Священного Писания существовал и у нас, как известно из «Поучения Владимира Мономаха», из Ипатьевской летописи (под 6484 г., о Владимире Васильковиче); в одной рукописи XIV в. при псалмах находится ряд подстрочных замечаний для объяснения смысла пророчества применительно к вопросам разного рода. Обычай пришел к нам из Византии, где гадание по священным книгам было также распространено, как это видно из многих примеров, относящихся, между прочим, и к XII в.

Жена Алексея Комнина императрица Ирина в своем уставе для женского монастыря, ею основанного, постановляет следующий способ избрания игуменьи в том случае, если умершая не назначит себе преемницы. Избираются сначала три сестры-монахини голосами всех сестер, из среды же этих трех кандидаток сам Бог отдает предпочтение одной. В известный день духовный отец монахинь берет три равные и одинаковые свитка (хартии) и на каждом пишет следующие слова: «Владыко Господи наш Иисусе Христе сердцеведче,

молитвами всенепорочной Владычицы вашей Богородицы, покажи нам, грешным, считаешь ли ты достойной игуменского над нами сана сестру нашу такую-то» (следовало имя). И на других хартиях он пишет опять те же самые слова с изменением только имен; потом хартии, запечатанные печатью и рукою попечительницы монастыря (из рода Ирины), в присутствии ее и сестер возлагаются священником на священную трапезу во время субботнего повечерия. На следующий день, после окончания божественной литургии, священник берет одну из трех хартий и передает ее, в присутствии всех сестер, той, которая положила на ней свою печать; когда она признает свою печать, то хартия, пред глазами всех, открывается; той сестре, имя которой окажется в ней написанным, вручается монастырский устав и посох, то есть она признается игуменьей.

Гадание двумя жребиями Алексея Комнина напоминает другой рассказ Анны Комнины о своем отце. Мы считаем не лишним сделать здесь несколько замечаний по поводу этого рассказа. Анна говорит, что когда Алексей отправился в поход против Боэмунда (в 1107 г.), то у Влахернской Богоматери не произошло «обычного чуда»; вследствие того император чрез несколько дней воротился в Константинополь, вошел в храм Богоматери в сопровождении немногих лиц; когда он совершил песнопение и усердное моление, то «обычное чудо» произошло, и таким образом Алексей пустился в поход уже с хорошими надеждами.

Еще Дюканж [Шарль Дюканж (1610—1688) — французский историк-медиевист и филолог-энциклопедист. Один из основоположников научной византистики в Европе] указал на сочинение одного знаменитого богослова XII в., принадлежавшего к Парижскому университету, именно Белета, где находится объяснение Влахернского чуда. В 51 главе

[сочинения Белеты] мы читаем следующее: «Был некогда в Константинополе в одной церкви образ Святой Девы, пред которым висел некоторый покров, закрывающий его совершенно. Но в пятницу на вечерне этот покров без всякого содействия ниспадал сам собою и божественным чудом как бы поднимался к небу, так что все это могли ясно и вполне видеть; а в субботу, по окончании вечерни, покров нисходил на тот же образ и оставался до следующей пятницы».

Нет никакого сомнения, что именно такого рода чудо разумеется у Анны Комнины. Приняв в расчет четыре дня, которые простоял Алексей в лагере, не в далеком расстоянии от Константинополя, и путь сюда и обратно в столицу, мы получим именно неделю и новую пятницу, когда должно было совершиться «обычное чудо» (не всегда, однако, совершавшееся в свой урочный день). — *Прим. авт.*

Зопир (VI в. до н. э.) — один из военачальников Дария I, во время осады Вавилона перебежал на сторону вавилонян, предварительно искалечив себя, чтобы вызвать доверие врага, и открыл войскам Дария городские ворота.

Д. П. Европеус. Об угорском народе. Спб. 1874 г. —
Прим. авт.

Титмар Мерзебургский (975—1018) — немецкий хронист.

Болеслав I Храбрый (ок. 967—1025) — польский князь в 992-1025 гг. и король в 1025 г. В 1018 г. призванный на помощь своим зятем Святополком Окаянным, разбил его брата и соперника Ярослава Владимировича (Мудрого), овладел Киевом и сделал попытку утвердиться в нем, но, встретив сопротивление киевлян, вынужден был поспешно уйти восвояси.

Галл Аноним (кон. XI — нач. XII в.) — автор древнейшей польской хроники на латинском языке. В русском переводе известна как «Хроника, или Деяния князей и правителей польских».

Аль-Бекри (ум. 1094) — арабский писатель и путешественник.

Аль-Балхи (850—934) — арабский ученый-энциклопедист: математик, астроном, врач, более всего известен как географ.

Гильом де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах- францисканец, путешественник.

Белазури, полное имя Ахмед ибн Яхья ибн Джабир ибн Дауд аль-Балазури (ок. 820 — ок. 892) — арабский историк.

Георгий Пахимер (1242 — ок. 1310) — византийский философ, историк, математик, писатель и церковный деятель.

Никифор Григора (ок. 1295-1360) — византийский историк, астроном, религиозный деятель.

Михаил VIII Палеолог (1224—1282) — император Никеи в 1259-1261 гг., византийский император с 1261 г., первый император Византии из династии Палеологов.

Ибн аль-Атир (аль-Асир) (1160-1233 или 1234) — арабский историк и дипломат.

Абулгази (Абульгази Багадырхан) (1603—1664) — хивинский хан, потомок Чингисхана, известен также как историк.

Раймунд де Ажилъ — французский хроникер XI в., капеллан Раймунда IV, графа Тулузского. Оставил записки, послужившие источником для истории Первого крестового похода.

Католический миссионер Бруно.

Нет никакого основания видеть здесь поход на болгар дунайских. — *Прим. авт.*

Здесь необходимо сказать несколько слов относительно хронологии. По дате византийца, Скилицы, приход узов на Дунай произошёл в 6573 г. от С. М. В нашей летописи поражение торков отнесено к 6568 г. В первом случае $6574 - 5508 = 1065$ г., а по летописи $6568 - 5508 = 1060$ г. Где же, спрашивается, пропадали узы-торки в продолжение пяти лет? Это разногласие источников легко устраняется. Византийцы считали год с сентября (Уч. Зап. Ак. н. по I и III отд. 1834 г. т. II. Куник. О признании 1223 г. временем битвы на Калке). Узы, переехавши Дунай, бросились грабить, но на возвратном пути из экскурсии были захвачены зимой. Таким образом, между переправой и наступлением зимы очень короткий срок. Следовательно, они совершили вторжение в осенние месяцы, позже августа. Теперь, поступая по способу г. Куника, находим $6573 - 5509 = 1064$. Беря во внимание, что расстановка годов в летописи весьма часто является произвольной, мы имеем право сделать следующее соображение. Под 6568 г. мы находим известие о поражении торков летом. Под 6569 г. сообщается, что 2 февраля пришли половцы. Так как наш летописец признавал годы «мартовские», то лето, в которое совершился поход на торков, и февраль, когда пришли половцы, могли быть в одном и том же «мартовском» году. Весьма возможно, что летописец разбил на два года события, относящиеся к одному «мартовскому» году. Следующий 6570 г. оказывается пустым. Нет ничего невероятного, что этот пустой год и есть год упомянутых событий, ибо оставление пустых годов было делом произвола летописца. Если мы примем, что эти события произошли в 6570 г., то по способу г. Куника находим: $6570 - 5508 = 1062$ г. от Р.Х. —

время похода на торков; $6570-5507=1063$ г. — время прихода половцев. Если торки потерпели поражение в 1062 г., то они могли еще потом кочевать в степях, пока приход половцев в 1063 г. не заставил их двинуться к пределам Византии, куда они и могли явиться в 1064 г, В. Г. Васильевский признает временем появления узов на Балканском полуострове сентябрь 1064 г.

Принимая за народы еще существующие печенегов, узов, куман, он старается всем им найти место. Коман и кипчаков он как будто признает за два различные народа, очевидно, потому, что новые кочевники южнорусских степей приняли имя кипчаков, существовавшее еще раньше их появления, хотя и опровергает себя сейчас же тем, что рассказывает о поражении кипчаков татарами.

Аль-Идриси (Эдризид, Едризид) (1100-1161 или 1165) — арабский географ и путешественник.

Ибн-Хаукаль (Ибн-Гаукаль) — арабский географ и путешественник X в.

Ибн аль-Варди (1292—1349) — арабский путешественник и географ.

Рашид ад-Дин (1247— 1318) — персидский ученый-энциклопедист; по поручению хана Газана составил труд «Сборник летописей», который является важнейшим источником, прежде всего по истории Монгольской империи; по этой причине, вероятно, и причислен П. Голубовским к «монгольским историкам».

Кедрин рассказывает, что крепость Саркел — Белая Вежа, построенная на Дону, служила для удержания печенегов от вторжений в области Хазарии. Но Константин Багрянородный, весьма подробно говорящий о печенегах, об их отношении к Хазарии, не знает совсем причины постройки этого укрепления. При императоре Феофиле [гг. правления 829-842], ко времени которого оба писателя относят этот факт, печенеги жили еще между Волгою и Уралом, так что крепость на Дону не могла служить против них. — *Прим. авт.*

Год, в который произошли эти события, по нашему мнению, определить с точностью нет возможности. Константин Багрянородный говорит, что они происходили за 50 или 55 лет до времени написания им своего сочинения. Если он писал в 948 г., то, следовательно, изгнание печенегов произошло в 898 или 893 г. Наша летопись относит проход венгров неопределенно ко времени правления Олега (приблизительно 879—912 гг.). Появление их у Киева отнесено ею к 898 г., но, кажется, тут она списала у византийцев. Сум [Петер Фридерик Сум (1728— 1798) — датский историк] предполагает, что вытеснение венгров печенегами совершилось постепенно. — *Прим. авт.*

Что выселение совершилось не вдруг, видно из рассказа Константина Багрянородного. Он говорит, что печенеги жили вначале между Волгой и Яиком, венгры же занимали страну Лебедию [По словам Константина, Лебедией называлась эта страна по имени первого воеводы мадьяр Лебедиаса. О стране Лебедии (королевстве Лебедии), существовавшей в IX в. на востоке от Киева, упоминает и Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского»], где протекает река Ингул [впадает в Бугский лиман Черного моря]. Печенеги их вытеснили. Затем каган Хазарии старался сплотить их под властью одного вождя. Таким вождем был провозглашен Арпад [(850/855—907)]. После этого, уже в его правление, печенеги напали на них и заставили выселиться из мест, где протекали Прут, Серет и Днестр, в Великую Моравию... Таким образом, по рекам их стоянки могут быть обозначены так: 1) Волга и Дон, 2) Дон, Днепр, Ингул и 3) Днестр, Прут и Серет. Первую стоянку между Доном и Волгой мы полагаем потому, что как восточные писатели, так и западноевропейские путешественники полагают Великую Венгрию между Волгой, Уралом и Уральским хребтом. Но из этого, так сказать, центра Венгрии их кочевья спускались между Волгой и Доном, что видно из венгерских преданий... Ни Аноним [так называемый «Венгерский Аноним», секретарь короля Белы III, автор «Деяний венгров» (втор. пол. XII в.)], ни Туроц [Иоанн Туроцкий, венгерский писатель XV в.] не знают собственно Волги, а только Дон, с берегов которого и ведут своих земляков. Оба они писали по народным преданиям, в которых, как мы видим, река Этиль-Волга смешивается, сливается в одно с Доном. Это могло

произойти только в таком случае, когда бы венгры занимали берега Волги и Дона, то есть жили между этими реками. Таким образом, до столкновения с печенегами венгры обитали между рекой Яиком, Волгой и Доном. Вытеснена печенегами была та часть венгров, которая обитала между Волгой и Доном, а другая часть осталась на прежних жилищах... Во второй стоянке, между Доном и Днепром, знает, кажется, венгров и Ибн-Даст [Ибн-Даста (Абу-Али Ахмед Ибн-Омар) — арабский писатель X в.]. Он говорит, что они живут между двумя большими реками, впадающими в Румское (Черное) море. Ни один из приведенных историков, согласно с указанными нами фактами, не держится мнения о проходе венгров мимо Киева и их победах над русскими. — *Прим. авт.*

Приблизясь к порогам, надо было выходить на берег, вытаскивать суда и обходить эти опасные места. При этом часть людей переносила тяжести, а другая шла с оружием в руках. — *Прим. авт.*

То есть Владимир привлек его на свою сторону, дав клятвенное обещание.

Карамзин предполагает, что восточные печенеги были вытеснены половцами в 1036 г. Время определить невозможно. Вытеснение происходило, конечно, не вдруг, и начало его надо отнести к более раннему времени. — *Прим. авт.*

Аль-Масуди (ок. 896-956) — арабский историк, географ и путешественник.

«Повесть временных лет»: «...и так гибли, а остаток их бегают где-то и до сего дня».

Михалко (Михаил) Юрьевич (ум. 1176) — великий князь Владимиро-Суздальский, сын Юрия Долгорукого.

Берендеи — племя, кочевавшее в южнорусских степях в XI-XIII вв.; в 1097 г. заключили союз с печенегами, в 1105 г. потерпели поражение от половцев и с 1146 г. стали данниками русских князей. С приходом монголов ассимилировались с Золотой Ордой.

Игорь Святославич (1151 — 1202) — князь Новгородсеверский, князь Черниговский. Главный герой «Слова о полку Игореве».

Лтава — вероятно, теперешняя Полтава. — *Прим.
авт.*

Святослав Всеволодович (ок. 1123-1194) — князь Новгородский, Туровский, Волынский, Новгородсеверский, Черниговский, великий князь Киевский.

Ибн-Хаукаль (Ибн-Гаукаль) — арабский географ и путешественник X в.

Горган (Гиркания, Джурджан) — город в Иране.

Изяслав Давыдович (ум. 1161) — князь Черниговский и великий князь Киевский.

Золотчей называлась одна из рек, впадающих в Днепр против Киева, а Саков — теперешний Сальков, село на левом берегу Днепра, несколько выше Витичева.
— *Прим. авт.*

Святополк (Михаил) Изяславич (1050—1113) — князь Полоцкий, Новгородский, Туровский, великий князь Киевский.

Святослав Владимирович (ум. 1114) — князь Смоленский, Переяславский, один из старших сыновей Владимира Мономаха.

«Поучение Владимира Мономаха»: «А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню».

Василько Ростиславич (ок. 1066-1124) — князь Тербовльский. Был изменнически ослеплен по приказу киевского князя Святополка Изяславича.

Рюрик Ростиславич — князь Новгородский, Овручский, великий князь Киевский, Черниговский.

Между 1150—1190 гг., по Ипатьевской летописи известны: Бастий, Чекман, Тошман, Моначук, Тудор Сатмазович, Кара-кось Мнюзовичь, Карас Кокей, Кунтувдей, Чюрнай, Кульде-юрь. — *Прим. авт.*

Мы не знаем, на каких условиях сидели эти черноклобуцкие князья по городам. Мы встречаем там постоянно и русских князей, которые владеют Поросьем как своим уделом. Надо думать, что черноклобуцкие князьки добивались получить город не из-за одной чести, а из-за выгод. Не все города Поросья были им розданы, а с полученных городов доходы от суда шли, вероятно, в их пользу. Русские князья, владевшие Киевом и Поросьем, отказывались от своих доходов в этих городах. Самый суд, однако, едва ли производился в этих городах черноклобуцким князем, а тиуном русским, и только судные пошлины отдавались каракалпаку. — *Прим. авт.*

Ростислав Рюрикович (1173 — после 1218) — князь Торческий, великий князь Киевский, Вышгородский, Галицкий.

Ростислав Владимирович (ум. после 1202) — князь Каневский, Трипольский.

Местность неизвестная. — *Прим. авт.*

Мстислав Владимирович Великий (1076—1132) — великий князь Киевский, сын князя Владимира Мономаха и английской принцессы Гиты Уэссекской.

Глеб Юрьевич (ум. 1195) — князь Дубровицкий, князь Туровский.

Мстислав (в крещении Феодор) Изяславич (ок. 1125/1126— 1170) — князь Переяславский, Луцкий, Волынский и великий князь Киевский.

Изяслав Владимирович (1186—1255) — князь
Теребовльский, Путивльский, Новгородсеверский,
великий князь Киевский, Каменецкий.

Олег Святославич (в крещении Михаил) (ок. 1053—1115) — князь Волынский, Тмутараканский, Черниговский, Новгород-Северский.

Юрий (Георгий) Владимирович, по прозвищу Долгорукий (1090-е — 1157) — князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский, считается основателем Москвы.

Святослав Ольгович (ум. 1164) — князь Новгородский, Курский, Стародубский и Белгородский, Новгородсеверский, Туровский, Черниговский.

Владимир Игоревич (1170 —?) — князь Путивльский, Новгородсеверский, Галицкий. Сын героя «Слова о полку Игореве» князя Игоря Святославича и его жены Евфросиньи Ярославны.

Святослав Владимирович (ум. 1167) — князь
Вщижский.

Владимир Давыдович (ум. 1151) — князь Черниговский.

Кедрин рассказывает, что печенеги, посланные императором в Малую Азию против турок-сельджуков, переправленные через море, у Митилены стали и собрали совет, на котором было решено возвратиться на Балканский полуостров. Бруно, ходивший с проповедью к печенегам, рассказывает, что на третий день по удалении от русской границы он и его спутники были схвачены печенегами и приведены к большой стоянке. Жизнь проповедникам была оставлена только до тех пор, пока весь народ, собранный вестниками, явится на общий совет. На совете князьям едва удалось спасти их жизнь. — *Прим. авт.*

Абульфедда говорит, что власть князей у печенегов была наследственна и переходила от отца к детям. Но более заслуживает доверия приведенное нами известие Константина Багрянородного, который ближе стоял к делу, как по месту, так и по времени. Вспомним, что Абульфедда жил в XIII-XIV вв. — *Прим. авт.*

«Повесть временных лет»: «Бонякъ же разделися на 3 полкы, и сбиша угры в мячь...» — «Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в кучу...»

Этот путешественник в 1170-1180 гг. проехал в Азию из Регене-бурга, через Польшу, Киев, Крым или Хазарию. Из Киева он плыл шесть дней по Днепру и затем вступил в землю Кедар. Кедариты раввина Петахии, очевидно, наши половцы, потому что в XII в. только они одни занимали степи у Днепра. — *Прим. авт.*

Другие путешественники говорят то же о татарах. Этот способ переправ был общекочевнический. — *Прим. авт.*

Черные клобуки — общее название тюркских вассалов киевских князей, расселенных в Поросье начиная с конца XI в. Были важной военной силой и активно участвовали в русских междоусобицах.

Паволока — род парчи. Оксамит, аксамит, — плотная ворсистая, часто узорчатая ткань из шелка и золотой или серебряной нити. В расширительном смысле — любая драгоценная ткань.

«Слово о полку Игореве»: «Орытмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотом и грязивым местом, и всякими узорочьи половецкими». — «Покрывалами, и плащами, и одеждами, и всякими нарядами половецкими стали мосты мостить по болотам и топям».

144

Название Черкессии в Средние века.

Саип-Гирей, Сахиб I Герай (1501 — 1551) — хан Казани в 1521-1524 гг. и Крыма в 1532-1551 гг. Основатель Бахчисарая.

С.М.Соловьев. История России с древнейших времен.
Т.VI, гл. 2. — *Прим. авт.*

«Слово о полку Игореве»: «Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелеють месть Шароканю». — «Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, позванивая русским золотом, поют они о времени Бусовом, лелеют месть за Шарукана». Очевидно, это были песни половецкие, перешедшие к азовским готам, которые тогда были покорены половцами и находились с ними в тесных отношениях. — *Прим. авт.*

То, что сообщает Рубрук далее, дает повод думать, что он видел кельтские постройки. — *Прим. авт.*

Жена брата.

«Вопрошание Кириково» — памятник древнерусской литературы. Представляет собой длинный список вопросов и ответов. Предполагаемый автор — Кирик Новгородец (1110 — не ранее 1156/1158) — доместик Антониева монастыря в Новгороде.

Эдуард Гиббон (1737—1794) — английский историк.

Джованни Плано Карпини (ок. 1182—1252) — итальянский монах-францисканец, первым из европейцев посетил Монгольскую империю.